Годъ 20-й. Кн. LXXVIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1908, № 3.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла *В. Ѳ. Миллера*

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1909.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Групповой бракъ.

I.

Гипотеза группового брака, выставленная впервые сорокъ лѣтъ тому назадъ Морганомъ, до сихъ поръ продолжаетъ находить себѣ сторонниковъ, и къ числу такихъ сторонниковъ нерѣдко принадлежатъ ученые, оказавшіе этнографіи очень существенныя услуги, люди, именамъ которыхъ нельзя отказать въ извѣстной авторитетности. Въ виду этого съ данной гипотезой приходится и теперь считаться, несмотря на многочисленныя и вѣскія возраженія противъ нея, высказанныя въ работахъ многихъ авторовъ, начиная съ Макъ-Леннана, и несмотря на то, что нѣкоторые другіе авторы, писавшіе по исторіи семьи, считали всѣ построенія Моргана и его школы настолько ненаучными, что не считали нужнымъ даже говорить о нихъ.

За сорокъ лѣтъ, истекшихъ съ появленія книги Моргана „Systems of Consanguinity and Affinity", въ наукѣ многое измѣнилось, измѣнилась и самая гипотеза группового брака, но она попрежнему сохранила ту особенность, что въ основу ея положено истолкованіе терминовъ родства, употребляемыхъ различными народами. Непосредственное наблюденіе жизни существующихъ малокультурныхъ племенъ отнюдь не даетъ доказательствъ не только повсемѣстнаго, но хотя бы сколько-нибудь широкаго распространенія группового брака, и въ лучшемъ случаѣ можно было бы говорить всего о какихъ-нибудь двухъ—трехъ племенахъ, какъ о сохранившихъ институтъ группового брака и понынѣ. Но на двухъ—трехъ фактахъ, противъ которыхъ въ виду ихъ рѣдкости всегда можетъ быть предъявленъ отводъ, какъ противъ случайныхъ, конечно невозможно строить теорію, предполагающую чуть не повсемѣстное распространеніе, по крайней мѣрѣ, въ прошломъ извѣст-

наго института. На это обстоятельство не закрывали глаза и сами сторонники гипотезы группового брака, и многіе изъ нихъ, не пытаясь найти какія-либо другія доказательства существованія этого института, продолжали идти тѣмъ путемъ, какимъ шелъ самъ Морганъ, т.-е. ограничивались лишь однимъ истолкованіемъ системъ родства, названій, придаваемыхъ различными народами различнымъ родственнымъ отношеніямъ. Если бы эти системы родства были какъ-нибудь внезапно утрачены наукой, теорія группового брака сразу же исчезла бы и врядъ ли нашла бы себѣ хоть одного сторонника. Онѣ составляютъ самую основу теоріи и устранить ихъ было бы все равно, что вынуть фундаментъ изъ-подъ зданія и обратить его въ безформенную массу развалинъ.

Но если въ методологическомъ отношеніи ученики Моргана придерживаются тѣхъ же пріемовъ, что и ихъ учитель, это не значитъ, чтобы они принимали полностью устанавливаемую имъ схему развитія семейныхъ и брачныхъ отношеній. Защищать моргановскую схему во всѣхъ ея деталяхъ было бы задачей явно несостоятельной. Съ одной стороны, послѣ выхода въ свѣтъ его книгъ, стали извѣстны многія новыя системы родства, которыя не укладывались въ рамки его схемы, такъ что эти рамки приходилось волей-неволей раздвинуть. Съ другой, даже въ предѣлахъ тѣхъ системъ родства, которыя были собраны и изслѣдованы самимъ Морганомъ, его объясненія во многихъ случаяхъ страдаютъ существенными внутренними противорѣчіями. Такъ, напр., древнѣйшую, по его мнѣнію, малайскую систему родства онъ выводитъ изъ кровнородственной формы семьи, при которой братья вступали въ групповой бракъ со своими родными сестрами и гдѣ слѣдовательно сестра была въ то же время и женой, братъ—мужемъ, отецъ—тестемъ или свекромъ, и однако въ малайской системѣ всѣ эти понятія различаются, т.-е. для сестры и жены, для мужа и брата, для отца и тестя есть свои особыя обозначенія. Термины свойства тутъ рѣшительно противорѣчатъ объясненію, даваемому терминамъ родства, и, не пытаясь устранить это противорѣчіе, Морганъ просто обходитъ его молчаніемъ. Другое подобное противорѣчіе проявляется въ отсутствіи параллелизма между эволюціей семьи и развитіемъ системъ родства. Устанавливая три послѣдовательныя главныя формы семьи, кровнородственную, пуналуальную и моногамную, Морганъ выводитъ изъ нихъ три главныхъ типа си-

стемъ родства: малайскую, возникшую изъ кровнородственной семьи, туранскую или ганованскую, созданную пуналуальной семьей, и описательную, сводимую имъ къ моногамной семьѣ. Такъ какъ системы родства измѣняются съ извѣстнымъ опозданіемъ въ сравненіи съ формами семьи, для измѣненія первыхъ требуется, чтобы новыя формы семьи достаточно окрѣпли, то было бы естественно наткнуться на примѣры существованія малайской системы при пуналуальной семьѣ, или туранской системы при моногаміи. Но эта естественность получаетъ иной характеръ, когда оказывается, что ни въ одномъ случаѣ нельзя найти систему родства именно при той организаціи семьи, при которой она возникла, и особенно страннымъ является тотъ фактъ, что малайская система родства встрѣчается у тѣхъ народовъ, которые уже перешли къ моногамной семьѣ; у нихъ слѣдовательно пуналуальная семья прошла безслѣдно, не оставивъ никакихъ слѣдовъ на системѣ родства. Положеніе съ точки зрѣнія самого Моргана совершенно необъяснимое, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ случаяхъ, а объ общемъ правилѣ, такъ какъ самъ Морганъ только относительно однихъ гавайцевъ пытался утверждать, что у нихъ еще недавно существовала пуналуальная семья. Что всѣ остальные народы съ малайской системой уже перешли къ моногамной семьѣ, этого Морганъ не пытался оспаривать. Наконецъ, если придерживаться полностью системы Моргана и особенно если стоять на его точкѣ зрѣнія единообразія развитія всего человѣчества, тогда придется прибѣгнуть къ такимъ явнымъ натяжкамъ, какъ, напр., ставить полинезійцевъ и въ томъ числѣ гавайцевъ на болѣе низкую ступень развитія, чѣмъ австралійцы и т. д.

Въ виду всего этого позднѣйшіе сторонники гипотезы группового брака, оставаясь вѣрными принципіальнымъ положеніямъ Моргана, вмѣстѣ съ тѣмъ вносили существенныя измѣненія въ устанавливаемую имъ схему развитія семьи. Одни изъ нихъ, сообразно опубликованію новыхъ системъ родства, дополняли моргановскую схему все новыми и новыми формами семьи. Особенно въ этомъ отношеніи постарался Колеръ, не остановившійся передъ реконструированіемъ даже такихъ формъ брака, какъ приписываемый имъ американскому племени Омага, по которому мужчина, вступая въ бракъ съ какой-нибудь женщиной, становится тѣмъ самымъ мужемъ ея тетки и племянницы, а женщина, выходя за-

1*

мужъ за какого-нибудь мужчину, становилась въ то же время женой дяди и племянника своего мужа [1]). Другіе радикальнымъ образомъ перевертывали всю схему Моргана. Такъ Риверсъ въ одной изъ своихъ недавнихъ статей высказалъ мнѣніе, что системы родства, называемыя Морганомъ туранскими, являются древнѣйшими, а малайскія—позднѣйшими, упрощеніемъ первыхъ [2]), и это мнѣніе аргументировано имъ довольно солидно. Третьи, наконецъ, и такихъ больше всего, не вдаваясь въ какія бы то ни было обобщенія и систематизаціи, ограничиваются заявленіями по поводу отдѣльныхъ системъ родства, что эти системы родства нельзя объяснить иначе, какъ предположивъ, по крайней мѣрѣ, въ прошломъ существованіе группового брака. Точныя формы группового брака при этомъ часто не указываются, а когда и указываются, ихъ положеніе въ общемъ ходѣ развитія семьи и отношеніе къ другимъ формамъ брака остается невыясненнымъ.

Никто однако изъ послѣдователей Моргана не пытался дать полную провѣрку его принциповъ и повторить приблизительно ту же работу, которую продѣлалъ онъ самъ. Никто не пытался собрать всѣ извѣстныя системы родства и показать, что всѣ онѣ получаютъ разумное объясненіе съ точки зрѣнія группового брака. Правда, этнографическія изслѣдованія вообще не отличаются особенной полнотой матеріала, и трудно указать хотя бы одну работу, въ которой были бы использованы всѣ нужные для нея факты, такъ что съ внѣшней стороны построенія теоретиковъ группового брака могутъ казаться не отличающимися по своей обоснованности отъ другихъ теорій въ области изслѣдованія первобытной культуры. Но тутъ есть глубокое внутреннее различіе. Мы можемъ дать очень неполный, можетъ быть, даже совершенно случайный подборъ фактовъ, относящихся, положимъ, къ экзогаміи или материнскому праву, и все-таки этихъ фактовъ будетъ достаточно, чтобы доказать, что экзогамія и материнское право не только существуютъ, но и широко распространены. Существованіе этихъ явленій констатируется непосредственнымъ наблюде-

[1]) *Dr. J. Kohler*, Zur Urgeschichte der Ehe. Totemismus, Gruppenehe, Mutterrecht. Stuttgart 1897. S. 82, 93, 134—136.

[2]) *W. H. R. Rivers*, On the Origin of the Classificatory System of Relationships, въ „Anthropological Essais presented to Edward Burnett Tylor", pp. 310—315.

ніемъ, ихъ не приходится возстановлять путемъ извѣстнаго рода логическихъ умозаключеній. Въ иномъ положеніи находится теорія группового брака; его существованіе утверждается только какъ логическій выводъ изъ опредѣленныхъ предпосылокъ, въ данномъ случаѣ изъ системъ родства, и тутъ конечно необходима особо строгая провѣрка всѣхъ отдѣльныхъ звеньевъ логической цѣпи. Для того, чтобы выводить групповой бракъ изъ системъ родства, необходимо вмѣстѣ съ Морганомъ настаивать на томъ, что *всякая* система родства дѣйствительно выражаетъ реальныя родственныя отношенія, какъ они складывались при опредѣленныхъ формахъ брака. Пока не доказано это основное положеніе, пока могутъ быть сомнѣнія въ его правильности, гипотеза группового брака остается висящей въ воздухѣ. Дѣйствительно, предположимъ, что мы наткнемся на какія-нибудь системы родства, не поддающіяся истолкованію съ точки зрѣнія Моргана, т.-е. такія, какія нельзя свести къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ формамъ брака. Очевидно, что уже одного такого примѣра будетъ достаточно, чтобы нанести роковой ударъ всей теоріи группового брака, потому что однимъ этимъ примѣромъ будетъ подорванъ основной ея принципъ, первое звено цѣпи логическихъ умозаключеній. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если окажется, что есть системы, не выражающія совокупности дѣйствительнаго реальнаго родства, а выражающія нѣчто другое, тогда уже нельзя исходить изъ положенія, что *всякая* система родства выражаетъ фактическое родство, существовавшее при опредѣленной формѣ брака. Вмѣсто даннаго, изъ котораго слѣдуютъ дальнѣйшіе выводы, это положеніе обращается въ подлежащее доказательству. Вмѣсто того, чтобы выводить изъ какой-нибудь австралійской системы тѣ или другія формы брака, необходимо предварительно доказать, что такое выведеніе въ данномъ случаѣ возможно, т.-е. что данная система родства дѣйствительно соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ формамъ брака. Тамъ, гдѣ мы можемъ это сдѣлать, т.-е. тамъ, гдѣ мы можемъ показать, что система родства соотвѣтствуетъ засвидѣтельствованнымъ тѣмъ или инымъ путемъ формамъ брака, тамъ, конечно, намъ нѣтъ надобности реконструировать формы брака съ помощью системы родства, потому что онѣ и безъ того извѣстны. Тамъ же, гдѣ такого соотвѣтствія установить нельзя, обращеніе къ системамъ родства для реконструкціи формъ брака будетъ логически неправильнымъ.

А что такія системы родства, трудно сводимыя къ какимъ бы то ни было формамъ брака, есть, можно судить по слѣдующему небольшому примѣру. У африканскаго племени Ba-huana женщина называетъ какъ своихъ собственныхъ дѣтей, такъ и дѣтей своихъ сестеръ и братьевъ *moana*, т.-е. сынъ или дочь, мужчина же называетъ дѣтей брата—*iya*, дѣтей сестры—*yei*, своихъ дѣтей—*moana*. Если женщина называетъ дѣтей брата дѣтьми, то это съ точки зрѣнія Моргана должно объясняться тѣмъ, что она, по крайней мѣрѣ, прежде была женой брата и его дѣти были дѣйствительно и ея дѣтьми, но тогда вѣдь и мужчина долженъ былъ бы называть дѣтей сестры не племянниками, а дѣтьми, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Будь здѣсь обратное, т.-е. если бы мужчина называлъ дѣтей сестры дѣтьми, а женщина дѣтей брата—племянниками, это еще можно было бы объяснить. Тогда можно было бы предположить, что, по мѣрѣ того какъ браки между братьями и сестрами стали выходить изъ употребленія, женщина стала различать своихъ дѣтей отъ дѣтей брата, но мужчина еще называлъ дѣтей сестры дѣтьми, потому что онъ все же сохранилъ, хотя въ меньшей степени, супружескія права на сестру и ея дѣти, можетъ быть, были отъ него. Но ту конкретную форму, какую мы встрѣчаемъ у Ba-huana, съ моргановской точки зрѣнія объяснить нельзя, тѣмъ болѣе, что сестру отца дѣти называютъ здѣсь не матерью (*mam*), а отцомъ (*tat*)[1]; очевидно система родства Ba-huana имѣетъ очень мало общаго съ происхожденіемъ ребенка отъ опредѣленныхъ родителей и не выражаетъ точно совокупности дѣйствительныхъ родственныхъ отношеній, которыя когда-либо существовали у даннаго племени.

Съ другой стороны, исчерпывающая или близкая къ тому обработка всѣхъ системъ родства необходима для того, чтобы выяснить, какая же картина семейныхъ и брачныхъ отношеній получится, если ихъ возстановлять съ помощью системъ родства. Мы, конечно, не должны непремѣнно предполагать, чтобы развитіе человѣчества всюду шло одними и тѣми же путями и чтобы всѣ факты изъ области семейныхъ и брачныхъ отношеній, извѣстные намъ, были членами одного ряда развитія, послѣдовательными момента-

---

1) *E. Torday* and *T. A. Joyce*, Notes on the Ethnography of the Ba-huana. Journ. Anthr. Inst. vol. XXXVI, p. 285.

ми одного и того же эволюціоннаго процесса. Наоборотъ, мы легко можемъ допустить существованіе въ этомъ отношеніи довольно значительныхъ различій между группами, опредѣляемыми признаками расовыми, географическими или хозяйственными. Отсюда, однако, далеко до мысли о возможности отсутствія какой бы то ни было закономѣрности, какого бы то ни было единства хотя бы внутри тѣхъ или другихъ широкихъ группъ. Несомнѣнно, исторія семьи не можетъ представлять хаотическую картину самыхъ причудливыхъ формъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою и не доступныхъ никакому разумному истолкованію. Если бы въ результатѣ изслѣдованія получилась такая картина, это было бы лучшимъ доказательствомъ ошибочности примѣненнаго въ данномъ случаѣ метода или негодности использованнаго при этомъ матеріала. А между тѣмъ можно опасаться, что именно къ подобному положенію и можетъ привести способъ возстановленія формъ семьи по системамъ родства. Небольшихъ сравнительно различій въ системахъ родства можетъ быть иногда достаточно для выведенія изъ нихъ формъ брака, коренным образомъ различающихся между собою. Въ такихъ случаяхъ различіе между системами родства можетъ соотвѣтствовать различію между логариѳмами, а различіе между формами семьи—различію между числами. Небольшія отклоненія въ исходной части разсужденій легко могутъ привести къ крупнымъ различіямъ въ выводахъ. Системы родства въ общемъ очень разнообразны; правда различія между ними очень часто въ деталяхъ, но уже этого иногда достаточно для полученія совершенно различныхъ формъ семьи. Я уже упомянулъ раньше про тѣ странныя формы семьи, которыя пришлось приписать племени Омага на основаніи имѣющейся у нихъ системы родства, а между тѣмъ Колеръ не сдѣлалъ всѣхъ логическихъ выводовъ изъ этой системы и, если бы продолжилъ свои разсужденія дальше, получилъ бы еще болѣе причудливую картину организаціи семьи. Вѣдь тамъ внучку моего двоюроднаго брата по матери я долженъ называть матерью[1]), и, слѣдовательно, приходится допускать, что мой отецъ женился не только на моей матери, но и на ея двоюродной правнучкѣ, а вѣроятно и на праправнучкѣ и т. д. до

[1]) *J. Owen Dorsey*, Omaha Sociology (Third annual report of the Bureau of Ethnology), table.

безконечности. Само-собою разумѣется, что мы не можемъ не смущаться такими совершенно странными формами семьи, тѣмъ болѣе, что у сосѣдей тѣхъ же Омага приходится возстановлять уже совершенно иныя формы семьи. Съ однимъ подобнымъ примѣромъ еще можно было бы какъ-нибудь примириться, но разъ будутъ получаться все новыя формы, одна причудливѣй другой и разсѣянныя въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ, это не можетъ не убѣдить безпристрастнаго изслѣдователя въ ошибочности пути, какимъ онъ идетъ. Поэтому для сторонниковъ способа возстановленія формъ семьи изъ системъ родства было бы безусловно необходимо показать на основаніи полнаго анализа всѣхъ системъ родства, что въ конечномъ итогѣ получается картина, доступная разумному пониманію.

Въ связи отчасти съ этимъ находится другой упрекъ, который можно сдѣлать послѣдователямъ Моргана, это—полная неопредѣленность самаго термина „групповой бракъ". Самъ Морганъ не далъ точнаго опредѣленія, что онъ понимаетъ подъ словами „групповой бракъ", и всѣ его послѣдователи обращали преимущественное вниманіе на первую половину термина, оставляя въ тѣни вторую. Они нерѣдко дѣлали попытки опредѣлить точно границы группъ, вступающихъ въ бракъ, но обыкновенно упускали изъ виду охарактеризовать отношенія, возникшія внутри группы, т.-е. самую природу брака: есть ли этотъ групповой бракъ сколько-нибудь постоянная и прочная организація, каковы отношенія между его участниками, какія права имъ предоставляются и какія обязательства на нихъ налагаются,—эти и тому подобные вопросы до сихъ поръ мало привлекали къ себѣ вниманіе. Что съ терминомъ „групповой бракъ" не все обстоитъ благополучно, чувствуется уже въ построеніяхъ самого Моргана. Пуналуальную семью, выводимую имъ изъ туранской системы родства, онъ рисуетъ такъ: группа братьевъ, родныхъ, двоюродныхъ и т. д., имѣла общихъ женъ, которыя не были родственницы между собою, наоборотъ группа сестеръ имѣла общихъ мужей, не родственниковъ между собою; мужья въ обоихъ случаяхъ—не родственники женамъ. Очевидно, что мы не можемъ въ данномъ случаѣ имѣть дѣло съ постоянными организаціями. Если бы эти организаціи были постоянныя и если бы всѣ мужчины племени дѣлились на братскія группы, а всѣ женщины—на сестринскія группы, то пер-

вымъ неоткуда было бы достать себѣ женъ не родственницъ между собою, а вторымъ мужей—не родственниковъ между собою. Не можемъ мы допустить и такого предположенія, что въ племени существовали параллельно двоякаго рода организаціи, т.-е., что въ одной половинѣ мужчины были соединены въ братскія группы, женщины же не были организованы на родственномъ началѣ, а въ другой, наоборотъ, женщины были соединены въ сестринскія группы, мужчины же не организованы. Тогда братскія группы первой половины, конечно, могли бы найти себѣ женъ, а сестринскія группы второй половины—мужей, не родственныхъ между собою, но за-то тогда въ племени должны были бы существовать двѣ совершенно различныя системы родства. Для первой половины была бы логика въ томъ, чтобы называть брата отца отцомъ, но во второй для этого не было бы рѣшительно никакихъ основаній, и наоборотъ, сестра матери могла бы называться матерью во второй половинѣ племени, но никакъ не въ первой. Остается слѣдовательно допустить, что пуналуальная семья не была семьей въ настоящемъ смыслѣ слова, что семья и бракъ были въ сущности не групповыми, а индивидуальными, но что въ то же время каждый мужчина имѣлъ нѣкоторыя супружескія права на всѣхъ женъ своихъ братьевъ, съ одной стороны, и на всѣхъ сестеръ своей жены, съ другой, равно какъ всякой женщинѣ принадлежали супружескія права на всѣхъ мужей своихъ сестеръ и на всѣхъ братьевъ, своего мужа. Какова была природа и объемъ этихъ правъ, примѣнялись ли они въ дѣйствительной жизни и въ какихъ случаяхъ, или оставались чисто теоретическими, на эти центральные вопросы Морганъ не даетъ никакого отвѣта.

Нѣкоторыя попытки вскрыть точнѣе содержаніе понятія „групповой бракъ" не только не увѣнчались успѣхомъ, но еще больше запутывали дѣло вмѣсто его выясненія. Такъ Файсонъ говоритъ въ одной изъ своихъ статей слѣдующее по поводу группового брака: „Слово *бракъ* надо понимать въ нѣсколько измѣненномъ смыслѣ. Въ данной связи оно не означаетъ всего того, что оно означаетъ въ нашемъ собственномъ обществѣ. Оно не подразумѣваетъ необходимо дѣйствительнаго вступленія въ бракъ или сожительство; то, что оно подразумѣваетъ, есть право на бракъ или скорѣе квалификація для брака, которая приходитъ съ рожденіемъ. Извѣстныя группы мужчинъ рождены съ такой квалифика-

ціей по отношенію къ извѣстнымъ группамъ женщинъ; каждый мужчина одной группы имѣетъ эту квалификацію по отношенію къ каждой женщинѣ того, что мы можемъ назвать дополнительной группой, будучи при этомъ однако подчиненъ строгимъ ограниченіямъ, которыя препятствуютъ сближенію между лицами, которыя *слишкомъ близки по крови*" [1]). Назвать такое опредѣленіе сколько-нибудь удовлетворительнымъ, конечно, невозможно, такъ какъ того, что нужно опредѣлить, оно именно и не опредѣляетъ. Въ самомъ дѣлѣ, каковъ же объемъ той „квалификаціи" для брака, которую подразумѣваетъ групповой бракъ? Если она означаетъ только то, что мужчина одной группы можетъ жениться на любой женщинѣ другой группы, не нарушая тѣмъ самымъ законовъ племени и не вступая въ конфликтъ съ господствующими въ немъ представленіями о кровосмѣшеніи, то мы будемъ имѣть дѣло съ явленіемъ, существованіе котораго не подлежитъ никакому оспариванію, но къ которому меньше всего примѣнимъ терминъ „групповой бракъ". Если такой порядокъ вещей, когда возможно жениться на любой женщинѣ данной группы, называть групповымъ бракомъ, то существующія у насъ отношенія придется назвать леббоковскимъ терминомъ „коммунальный бракъ" или какъ-нибудь еще въ томъ же родѣ, потому что у насъ мужчина можетъ жениться на любой женщинѣ, исключая „слишкомъ близкихъ по крови". При такомъ пониманіи дѣла спора по существу, конечно, не могло бы быть, а былъ бы споръ только о терминѣ, между тѣмъ, если обратиться къ работамъ послѣдователей Моргана и къ ихъ защитѣ группового брака, ясно видно, что споръ шелъ не только о словахъ, а о чемъ-то болѣе существенномъ. Не можемъ мы удовлетвориться опредѣленіемъ Файсона и въ томъ случаѣ, если главное значеніе квалификаціи будемъ видѣть въ томъ, что мужчина можетъ найти себѣ жену только въ предѣлахъ извѣстной группы и нигдѣ больше и что равнымъ образомъ женщина не можетъ выйти ни за кого, кромѣ какъ за кого-нибудь изъ мужчинъ опредѣленной группы. При такомъ пониманіи группового брака споръ былъ бы опять только о терминѣ и опять таки о терминѣ безусловно неудачномъ; въ данномъ пониманіи группово-

---

[1]) *L. Fison*, Group Marriage and Relationship (Report of the fourth meeting of the Australasian Association for the Advancement of Science), p. 689.

го брака центръ тяжести былъ бы въ ограниченіяхъ свободы выбора, въ ограниченіяхъ индивидуальнаго брака, между тѣмъ какъ со словами „групповой бракъ“ мы невольно ассоціируемъ идею объ извѣстномъ расширеніи индивидуальнаго брака. Въ общемъ опредѣленіе Файсона можно, если угодно, истолковывать и въ смыслѣ отказа отъ теоріи группового брака или, вѣрнѣе, отъ существа ея, съ сохраненіемъ одного названія. Но, можетъ быть, онъ подъ своими „квалификаціями“ подразумѣваетъ нѣчто большее, чѣмъ простое право выбрать себѣ жену въ предѣлахъ извѣстной группы, но въ чемъ состоитъ это нѣчто большее, мы такъ и не знаемъ. Очевидно только, что Файсонъ не подразумѣваетъ подъ групповымъ бракомъ постояннаго и прочнаго сожительства группы мужчинъ и группы женщинъ, объединенныхъ въ одну семью и составляющихъ какъ бы бытовую единицу, такъ что бракъ въ сущности заключается индивидуальный, но затѣмъ за мужемъ и женой остаются еще какія-то права на другихъ женщинъ и мужчинъ соотвѣтствующихъ группъ; въ чемъ однако состоятъ эти права, когда они примѣняются, могутъ ли они осуществляться безъ согласія мужа или родственниковъ женщины, а тѣмъ болѣе помимо ея собственнаго желанія, всѣ эти вопросы остаются совершенно безъ всякаго отвѣта.

Еще болѣе приходится поставить въ упрекъ послѣдователямъ Моргана то обстоятельство, что они не сумѣли отвѣтить на основное возраженіе противъ теоріи Моргана, формулированное уже первымъ его критикомъ Макъ-Леннаномъ и сводящееся къ невозможности объяснить съ точки зрѣнія группового брака широкое значеніе, придаваемое классифицирующими системами родства термину „мать“. Дѣйствительно, можно допустить, что ребенокъ называетъ братьевъ отца отцами потому, что всѣ они—мужья матери, происхожденіе ребенка отъ опредѣленнаго физическаго отца точно установить нельзя и потому не остается ничего другого какъ называть отцами всѣхъ возможныхъ отцовъ, т.-е. всѣхъ мужей матери. Но мать всегда извѣстна: сколько бы ни было женъ у отца, не можетъ быть сомнѣній относительно дѣйствительной матери ребенка, и однако матерью ребенокъ называетъ не только настоящую мать, а также всѣхъ ея сестеръ, всѣхъ возможныхъ женъ отца. Очевидно, тутъ рѣшающую роль играетъ не невозможность установить точное происхожденіе ребенка отъ опредѣ-

ленной матери, а нѣчто другое, но въ такомъ случаѣ, можетъ быть, именно это нѣчто другое, а не недостовѣрность происхожденія ребенка съ отцовской стороны заставляетъ называть братьевъ отца отцами, и тогда приходится отказаться отъ теоріи группового брака и вообще отъ надежды возстановить исчезнувшія формы семьи по сохранившимся системамъ родства. Самъ Морганъ пытался выйти изъ этого затрудненія ссылкой на то, что при групповомъ бракѣ сестра матери какъ жена отца является собственно мачехой для ребенка, но въ виду отсутствія соотвѣтствующаго термина называется матерью. Тутъ, однако, онъ вступаетъ въ рѣшительное противорѣчіе съ самимъ собой. Его исходная точка та, что бѣдность языка, невыработанность терминологіи не играли никакой роли въ образованіи тѣхъ или другихъ системъ родства, и дѣйствительно, если отказаться отъ этого основного положенія, то надо вообще отказаться отъ всякой попытки вывести изъ системъ родства опредѣленныя формы семьи. Если бѣдность языка и отсутствіе термина могли сказаться въ одномъ случаѣ, они могли сказаться и въ другомъ; если сестру матери называютъ матерью за отсутствіемъ особаго термина для мачехи, почему нельзя допустить, что братьевъ отца называютъ отцами только вслѣдствіе отсутствія особаго термина для дяди по отцу. Кромѣ того, въ ирокезской, напр., системѣ родства есть особый терминъ для мачехи, указываемый самимъ Морганомъ, и тѣмъ не менѣе Ирокезы называютъ сестру матери матерью, такъ что въ данномъ случаѣ ссылка Моргана является и фактически невѣрной. Наконецъ, остается совершенно непонятнымъ, почему ребенокъ долженъ видѣть въ сестрѣ матери не сестру матери, а жену отца. Это еще можетъ быть допустимо для вполнѣ выработанной и послѣдовательно проведенной патріархальной семьи, когда положеніе всѣхъ членовъ семьи опредѣляется прежде всего ихъ отношеніями къ единоличному главѣ семьи. Тутъ дѣйствительно для женщины можетъ быть болѣе характернымъ и важнымъ то, что она жена отца, чѣмъ то, что она сестра матери. Но, очевидно, мы не можемъ придавать подобныя черты пуналуальной семьѣ Моргана, дающей мужчинѣ очень неопредѣленныя права на сестру матери и устанавливающей между ними очень слабую связь. Изъ-за одной допустимости полового сближенія сестры матери съ отцомъ нельзя позабыть въ ней сестру

матери и видѣть только возможную жену отца. Первыя отношенія являются болѣе ранними, болѣе постоянными и, пожалуй, болѣе важными и потому никоимъ образомъ не могутъ быть игнорируемы.

Въ прошломъ году на эту сторону вопроса обратилъ особое вниманіе Риверсъ, авторъ упоминавшейся выше статьи, но и его аргументація [1]) не устранила тѣхъ недоразумѣній, которыя порождаетъ понятіе „групповое материнство“. Онъ ставитъ себѣ задачей показать, что связь ребенка съ матерью не имѣла въ первобытномъ обществѣ такого характера, чтобы навсегда и неизгладимыми чертами запечатлѣться въ памяти ребенка. Онъ прежде всего утверждаетъ, что особая близость между матерью и ребенкомъ не продолжалась дольше момента отнятія отъ груди, что происходило въ то время, когда ребенку было приблизительно года три, если не меньше, и когда онъ слѣдовательно еще не начиналъ изучать термины родства въ сколько-нибудь широкомъ объемѣ. Далѣе онъ допускаетъ возможность, что въ первобытномъ обществѣ обязанность кормить ребенка грудью раздѣляли съ матерью и другія женщины группы и что, можетъ быть, въ моментъ отнятія отъ груди ребенокъ не былъ въ состояніи отличать родную мать отъ другихъ женщинъ, имѣющихъ дѣтей. Затѣмъ Риверсъ, ссылаясь на примѣръ жителей острововъ Меррея, чрезвычайно широко практикующихъ обычай отдавать дѣтей въ чужія семьи, думаетъ, что подобные примѣры изъ жизни сравнительно развитыхъ обществъ „могутъ помочь намъ понять отсутствіе знанія личности матери на тѣхъ значительно болѣе низкихъ стадіяхъ соціальной эволюціи, къ которымъ можно пріурочить возникновеніе классифицирующей системы“, что они показываютъ возможность наличности у народовъ низкой культуры идей объ родительствѣ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя преобладаютъ у насъ. Этими соображеніями онъ надѣется показать, что идея „группового материнства“ не такъ абсурдна, какъ она представляется критикамъ.

Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ особыя детали для оцѣнки мнѣнія Риверса. Мы можемъ принять его посылки, т.-е. допустить, что особая близость ребенка къ матери длилась только,

---

[1]) *W. H. R. Rivers*, loc. cit., pp. 317—318.

пока она его кормила, что ребенка отнимали отъ груди раньше, чѣмъ онъ начиналъ пристально относиться къ родственнымъ отношеніямъ и системамъ родства, что матери помогали въ кормленіи грудью и другія женщины, что обычай отдавать дѣтей въ другія семьи или что-нибудь другое въ этомъ же родѣ былъ прежде широко распространенъ, допустимъ далѣе, что всѣ эти причины привели къ тому, что связь ребенка съ матерью нѣсколько затушевывалась въ его сознаніи и потому не фиксировалась въ особомъ терминѣ родства. Мы, однимъ словомъ, готовы согласиться съ Риверсомъ, что приводимыя имъ данныя и соображенія достаточно объясняютъ, почему въ классифацирующихъ системахъ родства названіе мать прилагается не только къ дѣйствительной матери, а и къ цѣлому ряду другихъ женщинъ,.... но при чемъ тутъ групповой бракъ? Большая или меньшая близость ребенка съ матерью и тѣмъ болѣе продолжительность кормленія грудью не находится, конечно, ни въ какой связи съ групповымъ бракомъ. Помощь, которую оказываютъ матери другія женщины въ кормленіи ребенка, равнымъ образомъ могла бы быть истолковываема въ смыслѣ указанія на групповой бракъ развѣ, можетъ быть, только въ томъ случаѣ, если бы всѣ женщины опредѣленной группы были обязаны сообща вскармливать дѣтей, но существованія такого состоянія вещей Риверсъ, конечно, не утверждаетъ, да и не могъ бы утверждать, потому что ни одного подобнаго примѣра въ этнографіи неизвѣстно. Случаи же добровольной помощи въ кормленіи ребенка встрѣчаются даже въ нашей крестьянской средѣ и сами по себѣ никакого указанія на формы брака въ себѣ не содержатъ. Наконецъ, отдача дѣтей въ другія семьи встрѣчается не только у жителей острововъ Меррея, уже имѣющихъ патріархальную семью, но и у стоящихъ еще выше по своему культурному развитію кавказскихъ горцевъ; никакого отношенія къ формамъ брака она не имѣетъ. Не замѣчая того, Риверсъ повторяетъ ошибку Моргана и одной рукой ниспровергаетъ то, что строитъ другой. И Морганъ и Риверсъ, желая объяснить причины распространенія термина мать на цѣлый рядъ женщинъ, приводятъ соображенія, нисколько не относящіяся къ формамъ брака и къ степени достовѣрности происхожденія ребенка, и очевидно, что если бы мы согласились съ этими соображеніями, мы имѣли бы полное право воспользоваться ими и для объясненія перехода

названія „отецъ“ на братьевъ отца. Но если мы и наименованіе отцовскихъ братьевъ отцами будемъ объяснять не недостовѣрностью родословной ребенка, не возможностью его происхожденія отъ этихъ отцовскихъ братьевъ, тогда, конечно, рушится вся теорія группового брака, выводимаго изъ системъ родства, и, въ сущности говоря, Риверсъ, желая подкрѣпить эту теорію, въ концѣ концовъ приводитъ доводы противъ нея. Затрудненія, представляемыя съ точки зрѣнія теоріи группового брака широкимъ значеніемъ, придаваемымъ термину „мать“, остаются неустраненными и, думаю, неустранимыми. Для объясненія этого термина всегда придется прибѣгать къ какимъ-либо соображеніямъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ вопросу о происхожденіи ребенка, и всегда возможность примѣненія этихъ соображеній для объясненія термина „отецъ“ будетъ представлять наиболѣе слабый пунктъ теоріи Моргана и его послѣдователей.

II.

Теперь отъ общихъ разсужденій перейдемъ къ конкретнымъ фактамъ, къ тѣмъ племенамъ, о которыхъ утверждаютъ, что они сохранили институтъ группового брака до настоящаго времени, или у которыхъ онъ былъ засвидѣтельствованъ въ сравнительно недавнее время непосредственнымъ наблюденіемъ тѣхъ или другихъ изслѣдователей. Здѣсь намъ придется имѣть дѣло прежде всего съ фактами австралійской этнографіи и въ частности съ работами недавно умершаго Гаунтта. Будучи строгимъ послѣдователемъ теоріи группового брака, онъ больше, чѣмъ кто либо другой, сдѣлалъ, чтобы подкрѣпить ее фактическими доказательствами. Обладая и самъ близкимъ знакомствомъ со многими австралійскими племенами, онъ однако не довольствовался собранными имъ самимъ матеріалами, а организовалъ цѣлую сѣть корреспондентовъ изъ лицъ, хорошо ознакомившихся съ отдѣльными племенами. Эта сѣть корреспондентовъ, раскинувшаяся по значительному пространству, помогла ему собрать весьма цѣнный матеріалъ для характеристики племенъ Австраліи, главнымъ образомъ ея юго-восточной части. Съ особеннымъ вниманіемъ Гауиттъ относился къ вопросамъ общественной организаціи и брачнаго права, и для лицъ, интересующихся этими вопросами, его книга представляетъ цѣлую сокровищницу цѣнныхъ фактовъ и на-

блюденій. При всемъ томъ, какъ увидимъ, теорія группового брака все же остается необоснованной.

Самыми яркими фактами и наиболѣе точными описаніями мы располагаемъ относительно двухъ племенъ Діери и Урабунна, но, прежде чѣмъ приступать къ описанію своеобразной брачной системы этихъ племенъ, необходимо отмѣтить извѣстную этнологическую близость ихъ. Оба они живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ около озера Эйръ: Діери—на восточной сторонѣ его, Урабунна—на западной. Оба племени организованы приблизительно одинаково; въ обоихъ—материнская филіація и оба они дѣлятся только на два экзогамныхъ класса безъ дальнѣйшихъ подраздѣленій на подклассы, при чемъ самыя названія этихъ классовъ обнаруживаютъ извѣстное сходство, *Matteri* и *Kararu* у Діери, *Matthuri* и *Kiraraиa* у Урабунна. Общія названія встрѣчаются и среди именъ тотемовъ у обоихъ племенъ и наконецъ тотъ своеобразный институтъ, который намъ предстоитъ описывать, называется почти одинаково: *pirrauru* у Діери, *piraungaru* у Урабунна. Нужно также добавить, что мужчины одного племени нерѣдко женятся на женщинахъ другого и умѣютъ при этомъ различать подходящіе для нихъ тотемы. Все это клонится къ тому, чтобы показать, что въ данномъ случаѣ мы, можетъ-быть, имѣемъ дѣло не съ двумя самостоятельными примѣрами своеобразнаго института, а всего лишь съ однимъ; было ли тутъ заимствованіе однимъ племенемъ у другого, или оба они прежде составляли одну единицу и уже тогда установилась ихъ брачная система, сказать трудно, да тотъ или другой отвѣтъ на данный вопросъ и не имѣетъ значенія для настоящей нашей цѣли.

Начнемъ съ Діери, относительно которыхъ мы располагаемъ болѣе подробными свѣдѣніями, но къ сожалѣнію подробный разсказъ Гауитта, которымъ приходится руководствоваться, не отличается полной точностью выраженій и мѣстами вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Въ виду этого я буду дословно цитировать Гауитта, выпуская изъ его разсказа только тѣ подробности, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ интересующей насъ темѣ. Описавъ способы заключенія индивидуальнаго брака, называемаго здѣсь *Tippa-malku* (обыкновенно за невѣсту дается въ обмѣнъ сестра жениха), и отмѣтивъ, что всякій бракъ вообще возможенъ только между лицами, стоящими между собою въ

отношеніи *поа* (преимущественно троюродные братъ или сестра, или точнѣе дѣти дочерей брата и сестры), Гауиттъ дальше пишетъ:

„Сверхъ брака Tippa-malku здѣсь есть бракъ *Pirrauru*, характеръ котораго предстоитъ теперь описать. Какъ я уже сказалъ, каждая женщина становится женой-Tippa-malku прежде, чѣмъ она станетъ женой-Pirrauru. Pirrauru—всегда сестра жены или жена брата, и данное отношеніе возникаетъ вслѣдствіе обмѣна женами между братьями. Когда два брата женаты на двухъ сестрахъ, они обыкновенно живутъ вмѣстѣ въ групповомъ бракѣ вчетверомъ. Когда человѣкъ становится вдовцомъ, онъ становится pirrauru жены брата, дѣлая ему подарки. Когда мужчина находится въ положеніи гостя и принадлежитъ къ соотвѣтственному классу, жена Tippa-malku хозяина предоставляется ему въ качествѣ pirrauru, конечно, если онъ поа для нея. Мужчина можетъ имѣть нѣсколько pirrauru, и это зависитъ отъ уваженія, которымъ онъ пользуется среди своихъ товарищей по классу, отъ богатства, силы, могущества или, наконецъ, отъ расположенія, какимъ онъ пользуется у женщинъ. Въ такомъ случаѣ женщина можетъ даже просить мужа дать ей такого-то мужчину въ качествѣ pirrauru. Если мужъ откажется сдѣлать это, она должна примириться съ этимъ; но если онъ согласенъ, дѣло устраивается. Послѣ того какъ переговоры привели къ соглашенію, заинтересованныя лица собираются въ полдень гдѣ-нибудь въ лагерѣ, сопровождаемыя друзьями. Если мужчины одного и того же тотема, тогда присутствуетъ глава тотема, имѣя при себѣ Kandri, т.-е. церемоніальную палицу, сдѣланную изъ корней извѣстнаго дерева. Глава тотема или, когда дѣло касается не одного тотема, главы тотемовъ проводятъ своими Kandri два валика изъ песка, которые должны представлять каждый одно изъ лицъ, вступающихъ въ отношенія pirrauru. Валики потомъ соединяются вмѣстѣ такъ, чтобы образовать одинъ, болѣе высокій и болѣе широкій, чѣмъ два прежнихъ. Въ заключеніе одинъ изъ мужчинъ, обыкновенно тотъ, который назначается въ pirrauru, беретъ песокъ изъ валика, посыпаетъ себя имъ немножко по верхней части бедръ и, какъ выражаются Діери, хоронитъ pirrauru въ песокъ. Въ томъ случаѣ, когда двое мужчинъ даютъ своихъ поа другъ другу въ обмѣнъ въ качествѣ pirrauru, соблюдается та же церемонія, но вечеромъ. Когда церемонія совер-

шается въ полдень, дѣло происходитъ, такъ сказать, по семейному, присутствуютъ только заинтересованные мужчины, но при вечерней церемоніи собирается все населеніе лагеря. Въ этомъ случаѣ двое главъ тотема становятся другъ противъ друга на разстояніи приблизительно 50 ярдовъ и каждый держитъ два куска дерева. Обѣ пары pirrauru громко называются по имени, и все собраніе громко повторяетъ ихъ имена, а куски дерева ударяются при этомъ одинъ о другой. Обыкновенно однако не просто двѣ пары pirrauru назначаются другъ другу, а всѣ способные къ браку или состоящіе въ бракѣ люди и даже тѣ, кто состоятъ уже pirrauru, вновь назначаются, и церемонія kandri выполняется для цѣлаго ряда ихъ въ одно и то же время. Когда у человѣка нѣсколько pirrauru, старики могутъ порекомендовать ему ограничиться одной и отпустить другихъ, потому что иначе могутъ возникнуть ссоры между женщинами, ибо ревность соединена съ отношеніями pirrauru. Каждое лицо изъ пары pirrauru на сторожѣ, чтобы у другого не возникли еще новыя отношенія pirrauru. Каждый предостерегаетъ другого отъ образованія новыхъ отношеній, и если кто либо не обращаетъ вниманія на эти требованія, его или ее обдаютъ раскаленными углями. Въ новыя времена мѣсто раскаленныхъ углей замѣняетъ кипятокъ, и такія наказанія примѣняются одной изъ сторонъ по простому подозрѣнію. Женщина, состоящая pirrauru молодого не женатаго мужчины, строго смотритъ за нимъ, постоянно подстерегаетъ его и производитъ тайное разслѣдованіе объ его отношеніяхъ къ другимъ женщинамъ. Она требуетъ, чтобы онъ становился лагеремъ подлѣ нея, чтобы постоянно держать его подъ наблюденіемъ. Обыкновенно говорится, что такая женщина никогда не заснетъ, пока она совершенно не увѣрена, что ея молодой pirrauru спитъ глубокимъ сномъ. Мужчина всегда можетъ воспользоваться супружескими правами по отношенію къ своей pirrauru, когда они встрѣтятся, если ея мужъ tippa-malku находится въ отсутствіи, но онъ не можетъ взять ее отъ мужа, иначе какъ съ согласія послѣдняго. Въ отсутствіе мужа tippa-malku мужъ pirrauru беретъ жену и поддерживаетъ ее до возвращенія перваго. Жена-tippa-malku имѣетъ преимущество передъ женой-pirrauru; если онѣ обѣ находятся въ одномъ и томъ же лагерѣ, мужъ ложится спать ближе всѣхъ къ огню, жена-tippa-malku рядомъ съ нимъ, а жена-pirrauru

подлѣ нея. Въ томъ случаѣ, если старшій и младшій мужчины, состоящіе pirrauru одной и той же женщины, находятся въ одномъ лагерѣ и при младшемъ есть и жена-tippa-malku и жена-pirrauru, старшій, если онъ въ одиночествѣ, имѣетъ право взять жену-pirrauru перваго. Если при младшемъ находится только жена-pirrauru, то старшій можетъ взять ее. Но оба могутъ помѣститься въ одной хижинѣ съ нею, и она должна дѣлить съ обоими собранную ею пищу. Руководящіе люди племени имѣютъ обыкновенно женъ и tippa-malku и pirrauru больше, чѣмъ другіе. Pinnaru Jalina-piramurana, который былъ главой племени Діери въ 1861—62 гг., имѣлъ больше дюжины pirrauru, назначенныхъ ему, и сверхъ того по нѣсколько женщинъ были приписаны къ нему въ каждомъ изъ сосѣднихъ племенъ въ знакъ уваженія, въ качествѣ, такъ сказать, почетныхъ pirrauru. Мужчины считали великой честью, если какая нибудь изъ его pirrauru была назначена имъ. Если жена-tippa-malku умираетъ, жена-pirrauru беретъ на себя заботу объ ея дѣтяхъ и обращается съ ними съ нѣжностью, не такъ, какъ мачеха. Надо помнить, что жены мужчины и tippa-malku и pirrauru—сестры между собою или родныя или племенныя. Для мужчины выгодно имѣть какъ можно больше pirrauru. Ему въ такомъ случаѣ меньше заниматься охотой, такъ какъ, находясь съ нимъ, онѣ снабжаютъ его частью собранной ими пищи, если ихъ мужья-tippa-malku отсутствуютъ. Онъ кромѣ того получаетъ большое вліяніе въ племени, ссужая при случаѣ своихъ pirrauru и получая взамѣнъ подарки отъ молодыхъ людей, съ которыми нѣтъ ихъ pirrauru или которымъ таковыя еще не назначены". Въ заключеніе Гауиттъ цитируетъ слова одного изъ своихъ корреспондентовъ, особенно хорошо знакомаго съ Діери: „Практика pirrauru достойна хвалы за ея строгость и серьезность по отношенію къ нравственности и въ церемоніяхъ, которыми она регулируется; она менѣе всего согласна съ тѣмъ гетеризмомъ, который лордъ Эвбери воображалъ у австралійскихъ туземцевъ". Отъ себя Гауиттъ добавляетъ: „Отношенія pirrauru ясно представляютъ групповой бракъ, посредствомъ котораго мужчина имѣетъ привилегію получить сообща съ другими мужчинами своей группы нѣсколько женъ изъ числа своихъ noa, тогда какъ желанія женщины могутъ быть осуществлены лишь съ согласія ея мужа-tippa-malku. Съ другой стороны, она однако не можетъ отказать-

ся принять мужа—pirrauru, который приписанъ ей указанной выше церемоніей. На взглядъ Діери отношенія pirrauru законны совершенно такъ же, какъ законенъ бракъ tippa-malku, и ихъ надо строго отличать отъ незаконныхъ связей, для которыхъ у Діери есть особый терминъ и къ которымъ они относятся съ осужденіемъ и отвращеніемъ" [1]).

Въ этомъ разсказѣ далеко не все ясно [2]), а начало его прямо противорѣчитъ тому, что говорится дальше. Въ самомъ дѣлѣ, вначалѣ говорится, что „pirrauru всегда сестра жены или жена брата и данное отношеніе возникаетъ вслѣдствіе обмѣна женами между братьями. Когда два брата женаты на двухъ сестрахъ, они обыкновенно живутъ вмѣстѣ въ групповомъ бракѣ вчетверомъ". Очевидно, этихъ словъ нельзя понимать буквально, и первая половина только что процитированной фразы можетъ значить лишь то, что pirrauru или дополнительныя жены даннаго мужчины всегда выбираются изъ числа его noa, т.-е. изъ числа тѣхъ женщинъ, съ которыми онъ и его братья могли бы вступить въ основной бракъ, въ бракъ tippa-malku (всѣ noa мужчины будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ noa и для его братьевъ). Если бы эти слова значили что-либо другое, помимо ограниченія выбора дополнительной жены тѣми рамками, которыя уже установлены для выбора основной жены, если бы въ нихъ содержалось указаніе на то, что отношенія pirrauru связываютъ мужчинъ, которые братья между собой, и женщинъ, которыя сестры другъ другу, если бы однимъ словомъ здѣсь шла рѣчь объ общемъ пользованіи женами внутри естественной бытовой группы, небольшой по размѣрамъ и связанной уже и безъ того тѣсными узами, то тогда этихъ словъ нельзя было бы примирить съ послѣдующимъ изложеніемъ. Вѣдь, говоря дальше о томъ, что нѣкоторые мужчины имѣютъ много дополнительныхъ женъ, Гауиттъ не ставитъ этого въ связь съ числомъ братьевъ у мужчины или съ числомъ сестеръ у его основной жены, а опредѣленно указываетъ на зависимость числа имѣющихся у мужчины pirrauru отъ его индивидуальныхъ качествъ, отъ его

---

[1]) *A. W. Howitt*, Native Tribes of South-East Australia, pp. 181—187.

[2]) Серьезную критику Гауитта даетъ *N. W. Thomas* въ своей книгѣ „Kinship Organisations and Group Marriage in Australia", pp. 129—132. См. также *A. Lang*, The Secret of the Totem, p. 52.

вліятельности, отъ почета, которымъ онъ пользуется и т. д., и т. д. Такихъ дополнительныхъ женъ мужчина можетъ имѣть даже въ чужомъ племени. Далѣе, то обстоятельство, что мужчины, принимающіе участіе въ церемоніи kandri, т.-е. мужъ-tippa-malku женщины и ея pirrauru, могутъ часто принадлежать къ различнымъ тотемамъ, ясно указываетъ на то, что они не должны быть не только родными, но и даже племенными братьями. Родные братья всегда принадлежатъ къ одному тотему, равнымъ образомъ и тѣ изъ племенныхъ братьевъ, которые являются сыновьями двухъ сестеръ; различіе тотема возможно только у тѣхъ племенныхъ братьевъ, которые—сыновья родныхъ братьевъ, но и тутъ различіе тотема только возможно, но не обязательно, потому что два брата часто берутъ себѣ въ жены двухъ сестеръ, и потому ихъ дѣти по матерямъ опять таки будутъ одного тотема.

Во всякомъ случаѣ институтъ pirrauru не есть такое отношеніе, которое возникаетъ естественнымъ путемъ въ силу тѣхъ отношеній, которыя уже существовали между заинтересованными лицами. Тотъ фактъ, что двое лицъ—братья между собою, еще не даетъ имъ какихъ-либо правъ на женъ другъ друга. Это отмѣчаетъ и самъ Гауиттъ, сообщая, что вдовецъ, желающій сдѣлаться pirrauru жены своего брата, долженъ сдѣлать послѣднему подарокъ. Далѣе сдѣланное Гауиттомъ замѣчаніе, что женщина, мечтающая получить въ pirrauru нравящагося ей мужчину, можетъ осуществить свое желаніе только съ согласія мужа, показываетъ, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ не объ отношеніяхъ, возникающихъ естественнымъ путемъ, независимо отъ воли лицъ, которыхъ они касаются. Наконецъ, за это же говоритъ и тотъ фактъ, что для приданія отношеніямъ pirrauru характера законности нужны особыя церемоніи, носящія публичный характеръ.

Эта сторона дѣла имѣетъ для насъ первенствующее значеніе. Мы видимъ, что въ данномъ случаѣ имѣются совершенно спеціальныя отношенія, *особо устанавливаемыя* для каждыхъ отдѣльныхъ лицъ, санкціонируемыя и контролируемыя обществомъ. Чрезвычайно важное значеніе тутъ играетъ вопросъ о согласіи или несогласіи заинтересованныхъ лицъ. Изъ изложенія Гауитта не вытекаетъ вполнѣ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ, но то обстоятельство, что онъ, говоря объ установленіи между двумя лицами отношеній pirrauru, употребляетъ преимущественно глаголы: „на-

значены" (alloted) или „приписаны" (assigned), уже наводитъ на мысль, что согласіе заинтересованныхъ лицъ, можетъ быть, не было безусловно необходимо. А въ одной изъ своихъ прежнихъ работъ о Діери Гауиттъ прямо говоритъ, что при назначеніи pirrauru согласія сторонъ не спрашивали [1]). Въ книгѣ, которой мы пользуемся, онъ этого указанія не повторяетъ, но и не указываетъ на его ошибочность; онъ просто обходитъ его молчаніемъ, несмотря на его громадную важность. Въ той же болѣе ранней работѣ онъ опредѣленно различаетъ институтъ pirrauru отъ тѣхъ правъ, которыя мужчина имѣетъ на жену брата.

Относительно Урабунна намъ приходится руководствоваться описаніемъ Спенсера и Гиллена, описаніемъ болѣе краткимъ: „Слово nupa безъ всякаго исключенія прилагается безразлично мужчинами одной группы къ женщинамъ другой и обратно и просто обозначаетъ члена группы возможныхъ женъ и мужей. При этомъ надо помнить, что въ дѣйствительной жизни у каждаго отдѣльнаго мужчины есть одна или, можетъ быть, двѣ изъ этихъ nupa, которыя спеціально связаны съ нимъ и живутъ вмѣстѣ съ нимъ въ его собственномъ лагерѣ. Въ дополненіе къ нимъ однако каждый мужчина, помимо только-что указаннаго ограниченнаго числа, имѣетъ нѣсколько nupa, съ которыми онъ состоитъ въ отношеніяхъ *piraungaru*. Къ женщинамъ, которыя состоятъ piraungaru даннаго мужчины (терминъ взаимный), онъ имѣетъ доступъ при извѣстныхъ условіяхъ, такъ что онѣ могутъ считаться какъ бы добавочными женами. Въ результатѣ у Урабунна каждая женщина является спеціальной nupa какого-нибудь отдѣльнаго мужчины, но въ то же время онъ не имѣетъ исключительнаго права на нее, такъ какъ она—piraungaru нѣкоторыхъ другихъ мужчинъ, которые также имѣютъ право доступа къ ней. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго тому, чтобы мужчина имѣлъ исключительное право на женщину; ея старшіе братья, во власти которыхъ эти вопросы, даютъ одному мужчинѣ преимущественное право на нее, но въ то же время предоставляютъ другимъ мужчинамъ той же самой группы

---

[1]) Journal of the Anthropological Institute, vol. XX p. 56. Къ сожалѣнію, я не могъ найти въ Москвѣ даннаго нумера этого журнала и потому долженъ пользоваться статьей Гауитта изъ вторыхъ рукъ, по ссылкамъ, сдѣланнымъ на нее у Thomas'a.

вторичныя права на нее же. Индивидуальный бракъ не существуетъ ни по имени, ни въ практикѣ племени Урабунна. Отношенія piraungaru между мужчиной и женщиной устанавливаются старшими братьями, но предварительно должны быть санкціонированы старѣйшинами группы. Въ дѣйствительности эти отношенія устанавливаются обыкновенно въ тѣ времена, когда собирается много членовъ племени для выполненія важныхъ церемоній и когда обсуждаются и рѣшаются какъ эти, такъ и другіе важные вопросы, требующіе разсмотрѣнія. Число piraungaru мужчины зависитъ всецѣло отъ степени его вліятельности и популярности. Женщина можетъ быть piraungaru нѣсколькихъ мужчинъ, и какъ общее правило мужчины и женщины, которые piraungaru другъ другу, живутъ обыкновенно сгруппированными вмѣстѣ. Мужчина всегда можетъ ссудить свою жену, т.-е. женщину, на которую онъ имѣетъ первое право, другому мужчинѣ, предполагая конечно, что послѣдній—ея nupa, хотя-бы между мужчиной и ссужаемой женщиной не существовало отношеній piraungaru, но безъ этихъ отношеній ни одинъ мужчина не имѣетъ самостоятельно права доступа къ женщинѣ. Случается, но рѣдко, что мужчина пытается не допускать къ женѣ ея piraungaru, но это ведетъ къ дракѣ, а на такого мужчину смотрятъ какъ на скрягу. Если кто-либо посѣщаетъ отдаленныя группы, гдѣ у него нѣтъ piraungaru, то обыкновенно мужчины одного съ нимъ класса предлагаютъ ему взаймы одну или нѣсколько своихъ nupa, и мужчина, помимо отдачи въ ссуду женщины, на которую онъ имѣетъ первое право, можетъ ссудить также свою piraungaru“ [1]).

Институтъ pirrauru или piraungaru, конечно, можно было бы назвать групповымъ бракомъ, но только съ извѣстными оговорками, такъ какъ отношенія pirrauru связываютъ не двѣ *группы*, мужскую и женскую, а отдѣльныхъ лицъ, хотя и въ очень разнообразныхъ комбинаціяхъ. Вообще этотъ институтъ далеко не во всѣхъ своихъ наиболѣе важныхъ чертахъ соотвѣтствуетъ тому представленію о групповомъ бракѣ, къ которому Морганъ и его послѣдователи приходили путемъ анализа системъ родства. Начать съ того, что системы родства у Діери и Урабуна не соотвѣтствуютъ

---

1) *B. Spencer* and *F. J. Gillen*, The Native Tribes of Central Australia pp. 62—63.

браку pirrauru или piraungaru. Этотъ институтъ не наложилъ своего отпечатка на системы родства. У обоихъ этихъ племенъ братъ отца называется отцомъ, а сестра матери—матерью, но, какъ мы видѣли, не всякій братъ отца является дополнительнымъ мужемъ матери и, наоборотъ, не всякая сестра матери—дополнительная жена отца, а съ другой стороны въ числѣ дополнительныхъ мужей и женъ могутъ быть лица, не состоящія братьями основного мужа и сестрами основной жены. Это обстоятельство имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что отношенія pirrauru освящаются извѣстными церемоніями; когда они возникаютъ вновь между какими-нибудь лицами, при этомъ случаѣ повторно называются тѣ пары, которыя уже состоятъ pirrauru между собой. Однимъ словомъ, между дополнительнымъ мужемъ или женой и прочими братьями мужа и сестрами жены проведена настолько рѣзкая граница, что никакое смѣшеніе тутъ невозможно. Поэтому при существованіи pirrauru или piraungaru было бы, съ точки зрѣнія Моргана, понятно, если бы ребенокъ называлъ отцами помимо отца также и дополнительныхъ мужей матери, т.-е. вполнѣ опредѣленныхъ лицъ, которыя могутъ быть, могутъ и не быть братьями отца, но для того, чтобы называть отцомъ отцовскаго брата, который не состоитъ pirrauru матери, не было бы рѣшительно никакихъ основаній. Еще труднѣе было бы связать съ институтомъ pirrauru или piraungaru переходъ названія „мать“ на сестеръ матери.

Разъ кругъ фактически возможныхъ отцовъ и матерей при pirrauru не совпадаетъ съ кругомъ „отцовъ“ и „матерей“, которыхъ даютъ системы родства Діери и Урабунна, то, очевидно, этотъ институтъ не есть искомая форма группового брака для Моргана и Гауитта и можетъ объясняться для нихъ лишь какъ переживаніе болѣе ранняго состоянія, когда всѣ братья одной группы были мужьями всѣхъ сестеръ другой группы и когда для установленія супружескихъ отношеній между отдѣльными лицами излишни были какія бы то ни было церемоніи. Въ пользу подобнаго предположенія однако нѣтъ никакихъ основаній и, наоборотъ, есть данныя, опредѣленно говорящія противъ него, именно прежде всего тотъ фактъ, что, прежде чѣмъ сдѣлаться чьей-нибудь pirrauru, женщина у Діери обязательно должна сдѣлаться женой-tippa-malku какого-нибудь мужчины и только его одного; индивидуальный бракъ здѣсь предшествуетъ браку групповому, и это предшество-

ваніе во времени необходимо предполагаетъ въ данномъ случаѣ и логическое предшествованіе, иными словами бракъ pirrauru является позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ брака tippa-malku или дополненіемъ къ нему, а не обратно [1]). Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ стать на точку зрѣнія Гауитта. Допустимъ, что первоначальной формой было брачное сожительство цѣлой группы мужчинъ—все братьевъ между собой—съ цѣлой группой женщинъ, которыя сестры между собою, и что для отдѣльныхъ лицъ вопросъ о правѣ на супружескія отношенія рѣшался просто самымъ фактомъ принадлежности ихъ къ извѣстнымъ группамъ. Въ это первоначальное положеніе вносится измѣненіе того содержанія, что права на какую-нибудь отдѣльную женщину второй группы предоставляются уже не всѣмъ мужчинамъ первой группы, а только части ея, вполнѣ опредѣленнымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лицамъ, и обратно, и вотъ для точнаго указанія тѣхъ болѣе узкихъ и, такъ сказать, менѣе естественныхъ группъ, между которыми продолжается брачное сожительство, устанавливается церемонія kand-

---

[1]) Значеніе этого факта уже отмѣчено *Lang*'омъ (op. cit., p. 53) и *Thomas*'омъ (op. cit., p. 130). Въ позднѣйшей своей статьѣ (Journ. Anthr. Inst. vol. XXXVII, p. 268) Гауиттъ заявляетъ, что онъ ошибся и что женщина можетъ сдѣлаться pirrauru, не бывъ раньше tippa-malku, но основанія для такого заявленія болѣе чѣмъ странны. Гауиттъ прибѣгаетъ здѣсь къ своеобразному пріему истолкованія собственныхъ словъ. Онъ цитируетъ изъ своей книги фразу, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ „the whole of the marriageable or married people, even those who have already *pirraurus*, are reallotted, the *kandri* ceremony being performed for batches of them at the same time“. Такъ какъ „marriageable“ женщиной можетъ быть женщина, еще не имѣющая мужа tippa-malku, то изъ этой фразы онъ заключаетъ, что „it is therefore incorrect that every woman becomes a *tippa-malku* wife before she becomes a *pirrauru* wife“. Какъ согласовать подобное заключеніе („therefore“) съ прежними категорическими заявленіями: „a woman becomes a *tippa-malku* wife before she becomes a *pirrauru* or group-wife“ (p. 179), „every woman becomes a *tippa-malku* wife before she becomes a *pirrauru* wife“ (p. 181), не говоря уже про такія выраженія, какъ что желаніе женщины получить дополнительнаго мужа „can only be given effect to by the consent of her *tippa-malku* husband“ (p. 186) и т. д. Очевидно Гауиттъ былъ настолько смущенъ возраженіями Лэнга и Томаса, что не нашелъ иныхъ средствъ парировать ихъ, какъ отвергать свои прежнія категорическія утвержденія не на основаніи новыхъ наблюденій, а на основаніи истолкованія своихъ же собственныхъ словъ. Пріемъ въ полемикѣ еще не бывалый.

ri. Наконецъ, слѣдуетъ еще дальнѣйшее ограниченіе, и изъ новой болѣе узкой группы выдѣляется одинъ мужчина, который получаетъ преимущественныя права на женщину, становится ея мужемъ-tippa-malku. Если бы все дѣйствительно происходило такъ, то отношенія pirrauru предшествовали бы браку tippa-malku, были бы отъ него независимы и не могло бы выработаться требованіе, чтобы женщина сперва вступила въ бракъ tippa-malku и лишь затѣмъ пріобрѣтала права на отношенія pirrauru. Далѣе мы видѣли, что pirrauru—не необходимо братья, хотя бы только племенные, мужа tippa-malku, поэтому если мы допустимъ предполагаемую Гауиттомъ эволюцію постепеннаго суженія круга лицъ, имѣющихъ право на женщину, намъ будетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ въ предѣлы болѣе узкаго круга лицъ, имѣющихъ право на женщину, попали именно въ моментъ суженія этого круга лица, которыя къ первоначальному, болѣе широкому кругу не принадлежали. Затѣмъ если бы институтъ pirrauru былъ ограниченіемъ первоначальнаго болѣе широкаго группового брака, то слѣдовало бы ожидать, что въ церемоніи kandri какъ-нибудь отразились бы слѣды такого ограничительнаго характера даннаго института, что-нибудь въ этой церемоніи указывало бы на суженіе болѣе широкихъ правъ мужчины или женщины, было бы въ ней что-нибудь, носящее запретительный характеръ, и т. д. Но ничего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Наконецъ, еще одно важное соображеніе. При постепенной и естественной эволюціи отъ широкаго группового брака черезъ институтъ pirrauru къ браку tippa-malku слѣдовало бы ожидать, что лица, связанныя отношеніями pirrauru, представляютъ естественно сложившуюся группу. Было бы понятно, если бы суженіе первоначальныхъ, болѣе широкихъ правъ выразилось въ томъ, что права на женщину, принадлежавшія первоначально всѣмъ племеннымъ братьямъ, сохранились бы лишь за группой родныхъ братьевъ или за тѣми изъ племенныхъ братьевъ, которые связаны совмѣстнымъ жительствомъ и представляютъ бытовую единицу; было бы, можетъ быть, даже понятно, если бы ограниченія выражались только въ ограниченіяхъ числа возможныхъ мужей женщины или, наоборотъ, числа возможныхъ женъ мужчины, съ тѣмъ, чтобы заинтересованныя лица сами сгруппировались такъ, чтобы не выходить изъ новыхъ числовыхъ рамокъ. Но дѣйствительность рисуетъ картину, кото-

рую труднѣе всего согласовать съ эволюціей, предполагаемой Гауиттомъ. Лица, связанныя отношеніями pirrauru, отнюдь не представляютъ естестественно образовавшейся или организованной самими участниками группы; наоборотъ, это вполнѣ искуственная группа, созданная усмотрѣніемъ общины и не считающаяся съ желаніями заинтересованныхъ лицъ. Такая группа естественнымъ путемъ изъ первоначальной болѣе широкой братской группы возникнуть не могла.

Такимъ образомъ бракъ pirrauru возникъ позже брака tippamalku и представляетъ его позднѣйшее осложненіе, и такъ какъ онъ къ тому же самъ по себѣ классифицирующихъ системъ родства Діери и Урабунна объяснить не можетъ, то очевидно, что этотъ своеобразный институтъ никакого отношенія къ теоріямъ Гауитта и Моргана не имѣетъ и ни съ какой стороны не можетъ служить доказательствомъ существованія группового брака, какъ его понимали эти изслѣдователи. Въ сущности говоря, такимъ отрицательнымъ выводомъ мы и могли бы ограничиться въ данномъ случаѣ, но все же попытаемся дать мимоходомъ объясненіе этого любопытнаго факта, хотя подобное объясненіе не входитъ непосредственно въ условія поставленной нами себѣ задачи.

Отношенія pirrauru устанавливаются, какъ мы видѣли, общиной, не спрашивающей иногда о согласіи и желаніи заинтересованныхъ лицъ. Этотъ институтъ представляетъ регламентацію племенемъ брачныхъ и половыхъ отношеній, и съ нашей точки зрѣнія онъ является чудовищнымъ примѣромъ вмѣшательства общества въ интимную жизнь отдѣльныхъ лицъ и оскорбленія чувствъ, которыя мы привыкли особенно высоко цѣнить. Но для правильнаго пониманія такихъ явленій какъ pirrauru или piraungaru надо отрѣшиться отъ европейскихъ точекъ зрѣнія, надо выяснить себѣ господствующія среди австралійцевъ представленія о половой морали и объ отношеніяхъ между племенемъ и отдѣльнымъ лицомъ, и тогда эти явленія уже не будутъ казаться намъ такими чудовищными. Половая мораль австралійцевъ очень своеобразна. Здѣсь мужъ, конечно, строго блюдетъ свои права господина и сурово караетъ всякую измѣну, разъ въ ней проявляется предпочтеніе ему женой какого-нибудь другого мужчины, но дальше этого онъ не идетъ. Когда женщина отдается другому мужчинѣ на какомъ-нибудь легальномъ основаніи, съ разрѣшенія ли мужа, по пра-

ву ли, полученному отъ племени, или во исполненіе извѣстныхъ церемоній, носящихъ священный характеръ, тогда мужъ нисколько не оскорбляется поведеніемъ жены и относится къ нему какъ къ чему-то естественному, даже должному. Въ Австраліи очень часто бываетъ, что двое мужчинъ обмѣниваются на время женами или что какой-нибудь мужъ ссужаетъ на время пріятеля своей женой, и къ этому относятся здѣсь очень просто. Такъ Гауиттъ разсказываетъ про одного австралійца изъ племени Курнаи, который имѣлъ двухъ женъ и отдалъ одну изъ нихъ на время своему другу, которому приходилось предпринять продолжительное путешествіе въ горы, сказавъ при этомъ: „Бѣдный парень, онъ—вдовецъ, а ему предстоитъ идти долгій путь и онъ будетъ чувствовать себя очень одинокимъ" [1]). Особенно часто предоставляется жена другому лицу, когда это лицо—гость мужа; въ такихъ случаяхъ предоставленіе жены считается до извѣстной степени долгомъ вѣжливости и гостепріимства, предполагая конечно, что жена и гость соотвѣтствующихъ классовъ, т.-е. классовъ, между которыми возможно брачное сожительство. Когда пришелецъ—гость не отдѣльныхъ лицъ, а всего племени, онъ тоже получаетъ временную жену, объ этомъ заботятся старѣйшины племени, не всегда принимающіе при этомъ во вниманіе согласіе женщины. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ племенные братья, поссорившись и желая примириться, обмѣниваются ради этого на время женами. У Діери и Урабунна посланцами къ чужимъ племенамъ служатъ обыкновенно женщины, отправляющіяся въ сопровожденіи своихъ pirrauru; если просьба, ради которой было снаряжено посольство, принимается благосклонно, то тогда всѣ мужчины племени (у Урабунна даже безъ различія класса) имѣютъ доступъ къ этимъ женщинамъ и пользуются ими; если же просьба не удовлетворяется, женщины остаются безъ посѣтителей [2]). У тѣхъ же Урабунна, когда какая-нибудь компанія собирается напасть на извѣстный лагерь, чтобы отомстить за ту или другую обиду, угрожаемые предлагаютъ мстителямъ женщинъ, и разъ женщины приняты благосклонно, распрѣ тѣмъ самымъ положенъ конецъ. У многихъ австралійскихъ племенъ имѣются особыя торжественныя собранія, на

---

1) *A. W. Howitt*, Native Tribes, p. 266.
2) *Howitt*, p. 682.—*Spencer* and *Gillen*, pp. 97—98.

которыхъ открыто допускается полное смѣшеніе половъ, не всегда даже сдерживаемое классовыми ограниченіями, и представить свою жену на такія собранія въ общее пользованіе всѣхъ собравшихся мужчинъ считается иногда долгомъ для мужа. Въ нѣкоторыхъ племенахъ подобная практика считалась средствомъ, чтобы предотвратить угрожающее племени бѣдствіе. Таково, напр., племя Wiimbaio, про которое Гауиттъ разсказываетъ между прочимъ слѣдующій случай: „Они однажды услышали про большую болѣзнь, идущую внизъ по Меррею, и старики предложили обмѣнъ женъ, чтобы предохранить себя отъ нея“ [1]). Въ свадебныхъ обрядахъ австралійцевъ очень часто приходится наталкиваться на требованіе, чтобы невѣста предварительно отдалась извѣстной группѣ товарищей или родственниковъ жениха и лишь потомъ становилась его женой и т. д., и т. д. Я не говорю уже про многочисленные примѣры тѣхъ племенъ, у которыхъ дѣвушка по достиженіи зрѣлаго возраста подчиняется особой церемоніи, однимъ изъ существенныхъ элементовъ которой является насилованіе дѣвушки извѣстными мужчинами и которая необходима для того, чтобы дѣвушка пріобрѣла право на бракъ.

Съ другой стороны бракъ для австралійцевъ—дѣло не совсѣмъ легкое. Просторъ для выбора жены здѣсь сильно стѣсненъ классовыми, тотемными, иногда и мѣстными ограниченіями. Большинство дѣвушекъ просватывается уже съ дѣтства и нерѣдко за взрослыхъ, даже престарѣлыхъ мужчинъ. Богатые и вліятельные старики умѣютъ заполучить себѣ по нѣсколько женъ, молодымъ приходится оставаться въ холостомъ положеніи; въ пользу стариковъ иногда создаются прямыя привилегіи, какъ, напр., признанное нѣкоторыми племенами Новаго Южнаго Уэльса требованіе, чтобы дѣвушка, прежде чѣмъ сойтись съ какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ, отдалась старику или старикамъ [2]). При такихъ условіяхъ неизбѣжны, конечно, всевозможныя любовныя исторіи, похищенія и уводы дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ, измѣны со всѣми ихъ послѣдствіями и т. п. Помимо этого холостое или вообще одинокое положеніе имѣетъ для австралійцевъ массу неудобствъ. Муж-

---

1) *Howitt*, p. 195.

2) *A. L. P. Cameron*, Notes on Some Tribes of New South Wales. Journ. Anthr. Inst. vol. XIV, p. 352.

чины здѣсь очень широко пользуются трудомъ женщины, такъ что холостой или вдовый австраліецъ, дѣйствительно, можетъ быть названъ „бѣднымъ парнемъ“, а женщины нуждаются въ мужской защитѣ и покровительствѣ.

Всѣ вышеизложенныя условія создаютъ съ одной стороны психологическую почву, съ другой—достаточный побудительный поводъ для вмѣшательства племени въ отношенія между полами, и это вмѣшательство выражается въ формѣ pirrauru или piraungaru. Мужчина, временно или постоянно оставшійся безъ жены, получаетъ доступъ къ извѣстнымъ женщинамъ, и это смягчаетъ тяжелыя стороны его одинокаго положенія; женщина, мужъ которой въ отсутствіи, получаетъ въ лицѣ pirrauru нужнаго ей временно покровителя. Можетъ быть, данное средство покажется черезчуръ исключительнымъ даже при описанной выше обстановкѣ, но не надо забывать, что и факты, съ которыми мы имѣемъ дѣло, тоже исключительные, такъ какъ институтъ pirrauru или piraungaru стоитъ совершенно особнякомъ въ исторіи культуры, это—изолированное и чисто мѣстное явленіе, не имѣвшее сколько нибудь широкаго распространенія [1]).

Теперь намъ предстоитъ перейти къ другимъ австралійскимъ племенамъ, у которыхъ Гауиттъ находилъ указанія на существованіе группового брака помимо системъ родства. Такихъ племенъ, не считая конечно Діери, семь: Parnkalla, Kurnandaburi, Wiimbaio Geawegal, Kuinmurbura, Wakelbura, Narrangga, все—племена, о которыхъ свѣдѣнія наши болѣе чѣмъ скудны и въ концѣ концовъ собраны въ большинствѣ случаевъ самимъ Гауиттомъ или его корреспондентами. Изъ этихъ семи племенъ про Geawegal и про Narrangga Гауиттъ сообщаетъ лишь только то, что у нихъ мужья иногда обмѣнивались на время женами, при чемъ относительно второго племени говорится про мужей-братьевъ между собой, а для перваго не отмѣчается даже этой подробности [2]). Конечно, если во временномъ или постоянномъ обмѣнѣ женами

---

1) Что отношенія pirrauru не имѣли широкаго распространенія даже въ Австраліи, это признаютъ сами сторонники теоріи группового брака. См. напр. *L. Fison*, The Nair Polyandry and the Dieri Pirauru (Australasian Association for the Advancement of Science, Fourth Meeting), p. 720.

2) *Howitt*, pp. 216, 260.

видѣть непремѣнно переживаніе группового брака, тогда существованіе послѣдняго не можетъ подлежать оспариванію, но обмѣнъ женами можетъ быть вполнѣ удовлетворительно объясненъ безъ всякой необходимости прибѣгать къ гипотезѣ группового брака. Тотъ же обмѣнъ женами, только въ болѣе широкихъ рамкахъ и какъ средство предотвратить грозящую племени опасность, служитъ для Гауитта доказательствомъ существованія группового брака и у Wiimbaio [1]), а у Kuinmurbura онъ видитъ переживаніе группового брака въ обычаѣ, согласно которому люди, помогавшіе жениху въ захватѣ невѣсты и принадлежащіе къ одному съ нимъ классу и тотему, имѣли право доступа къ невѣстѣ на второй день брака, когда мужъ отправлялся на охоту [2]). Обычай этотъ, описывавшійся уже писателями классической древности, опять таки нѣтъ основаній истолковывать какъ „выкупъ права на бракъ" или какъ „искупленіе за индивидуальный бракъ", особенно въ той формѣ, какъ у Kuinmurbura, гдѣ доступъ къ невѣстѣ имѣютъ только люди, помогавшіе жениху въ захватѣ невѣсты.

Болѣе прямыя указанія Гауиттъ даетъ относительно остальныхъ трехъ племенъ, но и эти указанія очень кратки и не точны. Составить на основаніи ихъ сколько-нибудь отчетливую картину невозможно.

Относительно Parnkalla Гауиттъ не могъ собрать свѣдѣній и потому ограничивается повтореніемъ довольно стараго разсказа Шюрмана: „Хотя мужья способны на бѣшеную ревность, когда жены грѣшатъ тайкомъ отъ нихъ, они тѣмъ не менѣе часто ссужаютъ ихъ другимъ лицамъ или обмѣниваются женой съ пріятелемъ на ночь. Что касается близкихъ родственниковъ, какъ, напр., братьевъ, то почти можно сказать, что жены у нихъ общія. Послѣдняя практика есть признанный обычай. Женщина удостаиваетъ всѣхъ безъ различія братьевъ мужа именемъ мужей, но мужчины проводятъ различіе, называя своихъ собственныхъ индивидуальныхъ женъ Yungaras, а тѣхъ, на кого они имѣютъ вторичныя права,—Kartetis" [3]). Изъ этого разсказа ясно только то,

---

[1]) p. 195.
[2]) p. 219.
[3]) p. 191.

что обмѣнъ женами и притомъ преимущественно между родственниками практиковался широко, но этотъ фактъ ничего не говоритъ въ пользу группового брака. То обстоятельство, что жена называла братьевъ мужа мужьями тоже само по себѣ ничего не доказываетъ, потому что, напр., у Арунта не только братья мужа называются мужьями, но и сестры жены называются женами, и тѣмъ не менѣе имѣется вполнѣ организованный и строгій индивидуальный бракъ.

О Kurnandaburi Гауиттъ приводитъ еще менѣе убѣдительныя доказательства. Вотъ его дословныя слова: „Мужчина и сестра его жены и жена его брата находились въ отношеніи Kodi-molli и не могли ни сидѣть въ одномъ и томъ же лагерѣ, ни свободно разговаривать, но должны были явно сторониться другъ друга, поскольку позволяли обстоятельства. Однако sub rosa супружескія отношенія существовали между ними, и это иногда производило ссоры между женщинами. Это ясно—отношенія pirrauru племени Діери, но подъ формой кажущагося табу, которая можетъ очень хорошо иллюстрировать переходъ отъ группового брака къ окончательной формѣ брака tippa-malku“ [1]). Откуда взялось „ясно“, мы совсѣмъ не понимаемъ, потому что всѣ подробности указываютъ именно на то, что мужчина не имѣлъ признанныхъ правъ на сестру жены или жену брата; если сближеніе между ними было возможно лишь sub rosa,—какой же это бракъ, хотя бы только групповой?

Сверхъ того надо имѣть въ виду, что какъ Parnkalla, такъ и Kurnandaburi принадлежатъ къ той же группѣ племенъ, что Діери и Урабунна; они живутъ если и не совсѣмъ рядомъ, то все же довольно близко къ послѣднимъ и имѣютъ одинаковую съ ними организацію, т. е. материнскую филіацію и только два класса, называемые притомъ приблизительно одинаково (у Діери—Matteri и Kararu, у Урабунна—Matthuri и Kirarawa, у Parnkalla—Mattiri и Carraru, у Kurnandaburi—Matara и Yungo). Поэтому если бы и было доказано существованіе института pirrauru у Parnkalla и Kurnandaburi, это значило бы лишь то, что данный институтъ существуетъ не у двухъ, а у четырехъ племенъ, но въ виду связи, существующей между всѣми этими племенами, онъ вслѣдствіе

---

1) pp. 192—193.

этого не пересталъ бы быть совершенно изолированнымъ и чисто мѣстнымъ явленіемъ.

Наибольшей категоричностью отличается сообщеніе о племени Wakelbura. У этого племени если одинъ, напр., изъ семи родныхъ или племенныхъ братьевъ женился, а остальные не женились, то „они и женщина, вышедшая замужъ за ихъ брата, называютъ другъ друга мужемъ и женой и шесть мужчинъ имѣютъ и примѣняютъ супружескія права на нее. Ея ребенокъ называетъ каждаго изъ этихъ шести мужчинъ отцомъ такъ же, какъ и седьмого мужчину, который дѣйствительный мужъ матери, а шесть мужчинъ должны заботиться о ребенкѣ“ [1]). Все это сообщается въ видѣ предположительнаго примѣра, то-есть въ формѣ, наименѣе выгодной для сужденія о достовѣрности сообщаемаго. Но если допустить точность всего сказаннаго про Wakelbura, то мы все же будемъ имѣть дѣло съ поліандріей, а не съ групповымъ бракомъ.

Такимъ образомъ поиски группового брака въ Австраліи, поиски, надо имъ отдать справедливость, весьма тщательные, въ концѣ концовъ не увѣнчались успѣхомъ. Они привели къ открытію весьма интереснаго института у двухъ племенъ, который, пожалуй, можно было бы назвать групповымъ бракомъ, но который, помимо его изолированности, съ одной стороны не связанъ съ системами родства, а съ другой стороны не соотвѣтствуетъ тѣмъ формамъ группового брака, которыя пытались реконструировать путемъ анализа системъ родства. А такъ какъ онъ къ тому же ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ прежняго существованія у соотвѣтствующихъ племенъ иной, болѣе широкой и болѣе соотвѣтствующей системамъ родства формы группового брака, то очевидно онъ не имѣетъ никакого отношенія къ той теоріи группового брака, главными представителями которой являются Морганъ, Колеръ и Гауиттъ и которая предполагаетъ существованіе группового брака у всѣхъ народовъ, знакомыхъ съ классифицирующими системами родства.

III.

Обратимся теперь къ другимъ народностямъ, у которыхъ усматривали групповой бракъ, и начнемъ обзоръ съ нашихъ Чукочъ,

---

1) p. 224.

у которыхъ В. Г. Богоразъ открылъ любопытный институтъ „перемѣннаго брака“. Вотъ что говоритъ этотъ авторъ: „Оригинальный обычай перемѣннаго брака въ основѣ своей также служитъ для укрѣпленія связи между родственниками, двоюродными, троюродными или четвероюродными братьями, среди которыхъ онъ преимущественно осуществляется. Онъ состоитъ въ томъ, что двое или болѣе мужчинъ, вступающихъ въ такой союзъ, даютъ другъ другу взаимное право на своихъ женъ, которое осуществляется при каждой встрѣчѣ участниковъ, напр., при пріѣздѣ въ гости, при совмѣстномъ посѣщеніи чужого стойбища и т. п. Впрочемъ, въ отношенія перемѣннаго брака могутъ вступать также лица, не связанныя никакимъ родствомъ, даже иноплеменники. Для нихъ перемѣнный бракъ является узами въ родѣ побратимства, создающими обязанность взаимной помощи и защиты. Холостой и вдовый человѣкъ также могутъ вступать въ отношенія перемѣннаго брака съ женатымъ, при чемъ, если, какъ это иногда случается, они живутъ въ одномъ и томъ же стойбищѣ, такой бракъ принимаетъ форму настоящаго многомужства. Въ сущности говоря, перемѣнный бракъ является видоизмѣненіемъ коммунальнаго брака внутри данной семейно-родовой группы, съ расчлененіемъ ея на болѣе мелкія группы по выбору заинтересованныхъ лицъ. Внѣ отношеній перемѣннаго брака не живетъ ни одинъ Чукча. Есть люди, находящіеся въ отношеніяхъ перемѣннаго брака съ десятью лицами, но обыкновенно онъ ограничивается тремя или четырьмя участниками. Женщины относятся къ этому обычаю довольно снисходительно. Даже всѣ русскія женщины, вышедшія замужъ за Чукочъ, безъ малѣйшаго ропота подчинялись этому обычаю. Съ другой стороны, бываютъ случаи, когда Чукчанки которымъ мужъ навязываетъ неугоднаго имъ сожителя, лишаютъ себя жизни въ видѣ протеста“ [1]).

Изложеніе В. Г. Богораза оставляетъ незаполненными нѣкоторые пробѣлы, но все же наиболѣе существенныя черты перемѣннаго брака выступаютъ достаточно ясно, и прежде всего здѣсь, вопреки мнѣнію автора, нѣтъ ничего похожаго на „расчлененіе на группы“. Отношенія перемѣннаго брака связываютъ не группу

---

1) *В. Г. Богоразъ.* Краткій отчетъ объ изслѣдованіи чукочъ Колымскаго края. Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. Общ., XXX (1899), вып. 1-й стр. 34—35.

мужчинъ съ группой женщинъ, а отдѣльныхъ лицъ. Если А связанъ отношеніями перемѣннаго брака съ В и С, то это отсюдь не предполагаетъ, чтобы тѣ же отношенія связывали и В и С между собою. Ни въ только-что цитированной статьѣ, ни въ другихъ своихъ работахъ В. Г. Богоразъ не говоритъ объ образованіи, хотя бы по взаимному соглашенію, группъ, члены которыхъ находились бы каждый съ каждымъ въ отношеніяхъ перемѣннаго брака, а записанныя имъ чукотскія преданія и сказки прямо говорятъ о заключеніи перемѣннаго брака экспромптомъ между лицами, раньше ничѣмъ не связанными и не состоящими членами никакой группы [1]). Перемѣнный бракъ есть частное соглашеніе двухъ отдѣльныхъ мужчинъ, и сколько бы каждый изъ нихъ ни заключалъ подобныхъ соглашеній еще съ другими лицами, эти отдѣльныя соглашенія все же не сольются въ одно общее групповое соглашеніе; единоличные акты такъ и останутся единоличными. Поэтому хотя у Чукочъ, мужчина имѣетъ одновременно нѣсколько женъ, а женщина—нѣсколькихъ мужей, все же здѣсь нѣтъ группового брака въ смыслѣ Моргана, въ смыслѣ союза, связывающаго опредѣленную группу мужчинъ съ опредѣленной группой женщинъ. Здѣсь даже нѣтъ остатковъ такихъ группъ, такъ какъ выборъ товарищей по перемѣнному браку ничѣмъ не ограниченъ и въ эти отношенія могутъ вступать люди, не только не связанные родствомъ между собою, но даже и иноплеменники. Считать перемѣнный бракъ остаткомъ группового брака въ виду этого нѣтъ никакихъ основаній. Съ классифицирующими системами родства перемѣнный бракъ ничѣмъ не связанъ. Такимъ образомъ и здѣсь мы въ концѣ концовъ имѣемъ дѣло съ фактомъ, который не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ теоріи Моргана и не можетъ служить ея подтвержденіемъ: самъ по себѣ перемѣнный бракъ не есть искомая для Моргана форма группового брака, онъ не можетъ привести къ классифицирующей системѣ родства и не можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ переживанія дѣйствительнаго группового брака.

Все только-что сказанное можно одинаково сказать какъ про перемѣнный бракъ, такъ и про отношеніи pirrauru, но этимъ и

---

[1]) *В. Г. Богоразъ.* Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора Ч. I. стр. 270.

ограничивается все сходство между двумя институтами; по существу они несомнѣнно различны и не могутъ быть поставлены за одну общую скобку. Pirrauru—дѣло общины, одно изъ проявленій вмѣшательства племени въ жизнь отдѣльныхъ лицъ, вмѣшательства, вызваннаго въ значительной степени интересами цѣлаго, необходимостью поддержать въ племени внутренній миръ и спокойствіе и въ то же время обезпечить женщинами мужчинъ, оказавшихся не въ состояніи вступить въ бракъ или на время разлучившихся съ женами. Перемѣнный бракъ, наоборотъ, частная сдѣлка между отдѣльными лицами, заключаемая по ихъ взаимному добровольному согласію и диктуемая соображеніями о личныхъ удобствахъ и выгодахъ, стремленіемъ къ разнообразію, желаніемъ упрочить дружественныя связи съ даннымъ лицомъ и т. д., и т. д. Нѣкоторыя черты перемѣннаго брака все же остаются невыясненными; въ одномъ изъ своихъ беллетристическихъ разсказовъ В. Г. Богоразъ говоритъ, что перемѣнный бракъ превращаетъ узы дружбы въ узы родства, „дававшаго даже право наслѣдства послѣ такого смѣннаго товарища въ бракѣ“ [1]). Насколько точно это послѣднее сообщеніе, будетъ видно лишь тогда, когда будетъ опубликованъ 3-й, посвященный соціальному быту, выпускъ работы В. Г. Богораза о Чукчахъ въ изданіи Джезуповской экспедиціи, сейчасъ же строить какія-либо соображенія на основаніи краткаго заявленія въ беллетристическомъ разсказѣ, не подтвержденнаго въ позднѣйшихъ научныхъ статьяхъ, было бы преждевременно.

Къ востоку отъ Чукочъ мы встрѣчаемся съ обычаемъ, который буквально не подходитъ подъ понятіе группового брака, но который близокъ чукотскому перемѣнному браку, когда въ немъ однимъ изъ участниковъ является холостой человѣкъ. Вотъ что сообщаетъ Иннокентій Веніаминовъ про Алеутовъ Уналашкинскаго отдѣла: „Также женщинѣ дозволялось имѣть двухъ мужей, изъ коихъ одинъ былъ главнымъ, а другой его помощникъ, или, какъ

[1]) *Танъ.* Чукотскіе разсказы. (Спб. 1900) стр. 201. Въ первоначальномъ видѣ это разсказъ, носящій въ сборникѣ названіе „Праздникъ“, былъ помѣщенъ подъ названіемъ „На стойбищѣ“ въ журналѣ „Русское Богатство“ за 1897 г. № 6 и такимъ образомъ является однимъ изъ наиболѣе раннихъ, если не самымъ раннимъ произведеніемъ В. Г. Богораза, посвященнымъ чукчамъ.

называютъ Русскіе, половинщикъ. Такая женщина не только не почиталась развратною, но еще славилась, какъ бойкая и расторопная, потому что она должна была обоихъ мужей своихъ обшивать и содержать въ исправности всѣ ихъ камлейки и байдарочныя обтяжки и проч., которыя обыкновенно находятся на попеченіи женъ. Второй мужъ, вполнѣ пользуясь правомъ мужа, долженъ былъ наравнѣ съ первымъ мужемъ промышлять и вообще стараться о содержаніи жены и семейства; но онъ не былъ полнымъ хозяиномъ въ домѣ. Въ случаѣ же, если бы помощникъ захотѣлъ отдѣлиться, что онъ могъ сдѣлать всегда, то онъ имѣлъ право взять часть (но не половину) изъ всего того, что было въ домѣ. Но дѣти всегда оставались при матери или чаще при дядѣ"[1]). Лангсдорфъ, сообщая кратко про тотъ же обычай, отмѣчаетъ, что мужья дѣлили между собой пользованіе общей женой вполнѣ по соглашенію, ничѣмъ нестѣсняемому [2]). Кромѣ Алеутовъ данный обычай существовалъ у Конягъ, обитателей о. Кадьяка, принадлежавшихъ къ эскимосскому племени; о нихъ Давыдовъ говоритъ слѣдующее: „Нѣкоторыя женщины имѣютъ по два мужа: первый есть настоящій, выбирающій другого съ согласія жены. Сей въ то же время дѣлается и прислужникомъ, то есть носитъ воду, дрова и другія разныя работы отправляетъ. Онъ можетъ спать съ женою въ отсутствіе только настоящаго мужа, по возвращеніи же его лишается сего права. Таковыхъ мужей Русскіе называютъ половинщиками"[3]). Тотъ же обычай существовалъ, наконецъ, у Тлинкитовъ или, какъ ихъ называли старые русскіе авторы, Колошъ, но при этомъ „явный половинщикъ всегда долженъ быть или братъ, или ближайшій родственникъ"[4]). Литке впрочемъ придаетъ нѣсколько иную окраску обычаю. „Есть снисходительные мужья,—говоритъ онъ,—кои смотрятъ сквозь паль-

---

1) *И. Веніаминовъ.* Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла (Спб 1840 г), т. II стр. 78, или „Творенія" *Иннокентія* митрополита московскаго. (М. 1888), кн. 3-я, стр. 323—324.

2) *G. H. Langsdorff.* Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. II S. 43.

3) *Давыдовъ.* Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова. Ч. II. стр. 50—51.

4) *И. Веніаминовъ.* Записки объ Атхинскихъ Алеутахъ и Колошахъ, стр. 96—*Иннокентій*, Творенія, кн. 3-я, стр. 619.

цы, если старшая [1]) жена возьметъ въ домъ молодого человѣка для вспомоществованія въ работахъ, который обыкновенно считается принадлежащимъ къ семейству"[2]). Въ отличіе отъ чукотскаго перемѣннаго брака мы во всѣхъ этихъ примѣрахъ не находимъ указаній на то, чтобы половинщикъ, отдѣлившись отъ прежней семьи и обзаведясь собственной женой, обязанъ былъ дѣлить ее съ мужемъ той женщины, при которой онъ состоялъ половинщикомъ. Въ прочихъ деталяхъ институтъ половинщиковъ очень близокъ къ перемѣнному браку съ тѣмъ добавленіемъ, что въ немъ явственно выступаетъ та черта, что половинщики заводятся по хозяйственнымъ соображеніямъ. Видѣть въ этомъ институтѣ остатокъ прежняго группового брака нѣтъ основаній; наоборотъ, онъ могъ возникнуть естественнымъ путемъ и на почвѣ уже сложившагося индивидуальнаго брака. Подобно австралійскому pirrauru перемѣнный бракъ и родственный ему институтъ половинщиковъ стоятъ особнякомъ въ исторіи культуры и представляютъ до извѣстной степени изолированный фактъ. Для выясненія культурныхъ взаимодѣйствій между Азіей и Америкой этотъ фактъ имѣетъ очень важное значеніе.

Изъ другихъ же эскимосскихъ племенъ нѣчто аналогичное наблюдалось Россомъ у центральныхъ Эскимосовъ. Въ описаніи своего второго путешествія онъ дважды упоминаетъ о семьяхъ, гдѣ двое мужчинъ имѣли одну общую жену, при чемъ въ одномъ случаѣ семья, жившая вмѣстѣ, состояла изъ старика съ двумя женами, двухъ молодыхъ людей, у которыхъ была одна общая жена, и старухи, имѣвшей двухъ мужей[3]). Сообщеніе Росса очень кратко; изъ него не видно, одинаковыми ли правами или нѣтъ пользовались оба мужа, насколько подобные союзы были прочны и какими обстоятельствами они вызывались къ жизни. Россъ только упоминаетъ, что они не были особенно часты вслѣдствіе численнаго равенства между полами. Изъ позднѣйшихъ изслѣдо-

---

[1]) У Тлинкитовъ допускалась полигамія, но первая жена считалась старшей или главной.

[2]) *Ѳ. Литке.* Путешествіе вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ Сенявинѣ. Ч. I стр. 161—162.

[3]) *J. Ross.* Relation du second voyage fait à la recherche d'un passage au nord-ouest. Vol. II, pp. 34, 55.

вателей, имѣвшихъ дѣло съ тѣми же Эскимосами, никто, насколько мнѣ извѣстно, не наблюдалъ ничего подобнаго, хотя о довольно широкой практикѣ обмѣна женами говорятъ многіе авторы.

Чтобы не возвращаться потомъ къ Америкѣ, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ Омага. У этого племени тоже усматривали групповой бракъ на основаніи показаній Дорсея, но въ концѣ концовъ тутъ все дѣло сводится къ обычному истолкованію системы родства, такъ какъ самъ Дорсей признаетъ, что въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время женщина никогда не имѣетъ болѣе одного мужа одновременно: „Омага говорятъ,— пишетъ онъ,—что это (поліандрія) не практиковалось у нихъ и Понка тоже не знаютъ подобнаго обычая. Но термины родства, кажется, указываютъ на время, когда этотъ обычай практиковался". Про другую сторону группового брака Дорсей выражается болѣе категорично: „Наибольшее число женъ, которое могъ имѣть человѣкъ, три,—т.-е. первая жена, ея тетка и ея сестра или племянница, если всѣ онѣ родственницы. Иногда три жены бываютъ не родственницами"[1]). Повидимому и тутъ довольно странный подборъ женъ выведенъ не изъ непосредственнаго наблюденія, а изъ системъ родства, но если даже оставить въ сторонѣ эти сомнѣнія, все же мы будемъ имѣть здѣсь дѣло только съ полигиніей съ довольно причудливымъ подборомъ женъ, а никакъ не съ групповымъ бракомъ.

Теперь вернемся опять на азіатскій материкъ и остановимся нѣсколько подробнѣе на Гилякахъ, которымъ приписываетъ существованіе группового брака лучшій знатокъ ихъ быта Л. Я. Штернбергъ. На первый взглядъ категорическій тонъ Л. Я. Штернберга можетъ произвести сильное впечатлѣніе; онъ говоритъ дословно слѣдующее: „Всѣ лица, связанныя между собою званіемъ аӈ̆еј и пу (мужъ и жена), дѣйствительно имѣютъ супружескія права другъ на друга, т.-е., не только имѣютъ право вступить между собою въ регулярные браки или имѣть половое общеніе, до вступленія въ регулярный бракъ, но *сохраняютъ права* на половое общеніе и тогда, когда лица этихъ категорій состоятъ уже въ индивидуальномъ бракѣ". Нѣсколькими строками ниже мы чи-

---

1) *J. Owen Dorsey.* Omaha Sociology (Third annual report of the Bureau of Ethnology), p. 261.

таемъ: „Пришлые мужчины, часто совершенно незнакомые, случайно проѣхавшіе черезъ селеніе, если считаютъ себя, хотя бы по самому отдаленному родству „пу“ данной женщины, *свободно пользуются этимъ правомъ*, разумѣется съ согласія женщины“. Еще ниже встрѣчаются такія выраженія, какъ „эти нормы полового общенія“, „правомѣрность группового полового общенія“, „случаи регулярнаго сожительства братьевъ съ общей женой“ и т. д., и т. д.[1]). Однако при болѣе внимательномъ чтеніи нарисованная Л. Я. Штернбергомъ картина утрачиваетъ свои наиболѣе рельефныя черты. Такъ, „состоя въ законномъ, такъ сказать, индивидуальномъ бракѣ, жена въ то же время пользуется правомъ *негласно, т.-е. въ отсутствіе мужа*, имѣть общеніе съ лицами изъ группы мужчинъ, которыхъ она зоветъ пу, івн (мужъ)“; сообщая объ одномъ случаѣ осуществленія правъ на аӈгеj, авторъ добавляетъ: „разумѣется, когда мужа въ юртѣ не было“; далѣе мы узнаемъ, что нарушеніе супружеской вѣрности съ лицомъ, входящимъ въ группу „пу“, вызываетъ у мужа „нѣкоторое раздраженіе, въ рѣдкихъ случаяхъ переселеніе соблазнителя въ другую юрту“, наконецъ, относительно случая „регулярнаго сожительства братьевъ съ общей женой“ Л. Я. Штернбергъ признаетъ, что при упоминаніи объ этомъ по лицу мужа „пробѣгало мимолетное облачко меланхоліи“. Супружеской ревности у Гиляковъ онъ въ концѣ концовъ не отрицаетъ, но „по отношенію къ лицамъ разрѣшенныхъ категорій ревность никогда не выражается въ какой-нибудь рѣзкой мѣрѣ репрессіи; въ крайнихъ случаяхъ ревнующій братъ настоитъ на переселеніи соперника въ другой домъ или въ другую деревню“. А въ болѣе ранней статьѣ Л. Я. Штернбергъ приводитъ болѣе рѣзкіе факты: „Гилякъ, захватившій жену in flagrante delictu съ постороннимъ, убиваетъ соблазнителя, а жену избиваетъ до полусмерти. Даже руфа (брата) своего въ подобномъ случаѣ онъ не отпуститъ безъ чувствительнаго напутствія, а у амурскихъ гиляковъ даже руфъ не находитъ пощады“[2]). Странное, въ концѣ концовъ, получается „право“, пользоваться которымъ

---

[1]) *Л. Штернбергъ.* Гиляки, Этн. Обозр. LX (1904 г. № 1), стр. 23—25. Курсивъ мой (А. М.).

[2]) *Л. Штернбергъ.* Сахалинскіе Гиляки, Этногр. Обозр. XVII (1893 г. № 2), стр. 26.

приходится „негласно“ и осуществленіе котораго способно вызвать у мужа „нѣкоторое раздраженіе“, доходящее до „чувствительнаго напутствія“ пользующемуся своимъ правомъ и вынуждающее его переселиться „въ другую деревню“. Очевидно, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ увлеченіемъ теоріей, заставляющимъ забывать дѣйствительные факты. Вѣдь самъ Л. Я. Штернбергъ съ одной стороны отмѣчаетъ, что „съ перваго взгляда институтъ гиляцкаго брака не представляетъ ничего особеннаго“ и носитъ индивидуальный характеръ, а съ другой—указываетъ на „общее легкое отношеніе къ вопросамъ цѣломудрія: найти мужчину или замужнюю женщину, не нарушающихъ своей взаимной вѣрности, очень трудно“. При такихъ условіяхъ любовныя связи между женщиной и братомъ мужа могутъ быть самымъ заурядным явленіемъ и все-таки остаются только любовными связями, не принимающими никакого правового характера, а наоборотъ представляющими нарушеніе права. То обстоятельство, что связь съ лицомъ, не входящимъ въ категорію „пу“, карается гораздо суровѣе, чѣмъ связь съ кѣмъ-нибудь изъ „пу“, вполнѣ естественно помимо всякихъ предположеній о групповомъ бракѣ. Во второмъ случаѣ караемымъ является лишь нарушеніе правъ мужа, въ первомъ же къ этому присоединяется оскорбленіе законовъ племени о кровосмѣшеніи; большее преступленіе влечетъ за собой и большее наказаніе. Этимъ же объясняется и недоумѣніе гиляцкихъ юношей по поводу русскаго закона, что „съ женой брата жить нельзя“; очевидно, Гиляки недоумѣвали тому, что связь съ женой брата входитъ въ категорію кровосмѣсительныхъ связей. Во всякомъ случаѣ ни о какихъ дѣйствительныхъ „правахъ“ Гиляка на жену брата не можетъ быть и рѣчи; въ этомъ отношеніи гиляцкій бракъ не можетъ быть поставленъ на одну доску съ pirrauru австралійцевъ, перемѣннымъ бракомъ Чукочъ или съ институтомъ половинщиковъ. А гдѣ нѣтъ признанныхъ и невозбранно осуществляемыхъ правъ на женщину, тамъ нѣтъ и брака.

Любопытно отмѣтить еще то, что Л. Я. Штернбергъ отводитъ групповому браку въ общей схемѣ развитія семьи совершенно не то мѣсто, какъ Морганъ и другіе авторы, и въ сущности относитъ возникновеніе группового брака къ сравнительно поздней эпохѣ. Возникновеніе группового брака онъ ставитъ на счетъ

обычая, что мужчины непремѣнно должны были брать женъ изъ того же рода, откуда происходила ихъ мать, т. е. должны были жениться на дочеряхъ брата матери. Лишая всякой свободы выбора жены, этотъ обычай при естественномъ неравенствѣ въ численности обѣихъ семей обрекалъ въ извѣстныхъ случаяхъ мужчинъ на необходимость сообща пользоваться одной или нѣсколькими женщинами[1]). Съ этимъ объясненіемъ вообще трудно согласиться, но для насъ оно въ данный моментъ интересно только одной изъ своихъ сторонъ, именно заключающимся въ немъ признаніемъ, что индивидуальный бракъ предшествовалъ групповому браку. Въ самомъ дѣлѣ, какова же была форма брака, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ установилось требованіе брать въ жены непремѣнно дочь брата матери. Очевидно, это не могло быть безпорядочнымъ смѣшеніемъ половъ, потому что тогда, если братъ матери, можетъ быть, и былъ извѣстенъ, то во всякомъ случаѣ дочь этого брата не была извѣстна. Не было это и групповымъ бракомъ, потому что объ объясненіи возникновенія именно этого группового брака и идетъ рѣчь. Слѣдовательно, остается послѣдняя логическая возможность, т. е. надо допустить, что въ моментъ установленія этого требованія существовалъ индивидуальный бракъ и что онъ, стало-быть, предшествовалъ браку групповому. Въ этомъ отношеніи Л. Я. Штернбергъ кореннымъ образомъ расходится съ Морганомъ, Гауиттомъ и другими представителями той же школы.

Въ рубрику группового брака можно, пожалуй, отнести еще своеобразныя брачныя учрежденія Наировъ, аристократической и воинственной касты Малабарскаго берега. У Наировъ женщина могла имѣть одновременно нѣсколько мужей (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ до 12-ти), хотя мужьями ихъ приходится называть только по недостатку другого, болѣе подходящаго выраженія. Женщина оставалась въ своемъ домѣ, выбирала себѣ мужей по собственному вкусу съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они принадлежали къ одной изъ благородныхъ кастъ, и порывала съ ними отношенія, когда ей вздумается. Ни для заключенія брака, ни для разрыва его не требовалось никакихъ формальностей; все дѣло сводилось исключительно къ доброй волѣ и желанію участвую-

---

1) *Л. Я. Штернбергъ.* Гиляки, Этногр. Обозр. LX (1904 г. № 1), стр. 39, 40.

щихъ сторонъ. Общіе мужья должны были содержать жену, пока оставались въ союзѣ съ нею, и такъ или иначе регулировали между собою право пользованія ею; иногда они устанавливали извѣстную очередь, при чемъ каждый мужъ поочередно могъ проводить съ женою либо одинъ день, либо нѣсколько; въ другихъ случаяхъ такой очереди, повидимому, не было, и первый пришедшій къ женѣ мужъ могъ оставаться у нея сколько ему вздумается, оставивъ у дверей дома какой-нибудь знакъ своего тамъ пребыванія (напр. оружіе) и, пока этотъ знакъ былъ на мѣстѣ, никто изъ другихъ мужей уже не могъ войти къ женщинѣ. У Наировъ была материнская филіація, дѣти принадлежали къ роду матери и наслѣдниками мужчины были не его дѣти, а дѣти его сестры. Къ своимъ отцамъ, т.-е. къ мужьямъ матери, дѣти, по свидѣтельству большинства и болѣе древнихъ источниковъ, не имѣли никакого отношенія, но нѣкоторые авторы указываютъ на то, что женщина могла, руководствуясь физическимъ ли сходствомъ или какими-нибудь другими соображеніями, приписать ребенка тому или другому изъ своихъ мужей, что впрочемъ не налагало никакихъ особыхъ обязательствъ на отношенія между отцомъ и ребенкомъ; если связь между отцомъ и матерью порывалась, ребенокъ всегда оставался при матери. Мужчина не былъ обязанъ довольствоваться одной женщиной; наоборотъ, онъ имѣлъ право и возможность входить въ различныя брачныя комбинаціи, т.-е. вступать въ число нѣсколькихъ группъ мужей, въ центрѣ которыхъ стояли различныя женщины, и оставаться въ нихъ до тѣхъ поръ, пока ему нравится данная женщина [1]). Эту своеобразную организацію можно, пожалуй, назвать групповымъ бракомъ, но только въ томъ смыслѣ, что у каждой женщины было одновременно нѣсколько мужей, а у каждаго мужчины—нѣсколько женъ, и только. Собственно групповыхъ отношеній тутъ не было; соглашенія заключались между отдѣльными лицами, а не между группами; общіе мужья женщины не представляли хоть сколько-нибудь организованной группы, объединенной какой-нибудь формальной связью или общностью интересовъ; равнымъ образомъ не было ничего общаго и между всѣми женами какого-нибудь одного мужчины; тѣмъ болѣе не было никакихъ отношеній между группой мужчинъ

---

[1]) *J. J. Bachofen*, **Antiquarische Briefe**, Bd. I. S. 232—278.

и группой женщинъ. Съ внѣшней стороны наирскій бракъ нѣсколько напоминаетъ отношенія pirrauru у Діери, но только съ внѣшней стороны именно отсутствіемъ какого-либо связующаго начала между мужьями одной женщины или между женами одного мужчины. По существу это явленія глубоко различныя, такъ какъ отношенія pirrauru устанавливаются племенемъ, а у Наировъ бракъ—дѣло исключительно полюбовнаго соглашенія заинтересованныхъ лицъ. Сверхъ того у Діери кромѣ pirrauru есть еще мужъ-tippa-malku, имѣющій преимущественныя, ему одному принадлежащія права на женщину, у Наировъ же всѣ мужья женщины пользуются одинаковыми правами. Въ этомъ отношеніи относительно Наировъ есть впрочемъ нѣкоторыя сомнѣнія; прежде чѣмъ получить право устраиваться по собственному усмотрѣнію и заводить себѣ ту или другую комбинацію мужей, женщина здѣсь обручается родителями съ отдѣльными лицами, при чемъ это обрученіе сопровождается нѣкоторыми, правда не особенно сложными церемоніями, но затѣмъ этотъ человѣкъ совершенно стушевывается и уже не имѣетъ никакихъ отношеній къ женщинѣ. Трудно сказать, что за роль этого лица: сводится ли она только къ тому, чтобы лишить дѣвушку невинности (у нѣкоторыхъ племенъ Индіи это, какъ извѣстно, должно быть сдѣлано до брака и не мужемъ, а кѣмъ-либо другимъ), или же это—легальный мужъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ послѣдующіе мужья—только оффиціально признанные любовники и назначеніе котораго въ томъ, чтобы, такъ сказать, санкціонировать неограниченную свободу женщины въ половомъ отношеніи. Если вѣрно послѣднее предположеніе, было бы очень интересно выяснить, какимъ путемъ этотъ легальный мужъ могъ утратить всѣ свои права и очутиться въ роли простой ширмы для жены; роль этого человѣка, во всякомъ случаѣ, была настолько мало почетная, что исполнителей ея нанимали обыкновенно за деньги. Отъ перемѣннаго брака наирскій бракъ кореннымъ образомъ отличается тѣмъ, что у Чукочъ женщина играетъ въ данномъ случаѣ пассивную роль и соглашеніе имѣетъ въ виду исключительно интересы мужчинъ, у Наировъ же женщинѣ принадлежитъ активная роль, и сложная брачная комбинація служитъ ея интересамъ еще больше, чѣмъ интересамъ мужчины.

Къ системамъ родства и къ теоріи Моргана наирскій бракъ

не имѣетъ никакого отношенія, потому что здѣсь нѣтъ ни группы братьевъ, которые были бы общими мужьями женщины, ни группы сестеръ—женъ какого-нибудь мужчины. Сверхъ того брачную систему высоко культурныхъ Наировъ нельзя ставить на счетъ отдаленныхъ эпохъ, предшествовавшихъ установленію индивидуальнаго брака. Вѣрно ли или нѣтъ мнѣніе старинныхъ авторовъ, объяснявшихъ систему Наировъ желаніемъ освободить мужчинъ отъ семейныхъ узъ и тѣмъ укрѣпить ихъ воинственный духъ, но эта система во всякомъ случаѣ—не остатокъ первобытныхъ временъ.

Групповой бракъ приписывали нерѣдко жителямъ различныхъ острововъ Океаніи, но въ большинствѣ случаевъ на основаніи показаній старинныхъ путешественниковъ, знакомство которыхъ съ туземцами было обыкновенно очень непродолжительно и которые поэтому сообщали свѣдѣнія недостаточно точныя, а иногда и прямо ошибочныя. Довольно часто приводится примѣръ жителей Нукагивы, одного изъ Маркизскихъ острововъ, у которыхъ были половинщики или „огнезажигатели", но только въ богатыхъ семьяхъ или даже только въ „королевской" фамиліи, какъ говоритъ Крузенштернъ [1]). Хотя объ этомъ говорятъ два автора, Крузенштернъ и Лисянскій, но источникъ ихъ свѣдѣній общій,—показанія совершенно необразованнаго англійскаго матроса Робертса, который неизвѣстно какъ попалъ на Нукагиву и пробылъ тамъ долгое время. О точности его показаній можно судить по тому, что тогда какъ Крузенштернъ говоритъ съ его словъ о „королевской фамиліи", его спутникъ Лангсдорфъ, тоже пользовавшійся разсказами Робертса, отрицаетъ существованіе на Нукагивѣ признанныхъ вождей. Выяснить истинную природу этого института по отрывочнымъ свѣдѣніямъ трудно; по Лисянскому, огнезажигатель—преимущественно „прислужникъ", по Крузенштерну, его главное назначеніе—наблюдать за женой въ отсутствіе мужа: „нукагивскіе самовластители, уповательно, полагаютъ, что лучше охотно дѣлиться съ однимъ, нежели поневолѣ со многими, увѣряясь, что для избѣжанія сего послѣдняго таковой соучастникъ необходимъ". Въ концѣ кон-

---

1) *Крузенштернъ*, Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803-6 годахъ, т. I, стр. 204—205.—*Ю. Лисянскій*, Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 гг. на кораблѣ Нева, т. I, стр. 134.

цовъ нѣтъ даже полнаго убѣжденія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ правовымъ институтомъ, а не съ простымъ проявленіемъ половой распущенности, которая, по описаніямъ Крузенштерна и Лисянскаго, составляла характерную черту нравовъ жителей Нукагивы.

Я конечно далеко не исчерпалъ всѣхъ тѣхъ ссылокъ, которыя приводились различными авторами, какъ доказательства существованія группового брака у тѣхъ или другихъ племенъ [1]). Исчерпать этотъ предметъ очень трудно, такъ какъ групповой бракъ усматривали иногда въ томъ, что ничего съ нимъ общаго не имѣло. Такъ, напр., Колеръ видитъ „опредѣленное" и „несомнѣнное" указаніе на групповой бракъ въ сообщеніи одного автора, что у Осаговъ мужъ „распоряжается всѣми сестрами жены, на которыхъ онъ можетъ, смотря по желанію, либо самъ жениться, либо выдать ихъ замужъ за другихъ лицъ" [2]). Обычай, по которому мужъ, вступая въ бракъ съ какой-нибудь женщиной, можетъ жениться и на ея сестрахъ, встрѣчается довольно часто, но это одна изъ формъ полигиніи, а не групповой бракъ. А дальше этотъ авторъ ставитъ на счетъ группового брака такіе факты, какъ половая свобода дѣвушекъ до брака, jus primae noctis, священная проституція и т. п., т.-е. то, въ чемъ другіе изслѣдователи семьи видѣли переживаніе безпорядочнаго смѣшенія половъ.

Съ другой стороны, я умышленно оставилъ въ сторонѣ весьма важную группу фактовъ такъ-называемой братской поліандріи Тибетцевъ, Тангутовъ, народностей Гималаевъ и нѣкоторыхъ племенъ Индіи до Тода включительно. Эти факты настолько интересны и литература объ нихъ настолько обширна, что ихъ нельзя касаться мимоходомъ, и потому я предпочитаю вернуться къ нимъ потомъ въ спеціальной работѣ. Для насъ въ данный моментъ важно только то, что эта братская поліандрія хотя охватываетъ

---

[1]) Эта статья была уже написана, когда я нашелъ въ послѣднемъ выпускѣ „Man"'а (1908. № 9, p. 130) замѣтку A. Lang'а „Pirauru in Scotland", въ которой онъ заимствуетъ изъ книги Джорджа Меккензи „Laws and Customs of Scotland in Matters Criminal" слѣдующее сообщеніе: Мѣдники (tinkers, „не цыгане ли" догадывается Lang) не наказывались смертной казнью за прелюбодѣяніе. „And some respect was had here to *that absurd custom* amongst Tinkers of living promiscuously and using one another's wives as concubines". Lang справедливо не рѣшается строить какіе-либо выводы на основаніи столь краткаго сообщенія.

[2]) Dr. *J. Kohler*, Zur Urgeschichte der Ehe, S. 136.

значительную область, все же остается чисто мѣстнымъ явленіемъ; сверхъ того она далеко не всегда согласуется съ классифицирующей системой родства, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда группа братьевъ владѣетъ сообща не одной, а нѣсколькими женами, эти жены не должны быть обязательно сестрами между собою; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ братская поліандрія не мѣшаетъ ребенку называть только одного изъ мужей матери отцомъ, а остальныхъ—дядями. Что братская поліандрія такихъ народовъ, какъ Тода, отнюдь не вполнѣ совпадаетъ съ обычными представленіями о групповомъ бракѣ, видно хотя бы по примѣру Риверса, который, будучи самъ сторонникомъ теоріи группового брака, называетъ брачную систему Тода не групповымъ бракомъ, а „состояніемъ комбинированной поліандріи и полигиніи" [1]).

Въ заключеніе повторю вкратцѣ главныя положенія своей статьи:

1) Теорія группового брака, какъ особой стадіи развитія семейныхъ отношеній, пройденной большинствомъ или даже всѣми племенами земного шара, выставленная впервые Морганомъ и до сихъ поръ находящая себѣ сторонниковъ, была и остается основанной главнымъ образомъ на анализѣ классифицирующихъ системъ родства.

2) Послѣдователи Моргана, продолжая идти намѣченнымъ имъ путемъ, не подвинули впередъ дѣла обоснованія этой теоріи. Воссоздавая на основаніи новыхъ системъ родства новыя формы группового брака, они не умѣли поставить ихъ въ генетическую связь между собою и съ формами, предположенными самимъ Морганомъ; они, далѣе, не дали полнаго анализа всѣхъ извѣстныхъ нынѣ системъ родства и, наконецъ, они не могли устранить тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыя заключаются въ моргановскомъ способѣ истолкованія системъ родства и которыя прежде всего сводятся къ невозможности объяснить переходъ названія „мать" на сестеръ матери тѣми же соображеніями, какими Морганъ объясняетъ примѣненіе названія „отецъ" къ братьямъ отца.

3) Въ этнографіи извѣстно нѣсколько типовъ брачныхъ отношеній, которые можно было бы назвать групповымъ бракомъ, но только въ смыслѣ возможности одновременнаго сожительства мужчины съ нѣсколькими женщинами и женщины съ нѣсколькими

---

[1]) *W. H. R. Rivers,* The Todas, p. 519.

мужчинами. Типы эти слѣдующіе: a) отношенія pirrauru у нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ; b) перемѣнный бракъ Чукочъ и близкій къ нему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ институтъ половинщиковъ въ сѣверо-западной Америкѣ; c) брачная система Наировъ; d) братская поліандрія Тибета и Индіи.

4) Всѣ эти четыре типа совершенно независимы другъ отъ друга, имѣютъ мало внутренняго сходства между собою и не могутъ быть поставлены въ генетическую или какую-либо другую связь. Сверхъ того каждый изъ нихъ представляетъ чисто мѣстное явленіе, ограниченное только извѣстною культурною областью, хотя бы и включающею въ себя, какъ въ случаѣ съ братской поліандріей, довольно много отдѣльныхъ племенъ.

5) Ни одинъ изъ этихъ типовъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ тѣмъ формамъ группового брака, которыя выводились изъ системъ родства; ближе другихъ къ этимъ формамъ подходитъ братская поліандрія, во всѣхъ же остальныхъ типахъ группа мужей не состоитъ изъ братьевъ, а группа женъ не состоитъ изъ сестеръ.

6) Между этими типами и системами родства, дѣйствующими у соотвѣтственныхъ народовъ, нѣтъ соотвѣтствія, предполагаемаго точкой зрѣнія Моргана.

7) Относительно большинства этихъ типовъ можно съ увѣренностью сказать, что они возникли во всякомъ случаѣ позже установленія индивидуальнаго брака, а не являются остатками болѣе ранней организаціи.

8) Въ виду всего этого данные фактическіе примѣры многомужства, соединеннаго съ многоженствомъ, не имѣютъ никакого отношенія къ моргановской теоріи группового брака и ни въ какомъ смыслѣ не являются подтвержденіемъ этой теоріи.

9) Всѣ перечисленные выше типы, какъ чисто мѣстныя явленія, объясняются каждый своими особыми причинами, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать хотя бы въ прошломъ существованіе ихъ внѣ тѣхъ предѣловъ, гдѣ такое существованіе доказано непосредственнымъ наблюденіемъ.

10) Теорія группового брака какъ особой стадіи развитія, свойственной если не всѣмъ племенамъ, то, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ нихъ, которыя придерживаются классифицирующихъ системъ родства, не имѣетъ подъ собой научной почвы.

А. Максимовъ.

Къ былинѣ о Козаринѣ.

Названный въ заглавіи богатырь является дѣйствующимъ лицомъ лишь въ одномъ былинномъ сюжетѣ—избавленіи братомъ сестры изъ татарскаго плѣна,—записанномъ особенно въ послѣдніе годы въ значительномъ числѣ варіантовъ[1]). Замѣчательно, однако, что, по неизвѣстной причинѣ, богатырь Михайла Козарянинъ совершенно чуждъ Олонецкому былинному району. Былина о немъ была извѣстна въ западной Сибири, встрѣтилась однажды въ Донской области, а въ недавнее время оказалась въ значительномъ числѣ варіантовъ въ Архангельской губерніи. Ранѣе послѣднихъ развѣдокъ въ этой губерніи г.г. Маркова, Григорьева, Ончукова и Богословскаго намъ былъ извѣстенъ варіантъ сибирскій въ сборникѣ Кирши Данилова, другой сибирскій (барнаульскій) въ записи Гуляева и небольшая пѣсня изъ Донской области въ сборникѣ Пивоварова. Все остальное количество записей (26 №№-овъ) дала Архангельская губернія.

Просмотръ всѣхъ записей немедленно убѣждаетъ насъ въ томъ, что наибольшую цѣнность между ними представляетъ варіантъ Кирши Данилова и что онъ долженъ быть положенъ въ основу при возможномъ отвѣтѣ на вопросы, вызываемые былиной. Онъ отличается большей выдержанностью разсказа, архаичностью

[1]) Кирша Даниловъ № XXI (изд. Шефера. стр. 84); Былины старой и нов. записи II стр. 149; Марковъ—Бѣломор. былины стр. 109, 114, 518, 547; Ончуковъ—Печорскія былины стр. 177—180; 174—381; Григорьевъ—Арханг. былины №№ 25, 56, 60, 70, 76, 84, 89, 148, 157, 204, 205, 328, 347, 357, 380 (послѣднія три печатаются); Пивоваровъ—Донскія пѣсни 15. Сверхъ перечисленныхъ я еще пользовался *пятью* архангельскими варіантами, записанными гг. Марковымъ и Богословскимъ и имѣющимъ войти въ печатающійся т. III Трудовъ Музыкальной комиссіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. Послѣдніе буду обозначать буквами М. К. (муз. комиссія).

эпическаго стиля, отголоскомъ старинной эпической традиціи и, наконецъ, только въ немъ одномъ добрый молодецъ Михайла Козаренинъ прикрѣпленъ къ Кіевскому циклу. Напомнимъ содержаніе и нѣкоторыя детали этого варіанта, чтобы затѣмъ сравнить его съ прочими.

Изъ Волынца города, изъ Галичья выѣзжаетъ добрый молодецъ Михайло Козаренинъ на дивномъ конѣ и въ роскошныхъ доспѣхахъ: „куякъ и панцырь чиста серебра, а колчюга на немъ красна золота, а куяку и панцырю цена стоитъ на сто тысячей, а колчюга на немъ красна золота, колчюги цена сорокъ тысячей, шеломъ на буйной голове замычетца, шелому цена три тысячи, копье въ рукахъ марзамецкая, какъ свеча горитъ, ко левой бедре припоясана сабля вострая, в долину сабля сажень печатная, в ширину сабля осьми вершковъ, еще с нимъ тугой лукъ разрывчетой, а цена тому луку три тысячи: потому цена лука три тысячи, полосы были булатныя, а жилы слоны сохатная, а рога красна золота, а титивочка шелковая, белова шолку шимаханскова, и колчанъ с нимъ каленыхъ стрелъ, а во колчане было полтораста стрелъ, всякая стрела по пяти рублевъ, а конь под ним какъ лютой звѣрь, цены коню сметы нетъ; почему коню цены сметы нетъ? потому ему цены сметы нетъ: за реку броду онъ не спрашиваетъ, онъ скачетъ конь з берегу на берегъ, котора рѣка шириною пятнадцать верстъ.“ Въ такомъ парадномъ видѣ молодецъ ѣдетъ „ко городу Киеву, что ко ласкову князю Владимеру, чюдотворцомъ в Киеве молитися, и Владимеру князю поклонитися, послужить верою и правдою, по заочью князю неизменою“. По пріѣздѣ молодца въ Кіевъ кн. Владимиръ дѣлаетъ ему обычные эпическіе вопросы и подноситъ „чару зелена вина и турей рогъ меду сладкова в полтретья ведра“. Затѣмъ князь даетъ ему порученье съѣздить къ морю синему и настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей и сѣрыхъ малыхъ уточекъ для княженецкаго стола. Михайло Козаренинъ Петровичъ исполнилъ порученіе, настрѣлялъ столько дичи, что обвязалъ ею своего коня „по могучимъ плечамъ до сырой земли“ и поѣхалъ въ обратный путь къ Кіеву. По дорогѣ онъ видитъ на кряковистомъ дубу среди поля чернаго ворона: „с ноги на ногу переступываетъ, онъ правильна перушка поправливаетъ, а и ноги, носъ что огонь горятъ“. „Сколько не полю езживалъ, по *его государевой вотчине*, говоритъ, увидя дивнаго

ворона, Козаренинъ, „такова чюда не наезживалъ“. Онъ хочетъ застрѣлить ворона, при чемъ слагатель даетъ красивую эпическую картину стрѣлянія: „а и тугой лукъ свой потягиваетъ, калену стрѣлу поправливаетъ, и потянулъ свой тугой лукъ за ухо, калену стрѣлу семи четвертей; и завыли рога у туга лука, заскрыпели полосы булатныя“. Тутъ воронъ провѣщился человѣческимъ голосомъ, что нѣтъ молодцу корысти его убить и что лучше ему найти богатырскую добычу въ полѣ, гдѣ онъ увидитъ три бѣла шатра: тамъ стоитъ бесѣда „дорогъ рыбей зубъ“, на ней сидятъ три татарина, а передъ ними ходитъ красна дѣвица, русская полоняночка. Получивъ такія свѣдѣнія отъ ворона, Козаренинъ немедленно отправляется на поиски и пріѣзжаетъ на указанное мѣсто. Все оказалось такъ, какъ сказалъ воронъ. Онъ увидѣлъ съ горы шатры, татаръ и дѣвицу, которая плачетъ по своей русой косѣ: „О злосчастная моя буйна голова, горе горькая моя руса коса, а вечёръ тебе матушка расчесовала, расчесала матушка, заплетала, я сама девица знаю-ведаю, росплетать будетъ моя руса коса тремъ татарамъ наездникомъ“. Одинъ татаринъ утѣшаетъ ее говоря, что если она достанется ему по раздѣлу, то онъ отдастъ ее за любимаго сына: „за мирнова сына в Золотой орде“. Услыхавъ эти рѣчи, Михайла Козаренинъ „напущается“ на татаръ: одного закалываетъ копьемъ, другого топчетъ конемъ, третьяго ударяетъ до смерти о земь. Затѣмъ онъ ведетъ дѣвицу въ шатеръ для извѣстной цѣли. Полоняночка съ плачемъ укоряетъ его, что онъ не спросилъ ея дѣдины-отчины, и разсказываетъ, что она — дочь гостиная изъ Волынца изъ Галичья молода Маркa Петровна и что она была увезена вчера тремя татарами, когда гуляла съ матушкой въ своемъ зеленомъ саду. Открывъ въ дѣвицѣ свою родную сестру, Козаренинъ наполняетъ переметныя сумы златомъ-серебромъ татарскимъ, захватываетъ даже „беседу дорогъ рыбей зубъ“ и татарскихъ коней и со всѣмъ этимъ скарбомъ ѣдетъ вмѣстѣ съ сестрой въ Кіевъ. Узнавъ о его пріѣздѣ съ богатой добычей, кн. Владимиръ „сталъ о томъ светелъ радошенъ, наливалъ чару зелена вина в полтора ведра, и турей рогъ меду сладкова в полтретья ведра, подносилъ Михаилу Козарину. Затѣмъ князь велѣлъ обрать птицъ съ коня, снести сумки въ свѣтлыя гридни, взялъ себѣ и бесѣду дорогъ рыбій зубъ, а коней приказалъ поставить по стойламъ.

Былина кончается слѣдующимъ заявленіемъ кн. Владимира: „Гой еси ты удача доброй молодецъ, молоды Михаила Козаренинъ, а Казаренинъ душа Петровичъ младъ: у менѣ есть триста жеребцовъ и три любимы жеребца, а нетъ такова единова жеребца. Исполать тебе, добру молодцу, что служишъ князю верою и правдою".

Прежде чѣмъ сопоставить изложенный варіантъ съ другими, сдѣлаемъ о немъ нѣкоторыя замѣчанія.

1. Выѣздъ Козаренина изъ Волынца Галичья не только напоминаетъ выѣздъ Дюка, но представляетъ какъ бы копію съ него или его повтореніе, что̀ представляется особенно яркимъ, если мы припомнимъ описаніе выѣзда и снаряженіе Дюка въ былинѣ того же сборника Кирши Данилова.

Боярскій сынъ удача добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ выѣзжаетъ изъ славна Волынца красна Галичья, „ис тое Корелы богатыя" на дивномъ конѣ; на мо̀лодцѣ „куяку и панцырю цена лежитъ три тысячи, колчюгѣ сорокъ тысячей, а коню пять тысячей, потому что за рѣку онъ броду не спрашиваетъ, „котора река цела верста пятисотная, онъ скачетъ з берегу на берегъ". Затѣмъ оцѣнивается дюковъ лукъ съ серебряными полосами, рогами красна золота и шелковой тетивой, его колчанъ и стрѣлы (каждая въ десять рублей, а116 тремъ стрѣламъ цѣны нѣтъ) еще съ большими деталями, чѣмъ тѣ же аттрибуты Казарина. Подобно Казарину Дюкъ настрѣлялъ (но безъ порученія Владимира) гусей, лебедей и утокъ и ѣдетъ въ городъ Кіевъ. Такимъ образомъ между обѣими былинами замѣчается тѣсное соотношеніе въ началѣ или, точнѣе, въ части, предшествующей прибытію обоихъ добрыхъ мо̀лодцевъ въ Кіевъ.

2. Если въ былинѣ о Дюкѣ въ сборникѣ Кирши Данилова не упоминается вѣщій воронъ, какъ въ былинѣ о Козаринѣ, то въ нѣкоторыхъ олонецкихъ варіантахъ мы встрѣчаемъ ворона въ указанной роли. Такъ въ двухъ варіантахъ Рыбникова и одномъ Гильфердинга вѣщій воронъ указываетъ Дюку на супротивника въ полѣ, которымъ оказывается Илья Муромецъ[1]); въ одномъ варіантѣ Гильфердинга вѣщій воронъ совѣтуетъ Дюку ѣхать въ

[1]) Рыбниковъ т. I № 47 стр. 274; т. II № 30 стр. 101. Гильфердингъ № 212 (III 129).

Кіевъ состязаться съ кіевскими богатырями[1]). Отмѣтимъ кстати, что черный воронъ, помимо былинъ о Дюкѣ и Козаринѣ, играетъ такую же роль въ былинахъ „Королевичи изъ Крякова"[2]), которыя, какъ увидимъ, по близости сюжета оказали вліяніе на нѣкоторые варіанты былинъ о Козаринѣ.

3. Хорошая эпическая традиція видна въ художественномъ описаніи пріемовъ стрѣлянія Козарина, одной изъ лучшихъ художественныхъ картинокъ нашего эпоса, созданныхъ, какъ всѣ описанія вооруженія нашихъ богатырей, въ XVI вѣкѣ и вошедшихъ въ оборотъ у былинныхъ слагателей.

4. Можно отмѣтить и нѣкоторые слѣды времени киршевской редакціи былины, свидѣтельствующія повидимому о московскомъ періодѣ: князь Владиміръ иногда называется *великимъ*[3]); земли, по которымъ ѣздитъ Козаринъ, называются *государевой вотчиной*, слагатель знаетъ придворныхъ *чашниковъ* и *стольниковъ*, порученье настрѣлять для стола княженецкаго гусей-лебедей называется *службой*, за которую князь обѣщаетъ молодца *жаловать*.

5. Интересны и нѣкоторыя черты хозяйственности и запасливости великаго князя, напоминающія типы московскихъ великихъ князей „собирателей". Князь Владиміръ по пріѣздѣ Козарина съ добычей, какъ хорошій хозяинъ, распоряжается обрать птицъ съ добра коня, перенести сумы сыромятныя съ золотомъ и серебромъ въ гридни, забираетъ и „бесѣду дорогъ рыбій зубъ", и татарскихъ коней, которыхъ велитъ поставить въ стойла. Очевидно на добытую Козариномъ добычу великій князь смотритъ, какъ на свою собственность и, не стѣсняясь, спѣшитъ все припрятать.

6. Какая-то былинная традиція слышится и въ томъ, что Владиміръ богатъ конями, что у него, по его словамъ, на конюшняхъ триста жеребцовъ и три любимыхъ. Однако приведенный Козариномъ конь оказался лучше этихъ трехъ любимыхъ, и великій князь за доставку такого коня благодаритъ особенно молодца и называетъ ее службою *вѣрой и правдою*. Здѣсь сама собою припоминается былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, также

---

[1]) Гильфердингъ № 20 (I стр. 172).

[2]) См. Гильфердингъ №№ 87 (-Рыбн. I, 72), 136, 147, 182.

[3]) Походилъ (онъ) во гридню во светлую, ко *великому* князю Владиміру. К. Даниловъ стр. 85. Михайла Козаренинъ *великова* князя не ослушался (стр. 86).

упоминающая трехъ „похваленыхъ" жеребцовъ князя Владимира. Въ одной замѣткѣ я пытался привести эту традицію о коняхъ Владимира въ связь съ однимъ, упоминаемымъ лѣтописью, памятникомъ искусства, съ бронзовыми конями, вывезенными изъ Корсуня Владимиромъ святымъ и поставленными имъ въ Кіевѣ[1]). Но въ настоящее время мнѣ кажется, что былинная традиція о коняхъ Владимира находится скорѣе въ связи съ преданіемъ, ходившимъ въ Московскія времена, въ XVI и XVII вв., о конѣ Владимира Мономаха и занесеннымъ Петреемъ въ его исторію о Великомъ княжествѣ Московскомъ. Напомнимъ это любопытное преданіе[2]): „Русскіе сказываютъ также, что у этого Володимира Мономаха былъ конь, происходившій отъ лошади Александра Великаго Букефала, коровья голова: на лбу имѣлъ пятно и былъ особеннаго цвѣта, съ черными полосами на спинѣ и хвосту; когда было надѣнутъ на него конскій уборъ и снарядятъ совсѣмъ на войну, онъ никому не давалъ на себѣ ѣздить, кромѣ князя, да еще конюха, который ходилъ за нимъ, однакожъ соблюдалъ при томъ такую разницу, что когда садился на него слуга, онъ ходилъ дурно, медленно, некрасиво, повѣсивъ уши и голову, точно какой лѣнивый оселъ; когда же нарядятъ его въ пышное сѣдло, сбрую, и онъ замѣтитъ, что поѣдетъ самъ князь, тотчасъ пріосанивался, поднималъ голову и уши, билъ копытами въ землю, ржалъ и храпѣлъ ртомъ и носомъ до того, что всѣ пугались. Если князь стегалъ его немного кнутомъ и начиналъ уговаривать, онъ красиво рисовался, кидался изъ стороны въ сторону, дѣлалъ скачекъ за скачкомъ, какъ молнія, подлеталъ къ своему ѣздоку, огрызался, лягался на удивленіе всѣмъ. У него была еще и такая повадка, что всегда хотѣлъ стоять въ конюшнѣ на самомъ верхнемъ мѣстѣ, и тамъ позволялъ управляться съ собою какъ съ ягненкомъ. Если же поставятъ его на другомъ мѣстѣ, онъ перерывалъ пополамъ узду и поводья, прибѣгалъ на главное мѣсто, и когда тамъ стояла другая лошадь, кусалъ ее до тѣхъ поръ и не успокаивался, пока не дадутъ ему этого мѣста". Мнѣ кажется, что это описаніе коня

---

1) См. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ XI. Кони князя Владимира. Этногр. Обозрѣніе, кн. XV 1892 г. стр. 131—134.

2) Петрей—Исторія о В. Княжествѣ Московскомъ, переводъ Шемякина стр. 103—104.

Владимира Мономаха даетъ матеріалъ для изображенія повадки коня Ивана Гостинаго, котораго, по одному варіанту, этотъ молодецъ подарилъ, хотя неудачно, кн. Владиміру, и стоитъ въ какой-то связи съ отрывочными намеками былины о Козаринѣ на чудесныхъ коней кн. Владимира. Преданіе, связанное съ Владиміромъ Мономахомъ, въ этомъ случаѣ, какъ въ былинѣ о Ставрѣ, было перенесено эпосомъ на былиннаго князя Владимира.

Отмѣтивъ нѣкоторыя черты хорошей былинной традиціи въ варіантѣ Кирши Данилова, перейдемъ къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ другихъ варіантовъ.

Всего ближе къ разсмотрѣнному стоитъ другой сибирскій варіантъ Гуляева[1]). Въ немъ также молодой Михайло сынъ Козарянинъ выѣзжаетъ изъ Волынца, изъ Корелы богатой (замѣняющей, какъ извѣстно, Индію богатую въ нѣкоторыхъ записяхъ былины о Дюкѣ). Такъ же, хотя менѣе подробно, описывается вооруженіе Козарянина, особенно его дорогія триста стрѣлъ. Далѣе идетъ встрѣча съ вѣщимъ ворономъ, указаніе имъ шатра, татаръ и дѣвицы въ полѣ, плачъ дѣвицы, обѣщанія трехъ татаръ и убіеніе ихъ Козаряниномъ. Болѣе подробно описываются попытки Козарянина вступить въ связь съ дѣвицей. Затѣмъ слѣдуетъ узнаніе: дѣвица оказывается дочерью „Козары попа церкви соборныя" (вліяніе былины объ Алешѣ, сынѣ попа ростовскаго) и молодецъ называетъ ее своей сестрой Настасьей Казариной. Сказатель былины, или его источникъ, сдѣлалъ попытку объяснить необычное имя молодца и счелъ его отчествомъ, почему обычное въ варіантахъ отчество Казарина *Петровичъ* уже не понадобилось. Былина кончается пріѣздомъ брата съ вырученною сестрою въ Волынецъ къ дому Козары попа соборнаго и встрѣчей пріѣхавшихъ ихъ матерью. При сравненіи содержанія и деталей этого варіанта съ киршевскимъ мы убѣждаемся, что въ первомъ былинная эпическая традиція уже значительно потускнѣла, что и можно было ожидать. Варіантъ Кирши отзывается еще XVII или XVIII вѣкомъ: варіантъ Гуляева былъ записанъ близъ Барнаула въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Если уже въ гуляевскомъ, вообще наиболѣе близкомъ къ киршевскому, варіантѣ замѣчается потускнѣніе традиціи, то еще въ

---

[1]) Тихонрав. Миллеръ II № 41 стр. 146—153.

большей степени замѣчается этотъ процессъ въ 26 архангельскихъ варіантахъ, записанныхъ на рубежѣ XX-го столѣтія или въ самомъ его началѣ. Продолжая до нашихъ дней жить въ крестьянской земледѣльческой средѣ, былина о Козаринѣ съ одной стороны понесла существенныя утраты въ эпической традиціи, съ другой пріобрѣла въ самомъ содержаніи позднѣйшіе наросты, свидѣтельствующіе о томъ, что еще въ прошломъ столѣтіи былины въ Архангельской губерніи продолжали своеобразно развиваться подобно занесеннымъ въ ту же губернію московскимъ историческимъ пѣснямъ. Не останавливаясь подробно на анализѣ всѣхъ варіантовъ (что̀ для нашей цѣли и не нужно), отмѣтимъ сначала утраты, а затѣмъ новопріобрѣтенія, замѣчаемыя въ архангельскихъ варіантахъ. Болѣе подробное разсмотрѣніе варіантовъ и выдѣленіе мотивовъ, вошедшихъ въ сложную былину, см. въ обстоятельной статьѣ А. С. Якубъ: „Къ былинѣ о Михаилѣ Козаринѣ“ въ Этногр. Обозрѣніи 1906 г. Кн. LXV—LXVI, стр. 96—127. Авторъ насчитываетъ до 10 редакцій былины.

1. Выѣздъ Козарина изъ Волынца-Галичья (т. е. изъ Галича Волынскаго) уже забытъ. Въ варіантахъ, гдѣ еще упоминается мѣсторожденіе Козарина, встрѣчается Флоринскій городъ [1]), Черниговъ [2]), Церниловъ [3]), Карамышовъ [4]), даже Кіевъ [5]), но чаще родина Козарина остается неопредѣленной. Только въ одномъ варіантѣ г. Григорьева [6]) Козаренинъ родится въ городѣ Галицынѣ, въ чемъ можно видѣть указаніе на то, что когда то и въ Архангельской губерніи было извѣстно, но впослѣдствіи забыто, галицкое происхожденіе Козарина.

2. Своеобразная судьба постигла имя героя. У Кирши Данилова, какъ мы видѣли, добрый молодецъ называется полнымъ именемъ Михайла Козаринъ Петровичъ. Слѣды этого имени, въ которомъ *Козаринъ* является какъ бы прозвищемъ, замѣчаются въ разнообразномъ сочетаніи въ архангельскихъ варіантахъ. Иногда молодецъ называется Козариномъ Петровичемъ, безъ личнаго име-

---

1) Григорьевъ № 56.
2) Григорьевъ №№ 60.
3) Григорьевъ № 249.
4) Ончуковъ № 93 стр. 374.
5) Муз. К. № 72 (печатается).
6) Григорьевъ № 89.

ни Михаила [1]), иногда Михайлушкой безъ отчества [2]), иногда Козарушкой Петровичемъ [3]), иногда Михайлушкой Козаренцемъ [4]), иногда Михайломъ Петровичемъ безъ упоминанія прозвища Козарина [5]), иногда Козарушкой Өедоровичемъ [6]), иногда Иванушкой Козаревицемъ [7]). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ роль избавителя сестры играетъ уже просто безыменный удалый молодецъ [8]). Въ одномъ онъ названъ Василіемъ Карамышемъ [9]). Одинъ сказатель, или его источникъ, затруднившись старымъ былиннымъ прозвищемъ Козаренина, постарался даже пуститься въ этимологію. Мальчика Михайлушка, нелюбимаго отцомъ и матерью, отдали на кормленіе бабушкѣ задворенкѣ:

„А поила его бабушка задворёнка
Его тѣмъ молоцькомъ да всё козловыемъ:
Ишша прозвали Михайлушка Козарениномъ“ [10])

3. Меньше значенія, въ смыслѣ забвенія традиціи, имѣетъ имя сестры Козарина, такъ какъ оно едва ли было прочно установлено: въ былинѣ Кирши Данилова она называется Мареой, въ гуляевскомъ варіантѣ Настатьей, въ архангельскихъ иногда Мареой [11]), иногда Аннушкой [12]), иногда Еленой [13]), иногда Настасьей [14]), иногда Елисафіей [15]). Въ одномъ варіантѣ подъ вліяніемъ сказанія объ Андреѣ Критскомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Григорьевъ, дѣвица, не называя себя по имени, говоритъ только,

---

1) Григорьевъ №№ 25, 318, 70, 56, 249, 148, 89, 328; М. К. №№ 27 и 72 (печатаются).

2) Григорьевъ № 84.

3) Григорьевъ № 357. Марковъ №№ 16, 162, 116.

4) Ончуковъ № 39.

5) Марковъ № 17, Ончуковъ № 93; М. К. (вар. изъ сел. Поной Терск. берега Бѣлаго моря).

6) Григорьевъ № 347.

7) Неизд. былина г. Григорьева „Иванушко Козаревицъ“.

8) Григорьевъ №№ 157, 187, 204, 205.

9) Григорьевъ № 380 (печатается).

10) Григорьевъ № 89 (стр. 277).

11) Григорьевъ № 148. Марковъ № 162.

12) Григорьевъ № 89.

13) Григорьевъ № 347.

14) Марковъ №№ 16, 17.

15) Григорьевъ № 25.

что она „земли Критское, роду-племени богатырскаго“ [1]). Въ остальныхъ архангельскихъ варіантахъ, т. е. въ большинствѣ, не сохранилось вовсе личное имя сестры Козарина, что вмѣстѣ съ отсутствіемъ личнаго имени брата (въ нѣкоторыхъ варіантахъ) свидѣтельствуетъ о значительной порчѣ традиціи.

4. Вѣщій воронъ, несомнѣнно занимавшій свое мѣсто на дубу въ старинномъ изводѣ былины, уже улетѣлъ изъ нѣкоторыхъ варіантовъ [2]), сохранившись только въ половинѣ ихъ числа.

Утративъ нѣкоторыя перечисленныя черты старинной традиціи, былина о Козаринѣ однако продолжала развиваться въ Архангельской губерніи и въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній слагателей нагуляла нѣкоторыя своеобразныя подробности, осложняющія первоначальный довольно краткій разсказъ.

Такъ, нѣкоторые слагатели заинтересовались родителями Козарина и его жизнью раньше выѣзда его въ чистое поле, на что они не находили отвѣтовъ въ былинѣ. Имя отца было дано уже въ отчествѣ Козарина—Петровичъ: оставалось этому лицу дать фамилію и званіе. Нѣкоторые сказатели назвали его Петромъ Коромысловымъ, именемъ, въ которомъ нетрудно угадать искаженіе исторической фамиліи Карамышевыхъ, встрѣчающихся и въ историческихъ пѣсняхъ, и въ былинахъ. Князь Карамышевъ является защитникомъ Пскова отъ Баторія въ извѣстной пѣснѣ [3]); олонецкія былины знаютъ князя Ивана Карамышевскаго, убитаго разбойникомъ Ильей [4]), и его сына Василія, отомстившаго за смерть отца; Семена барина Карамышецкаго, предлагающаго кн. Владимиру послать Добрыню на борьбу съ змѣей [5]), Ивана Карамышовича, меньшого боярина, въ такой же роли [6]), Семена Константиновича Карамышева, государева посла, убитаго Ермакомъ. [7])

Одни сказатели сдѣлали Петра Коромыслова очень высокимъ лицомъ—королемъ и называютъ его дочь Настасью „королевись-

---

[1]) Григорьевъ № 205 и примѣч. на стр. 597.

[2]) Григорьевъ №№ 157, 187, 204, 328, 25, 205. Ончуковъ №№ 39, 93. Марковъ №№ 16, 17, 116, 162.

[3]) Кирѣевскій. Вып. VI стр. 187—190.

[4]) Гильфердингъ I, 127—135.

[5]) Гильдефердингъ I, 445.

[6]) Гильфердингъ I, 481.

[7]) Гильфердингъ III, 30.

ней" [1]). Большинство ограничилось купецкимъ званіемъ и называютъ Петра Коромыслова торговымъ гостемъ [2]). Одинъ сказатель ухитрился одновременно назвать отца Козаринова „княземъ, бояриномъ и гостемъ торговымъ" [3]), удовлетворяя разнымъ вкусамъ. Въ одномъ варіантѣ Петръ Коромысловицъ низведенъ уже въ крестьянское званіе: онъ живетъ въ деревенькѣ совсѣмъ неважно:

Да избёнка у Петра вся пошаталасе,
Ставники-ти у ёго вси покосилисе [4]).

Въ большинствѣ болѣе полныхъ варіантовъ изображаются отношенія родителей Козарина къ сыну. Оказывается, что „на роду Козарушку попортили", родители его не взлюбили и отказались отъ него. Иногда онъ все же остается у родителей, хотя содержится въ черномъ тѣлѣ, иногда его отдаютъ на воспитанье какой то бабушкѣ-задворенкѣ [5]), иногда новорожденнаго ребенка воспитываетъ тайно отъ отца его старшая сестра, та самая, которую онъ впослѣдствіи выручаетъ изъ татарскаго плѣна и неузнаетъ [6]). Нѣкоторые варіанты подъ воздѣйствіемъ пѣсни о девяти братьяхъ разбойникахъ и сестрѣ дали Петру Коромыслову девять сыновъ и нелюбимаго десятаго сына Козарушку:

Отецъ ёго, мать не возлюбили;
Родны братьича его невозненавидѣли;
Да хотѣли Козарушку всё конёмъ стоптать,
Да хотѣли Козарушку всё копьёмъ сколоть;
Понесли-то Козарина всё свиньямъ отдать.

Но сестра Настасья королевисьна отнимаетъ его у нянюшекъ, бабушекъ и спасаетъ его [7]). Въ варіантѣ Ончукова (№ 39) двумя братьями испорченнаго Михайлушки Козаренца оказываются „Матвѣй и Лука дѣти Петровици", прихваченные сказателемъ изъ перечня богатырей на богатырской заставѣ [8]). Въ варіантахъ,

---

[1]) Марковъ №№ 16, 17; въ вар. М. К. № 72 онъ названъ *царемъ*; въ № 19 *князем*ъ.

[2]) Ончуковъ № 93; Григорьевъ №№ 56, 60, 76, 89, 328. Въ № 347 отецъ Козарушка Черниговскій купецъ Өедоръ.

[3]) Григорьевъ № 148.

[4]) Марковъ № 102.

[5]) Григорьевъ №№ 84, 89. Марковъ № 162, 116. Ончуковъ № 39.

[6]) Марковъ №№ 16, 17.

[7]) Марковъ № 16, стр. 110; М. К. изъ села Поной, а также въ № 72.

[8]) Ончуковъ—Печорск. былины № 39 срв. № 1 (Богатырская застава стр. 6).

гдѣ Козаринъ воспитывается у бабушки задворенки или у сестры, расказывается кое-что изъ его дѣтства, при чемъ вездѣ находимъ знакомые мотивы, взятые изъ эпическаго „склада“. Мальчикъ просится на улицу играть съ дѣтьми: его спрашиваютъ объ отцѣ и дразнятъ. Онъ шутитъ богатырскія шуточки—рветъ руки и ноги у мальчиковъ. Иногда на него жалуются его отцу королю, который отъ него отказывается [1]). Узнавъ о своемъ происхожденіи отъ бабушки или отъ сестры, Козаринъ старается добыть себѣ коня и сбрую богатырскую. Иногда онъ беретъ коня въ отцовской конюшнѣ и уѣзжаетъ въ поле, иногда приплетенъ мотивъ выбора коня посредствомъ наложенія руки [2]), иногда мотивъ добыванія коня въ подземельѣ [3]). Въ двухъ варіантахъ появился мотивъ о встрѣчѣ богатыря съ идолищемъ: когда Козара идетъ безъ коня и оружія по чистому полю, ему встрѣтилось чудо чудное съ носомъ, какъ палка дровокольная, съ глазами, какъ пивныя чаши, и спрашиваетъ, не знаетъ ли онъ Козары Петровича—сколь онъ великъ, сколь широкъ, и многоль къ выти хлѣба ѣстъ. Послѣ обычныхъ отвѣтовъ и боя, Козарушка убиваетъ чудище, завладѣваетъ его конемъ, оружіемъ и благодаритъ Бога [4]). Нѣкоторые варіанты, отправивъ Козарина въ чистое поле, иногда на 20 лѣтъ, говорятъ затѣмъ о похищеніи его сестры (по одному варіанту [5]) родившейся уже послѣ его отъѣзда) тремя татарами. Вторая часть въ лучшихъ архангельскихъ варіантахъ довольно близка по содержанію съ обѣими сибирскими былинами: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вѣщій воронъ на дубу сообщаетъ Козарину о трехъ татарахъ и русской дѣвицѣ-полонянкѣ. Козаринъ подслушиваетъ плачъ дѣвицы о русой косѣ и обѣщанія трехъ татаръ. Онъ убиваетъ всѣхъ трехъ, иногда двухъ, а третьяго отпускаетъ на волю, такъ какъ онъ утѣшалъ полонянку и обѣщалъ содержать ее хорошо [6]) или даже отпустить ее на волю [7]). Далѣе слѣдуютъ разспросы полонянки и обнаруженіе въ ней сестры Козарина.

---

1) Марковъ № 16.
2) Неизд. былина Григорьева „Иванушко Козаревиць; Ончуковъ № 39.
3) Ончуковъ № 93 стр. 376.
4) Марковъ № 110; вар. М. К. изъ с. Поной Терскаго берега Бѣлаго моря.
5) Григорьевъ № 328.
6) Григорьевъ №№ 89. Марковъ № 17.
7) Григорьевъ № 357.

Въ одномъ варіантѣ Ончукова (№ 93) Михайлушка, не разспросивъ дѣвицу, спитъ съ ней три дня и, узнавъ о грѣхѣ, идетъ каяться въ монастырь (вліяніе пѣсни о братьяхъ разбойникахъ и сестрѣ). Въ окончаніи нѣкоторые варіанты расходятся съ сибирскими, такъ какъ ввели мотивъ о непріязненныхъ отношеніяхъ родителей Козарина къ нему. Здѣсь можно различать два исхода—съ примиреніемъ и безъ примиренія. Въ варіантахъ съ первымъ исходомъ Козаринъ, приведя сестру къ королю отцу, спрашиваетъ его, былъ ли у него еще сынъ Михайлушка Петровичъ. Король отвѣчаетъ отрицательно и обѣщаетъ обсыпать золотомъ воткнутое въ землю копье, если Козаринъ отдастъ ему любимую дочь. Козаринъ отказывается, требуя признанія себя сыномъ, и вынужденный король не только признаетъ его, но обѣщается оставить ему королевство [1]). Иногда отецъ признаетъ сына и безъ принужденія [2]). Въ варіантахъ со вторымъ исходомъ, иногда самъ Козаринъ не хочетъ видѣть родителей и, оставивъ имъ сестру, возвращается въ поле [3]). Въ одномъ варіантѣ онъ обнаруживаетъ жадность, требуетъ, чтобы его саблю обсыпали золотомъ, и только тогда отдаетъ родителямъ сестру, а самъ уѣзжаетъ къ вскормившей его бабушкѣ [4]). Въ другомъ—чувствуется вліяніе былины о нахожденіи братомъ увезеннаго татарами брата („Королевичи изъ Крякова"). Когда Михайлушка Козаренинъ пріѣхалъ съ выручённой сестрою Аннушкой въ городъ Галицинъ къ отцу, богатому купцу Петру, тотъ обрадовался возвращенной дочкѣ, а „на Михайлушка батюшко оцьми не звёлъ". Аннушка передаетъ брату узнанное отъ отца извѣстіе, что недавно у отца татары увезли меньшого сына Иванушка. Михайлушка разыскалъ въ полѣ татаръ, избилъ ихъ, взялъ богатую добычу и съ младшимъ братомъ снова пріѣзжаетъ къ отцу. Но отецъ и тутъ оказывается непримиримымъ, радуется возвращенію младшаго сына и не смотритъ на Михайлушку, который, отъѣзжая, говоритъ: „не въ первой я зашелъ, да въ послѣдній къ вамъ" [5]).

Таково содержаніе наиболѣе полныхъ архангельскихъ варіан-

1) Марковъ № 17.
2) Марковъ №№ 16, 102.
3) Григорьевъ № 56, 76, 84.
4) Марковъ № 110.
5) Григорьевъ № 89 стр. 280.

товъ былины о Козаринѣ. Въ краткихъ—былинныя черты еще болѣе стерты; вмѣсто Козарина сестру освобождаетъ безыменный молодецъ, и былина переходитъ въ безыменную пѣсню о татарскихъ полонянкахъ. Нѣкоторые изъ такихъ варіантовъ начинаются съ описанія того, какъ изъ за Дунай рѣки, или изъ за Кубань рѣки подымались татары (иногда съ калмыками) на Москву, и какъ три татарина увезли русскую дѣвицу [1]), при чемъ въ одномъ варіантѣ [2]) въ разсказѣ дѣвицы мелькаютъ снова 9 сыновъ у ея батюшки. Въ другомъ варіантѣ не говорится о набѣгѣ татарскомъ, а три татарина встрѣчаютъ въ полѣ дѣвицу и хотятъ съ ней расправиться: одинъ хочетъ ее конемъ стоптать, другой ружьёмъ убить, третій копьёмъ сколоть, но ее выручаетъ подскочившій кстати добрый молодецъ.

Изъ предыдущаго обзора архангельскихъ варіантовъ получается, на нашъ взглядъ, тотъ выводъ, что они не даютъ ничего для уясненія первоначальнаго типа былины о Козаринѣ. Они представляютъ нѣкоторый интересъ только для характеристики тѣхъ процессовъ переработки, которымъ подверглась старая былина въ устахъ архангельскихъ сказателей. Въ эволюціи былины мы отмѣтили съ одной стороны забвеніе былиннаго преданія, съ другой — наращенія ея посторонними мотивами, приплетенными къ ней и почерпнутыми изъ другихъ пѣсенныхъ сюжетовъ и сказокъ, каковы, напримѣръ, Королевичи изъ Крякова, Идолище, Девять братьевъ разбойниковъ и сестра [3]). Но, представляя матеріалъ для наблюденій жизни былины въ народныхъ устахъ въ наше время. всѣ эти варіанты могутъ быть оставлены въ сторонѣ при рѣшеніи вопросовъ, касающихся происхожденія былины, ея наидревнѣйшей дошедшей до насъ редакціи, района и времени ея сложенія. Единственнымъ матеріаломъ для этого остается разсмотрѣнная нами раньше всего былина о Михаилѣ Козаринѣ Петровичѣ въ сборникѣ Кирши Данилова. Имѣя въ виду ея содержаніе и типическія черты, займемся сначала именемъ главнаго дѣйствующаго лица.

---

[1]) Григорьевъ №№ 157, 204, 205.

[2]) Григорьевъ № 157.

[3]) О сказочныхъ мотивахъ, вошедшихъ въ былину о Козаринѣ, см. А. С. Якубъ, наз. с. стр. 125.

Имя Козаринъ (съ его варіантами: Козаренинъ, Козарятинъ, Козаринецъ, Козарушка) необычно въ нашемъ эпосѣ и встрѣчается только въ одной былинѣ. Если такія имена, происходящія отъ племенныхъ названій, извѣстны въ лѣтописяхъ и актахъ, если и самое имя Козаринъ нерѣдко употреблялось, по указанію г. Чечулина, въ актахъ XVI в. [1]), то въ былинахъ оно представляетъ unicum и сказатели, находя его необычнымъ, придумывали ему этимологическое объясненіе (см. выше) или, принимая его за отчество, производили его отъ несуществующаго личнаго имени Козара. Имя героя Козаринъ отзывается стариной, представляется наслѣдіемъ, полученнымъ сѣвернымъ эпосомъ отъ отдаленнаго прошлаго, вродѣ непонятнаго имени Потока, Потыка или. какъ читается въ заглавіи былины у Кирши Данилова, Потука Михаила, остроумно сближеннаго покойнымъ акад. А. Н. Веселовскимъ съ именемъ болгарскаго святого змѣеборца Михаила изъ Потуки [2]). Предполагая, согласно исторіи нѣкоторыхъ другихъ былинныхъ именъ, что имя былиннаго героя могло принадлежать какому нибудь историческому лицу, въ свое время извѣстному и прославленному въ народномъ преданіи, мы поищемъ Козарина въ лѣтописяхъ, съ цѣлью уяснить себѣ, не могло ли какое нибудь историческое лицо, носившее такое имя, отложить его въ народное преданіе и въ былину. Такое лицо дѣйствительно оказывается, если мы вчитаемся въ слѣдующія извѣстія лѣтописи по Лаврентьевскому и Ипатскому спискамъ. Подъ 1106 г. въ Лавр. спискѣ читаемъ: „Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по нихъ Святополкъ (кіевскій в. князь), Яня и Ивана Захарьича, *Козарина*; и угониша половцѣ, и полонъ от(ъ)яша“ [3]).

Въ Ипат. спискѣ подъ тѣмъ же годомъ: „Повоеваша половци около Зарѣчьска и посла по них Святополкъ Яна Вышатича, и

---

[1]) Статью ак. А. И. Соболевскаго—о собств. именахъ въ великорусскихъ былинахъ. Жив. Старина, годъ I (1890), Вып. II, отд. I, стр. 102. (Примѣчаніе); А. С. Якубъ—къ былинѣ о Козаринѣ. Этногр. Обозрѣніе 1906 г. кн. LXV—LXVI, стр. 113.

[2]) См. наши Очерки стр. 125—128.

[3]) Лаврент. спис. стр. 270. Дальше нѣсколько читается: в се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90 въ старости маститѣ.

брата его Путяту, Иванка Захаровича и *Козарина*; и угонивше половцѣ до Дуная, полонъ отъяша а половцѣ посѣкоша [1]).

Чтобы отвѣтить на вопросъ, имѣетъ ли упоминаемый въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи Коваринъ отношеніе къ былинному Козарину, намъ слѣдуетъ подробнѣе разсмотрѣть это извѣстіе въ связи съ другими историческими данными половецкаго періода нашей исторіи.

Побѣда русскихъ воеводъ, въ томъ числѣ какого то Козарина, надъ половцами при Зарѣчьскѣ одинъ изъ свѣтлыхъ эпизодовъ длинной и скорбной повѣсти половецкихъ нашествій и опустошеній, начавшейся со второй половины XI вѣка и окончившейся за немного лѣтъ до Калкскаго пораженія русскихъ князей татарами. За краткими лѣтописными извѣстіями о томъ, что въ такомъ то году половцы воевали въ такой то области, разорили такіе то города, увели много полона русскаго, чувствуется великая народная скорбь и ожесточеніе противъ „поганыхъ", „безбожныхъ" иноплеменниковъ, которые изъ года въ годъ разоряютъ цѣлыя области, истребляютъ жатвы, угоняютъ скотъ, уводятъ сотнями и тысячами населеніе въ свои степи, чтобъ потомъ продавать его, какъ рабовъ, на восточныхъ рынкахъ. Начиная съ 1061 года, перваго нашествія половцевъ и пораженія ими в. князя Всеволода, отца Владимира Мономаха, длиннымъ рядомъ идутъ половецкіе погромы: такъ въ 1068 г. произошла несчастная для русскихъ битва при Альтѣ, въ 1071 половцы опустошаютъ области у Ростовца и Неятина, въ 1078 и 1079 годахъ они же по приглашенію русскихъ князей производятъ опустошеніе вмѣстѣ съ русскими дружинами (Олега, Бориса, Романа), въ 1092 они берутъ города Посѣчень, Прилукъ и сожигаютъ многія села, въ 1093 г., наносятъ сильное пораженіе неудачнику—князю кіевскому Свя-

[1]) Ипат. спис. стр. 186. Въ редакціи Ипат. списка повторяется это извѣстіе, съ нѣкоторыми искаженіями, въ позднихъ сводахъ. Въ Никонов. сводѣ (Ч. II изд. 1768 г. стр. 38): Воеваша Половцы около Зарѣчска, и посла по нихъ Святополкъ Яна Вышатича ї *брата его Путяту* Иванна Захарьинича и Козарина, и угонивше ихъ ї сосекоша, ї полонъ отняша. Въ Софійск Временникѣ (изд. 1820 г. ч. I етр. 184)· Воеваша половци около Зарѣчьска и посла по нихъ Святополкъ Яна Вышатича и *брата его Путяту* и Иванка Захаріина и Козарина и угонивше Янъ (чит. я=ихъ) полонъ отъяша а поганыя изсѣче (чит. изсѣкоша).

тополку (Михаилу) и Владимиру Мономаху, при чемъ при бѣгствѣ русскихъ дружинъ въ Стугнѣ утонулъ кн. Ростиславъ, вспоминаемый Словомъ о П. И.; въ 1094 половцы съ Олегомъ Святославичемъ опустошаютъ Черниговскую область, и въ томъ же году осаждаютъ Юрьевъ и вынуждаютъ населеніе этого города къ поголовному бѣгству. Особенно силенъ былъ разливъ половецкихъ опустошеній въ 1096 году, когда ихъ ханы Бонякъ, Куря и Тугорканъ одновременно дѣйствуютъ въ разныхъ областяхъ Руси, когда шелудивый Бонякъ сжигаетъ Берестово и опустошаетъ Кіевскую область, а Куря и Тугорканъ Переяславскую. Хотя русскимъ князьямъ, особенно энергичному Владиміру Мономаху, удалось прогнать половцевъ, причемъ въ битвѣ палъ извѣстный ханъ Тугорканъ, однако области, подвергнувшіяся половецкому набѣгу, были страшно опустошены. Начало XII-го вѣка ознаменовано перемѣной въ пріемахъ борьбы съ половцами Не ограничиваясь мѣрами обороны противъ половецкихъ вторженій, русскіе князья по инициіативѣ Владимира Мономаха начинаютъ предпринимать походы въ степь, тревожить половцевъ въ ихъ улусахъ, и первое такое коллективное предпріятіе 1103 года сопровождалось разгромомъ половцевъ, блестящей удачей, значительно возвысившей престижъ кн. Владимира Мономаха среди современниковъ и потомковъ. Однако этотъ первый крупный успѣхъ русскихъ въ войнѣ съ половцами не подорвалъ ихъ силъ. Страшный Бонякъ и старый Шаруканъ продолжали свои набѣги. И вотъ подъ 1106 г. лѣтопись отмѣтила новый, хотя и не имѣвшій большого значенія, успѣшный шагъ русскихъ въ этой почти непрерывной борьбѣ. Это только удачное преслѣдованіе одного отряда половцевъ, вторгнувшихся въ Волынскую область и подступившихъ къ городу Зарѣчьску. Здѣсь со стороны русскихъ дѣйствовали не князья съ многочисленными дружинами, а отрядъ, высланный кіевскимъ княземъ Святополкомъ подъ начальствомъ нѣсколькихъ извѣстныхъ въ то время воеводъ. Эта стычка, какъ удачная для русскихъ, заслуживала внесенія въ лѣтопись и, быть можетъ, даже пріукрашена изъ понятнаго чувства патріотизма и ненависти противъ „поганыхъ". Для историка русско-половецкихъ войнъ она не представляетъ значенія, но для изслѣдователей народныхъ преданій, ищущихъ отраженія историческихъ событій въ народной памяти, эта лѣтописная замѣтка, на нашъ

взглядъ, не лишена интереса. Вѣдь въ исторіи народныхъ сказаній бываютъ случаи, когда крупнѣйшія лица и событія остаются ими неотмѣченными, а исторически неважныя лица и событія оставляютъ въ нихъ глубокіе слѣды: такъ историческимъ субстратомъ знаменитой пѣсни о Роландѣ было нападеніе басковъ на аріергардъ войска Карла Великаго въ ущельѣ Пиренеевъ, причемъ погибло нѣсколько пэровъ и въ томъ числѣ Хруодландъ, маркграфъ британскій въ 778 г.—событіе не имѣвшее никакого историческаго значенія.

Возвращаясь послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ лѣтописному извѣстію 1106 г., отмѣтимъ нѣкоторыя различія въ текстахъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго списковъ. Оба списка совпадаютъ въ томъ, что половцы въ 1106 г. воевали около Зарѣчьска [1]) и что кіевскій князь Святополкъ-Михаилъ послалъ противъ нихъ отрядъ. Въ именахъ предводителей и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ стычки съ половцами находимъ неполное согласіе. По Лаврент. списку Святополкъ послалъ „Яня и Иванка Захарьича Козарина“. Если принять *Козарина* за прозвище воеводы Иванка Захарьича (что по грамматическому смыслу вполнѣ возможно), то во главѣ отряда стояли два лица Янъ и Иванко Захарьичъ Козаринъ. Взглянувъ въ разночтеніе Радзивиловскаго списка того же мѣста, мы не находимъ союза *и* послѣ *Яня* и не находимъ имени *Козарина* послѣ Захарьича. Т. о. здѣсь читается: „посла по нихъ Святополкъ Яня Иванка Захарьича“ и дѣло, повидимому, идетъ объ одномъ лицѣ Янѣ (онъ же Иванко, такъ какъ Иванко другая форма того христіанскаго имени) Захарьича. Если же предположить, что союзъ *и* выпалъ передъ *Иванка* вслѣдствіе того, что это имя начинается звукомъ *и*, то во главѣ отряда было два Ивана—Янъ и Иванко Захарьичъ. Дальнѣйшія недоумѣнія о точномъ числѣ и именахъ предводителей русской дружины возникаютъ, если мы перейдемъ къ редакціи того же извѣстія въ Ипатскомъ спискѣ. Здѣсь списатель послѣ

---

[1]) Городъ Зарѣчьскъ по картѣ пр. Замысловскаго находился въ Волынской области на правой сторонѣ р. Стыри (притока Припети) недалеко отъ Луцка, лежащаго на лѣвомъ берегу этой рѣки. См. учебн. атласъ по русской исторіи, карта № 2 (карта русской земли съ половины XI в. до половины XIII вѣка).

имени *Яня* вставилъ *между строкъ* имя Вышатича, а *на полѣ* прибавилъ слова: *и брата его Путяту*; далѣе послѣ имени Ивана Захарьича читается союзъ *и* и затѣмъ имя *Козарина*. Т. о. по Ипат. списку во главѣ отряда стояли 4 воеводы: Янъ Вышатичъ, Путята (Вышатичъ), Иванко Захарьичъ и Козаринъ. Съ точки зрѣнія исторической критики такое количество именъ возбуждаетъ, какъ увидимъ, сомнѣніе, но для насъ интересно то, что лицо, введшее Путяту и посредствомъ союза *и* различившее Козарина отъ Иванка Захарьича, обнаруживаетъ явную тенденцію вообще возвысить значеніе этой удачной стычки русскихъ съ половцами въ 1106 г., какъ видно изъ дальнѣйшихъ прибавокъ. Въ Лавр. спискѣ сказано только: „и угониша Половцѣ и полонъ отъяша". Списатель Ипатск. списка или одинъ изъ его предшественниковъ добавляетъ, что русскіе гнали половцевъ *до Дуная*, отняли у нихъ полонъ и самихъ ихъ изрубили („И угонивъше половцѣ до Дуная, полонъ отъяша, а половцѣ исъсѣкоша"). Принимая во вниманіе огромное разстояніе Зарѣчьска отъ Дуная нельзя не видѣть здѣсь пріукрашенія подвига русской дружины и ея предводителей, и невольно является мысль, что списатель, вставившій Дунай, либо просто сочинилъ отъ себя эту подробность, либо, что также весьма возможно въ виду эпичности рѣки Дуная, припомнилъ эту рѣку изъ какого нибудь преданія, связывавшаго это событіе—преслѣдованіе половцевъ русскими воеводами—съ рѣкой Дунаемъ. При той окраскѣ, въ которой находимъ разсматриваемое событіе въ Ипат. спискѣ, связавшемъ кіевскую лѣтопись съ галицко-волынской, само собою припоминается, что событіе, разыгравшееся при Зарѣчьскѣ, произошло въ Волынской землѣ и должно было привлечь къ себѣ бо̀льшее вниманіе населенія Волыни, чѣмъ другихъ областей Руси. Немудрено поэтому, что народное преданіе и отразившій его въ своей замѣткѣ лѣтописецъ пріукрасилъ его введеніемъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ въ началѣ XII в. именъ и нѣкоторой географической подробности (Дунай). Спрашивается однако, можно ли на основаніи сравненія двухъ древнѣйшихъ извѣстій о событіи 1106 г. вывести точно, какія именно лица стояли во главѣ русской дружины, погнавшейся за половцами у Зарѣчьска и отбившей русскій полонъ. Попытаемся опредѣлить этихъ вождей. Во первыхъ, обѣ редакціи (Лавр. и Ипат.) называютъ Яня на первомъ мѣстѣ

и, повидимому, слѣдуетъ думать, что это лицо было главнымъ воеводой. Однако и здѣсь возникаютъ нѣкоторыя недоумѣнія. Лаврентьевскій сводъ не поясняетъ какой это былъ Янъ, но Ипатскій добавляетъ его отчество, не оставляющее сомнѣнія въ томъ, что это былъ извѣстный въ свое время бояринъ, кіевскій тысяцкій, не разъ дѣятельно выступавшій въ военныхъ событіяхъ XI вѣка. Это тотъ Янъ, который въ 1070 г., собирая въ Ростовской области дань для кн. Святослава Ярославича, казнилъ волхвовъ, который въ 1093 г. ходилъ на половцевъ съ Владиміромъ Мономахомъ. Какъ извѣстный воевода, онъ, конечно, могъ быть посланъ Святополкомъ противъ половцевъ, когда дошелъ до великаго князя слухъ объ ихъ набѣгѣ на Зарѣчьскъ. Но потревожилъ ли кіевскій князь дѣйствительно маститаго тысяцкаго? Если потревожилъ, то это было послѣднимъ подвигомъ Яня Вышатича, подвигомъ потому, что ему было уже 90 лѣтъ и, по словамъ лѣтописца, онъ умеръ въ мѣсяцѣ іюнѣ того же 1106 года [1]). Очевидно Янъ Вышатичъ былъ богатырь, если 90 лѣтъ отъ роду могъ на конѣ преслѣдовать половцевъ и гнать ихъ отъ Зарѣчьска до Дуная (по Ипат. списку). Но скудная словами запись не обронила ни одного слова, чтобы подчеркнуть этотъ подвигъ удалого старца, совершенный имъ незадолго до кончины, и славное въ свое время имя Яна Вышатича не попало въ дошедшія до насъ народныя преданія и былины.

Второй полководецъ, внесенный въ текстъ Ипатск. списка, но отсутствующій въ Лаврентьевскомъ,—братъ Яна Путята Вышатичъ, лицо также хорошо извѣстное въ свое время. Однако страннымъ представляется пропускъ такого лица въ Лаврентьевскомъ спискѣ и невольно является вопросъ, не внесенъ ли Путята тѣмъ списателемъ лѣтописи, который счелъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужнымъ добавить отчество къ имени Яна. Имя одного брата вызывало имя другого, и, быть можетъ, это было единственнымъ мотивомъ для его внесенія.

---

1) Вслѣдъ за извѣстіемъ о столкновеніи съ половцами мы читаемъ: „В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90 въ старостѣ маститѣ; живъ по закону Божию, не хужии первыхъ праведникъ, у него же азъ слышахъ многа словеса, яже вписахъ въ лѣтописиць; бѣ бо мужь благъ, и кротокъ, и смѣренъ, отгребаяся отъ всякоя вещи, его же и гробъ есть в Печерьскомь монастырѣ, у притворѣ, идѣ же лежить тѣло его положено мѣсяца июня въ 24. Ипат. стр. 186.

Участіе третьяго воеводы Иванка Захарьча не вызываетъ никакихъ сомнѣній: его имя читается одинаково и въ Лаврентьевскомъ, и въ Ипатскомъ текстѣ, и самая малоизвѣстность этого лица, упоминаемаго вообще только въ этомъ одномъ мѣстѣ лѣтописи, говоритъ въ пользу того, что здѣсь передается точный фактъ. Является только вопросъ, какъ относится это имя и отчество къ слѣдующему лицу Козарину. Мы уже упомянули, что въ спискѣ Радзивиловскомъ имени Козарина вовсе нѣтъ; въ Лаврентьевскомъ а также въ Хлѣбниковскомъ и Академическомъ между именемъ Ивана Захарьича (или Захаріина Хлѣб. Акад.) и слѣдующимъ именемъ Козарина нѣтъ союза *и*, такъ что Козаринъ можетъ быть принято за прозвище Ивана Захарьича; наконецъ, въ Ипат. и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, повторяющихъ въ этомъ мѣстѣ текстъ Ипатскаго, передъ именемъ Козарина поставленъ союзъ *и*. При такомъ разногласіи въ текстахъ трудно рѣшить положительно, слѣдуетъ ли видѣть въ Козаринѣ отдѣльное лицо, или таково было прозвище какого то Ивана Захарьича. Такое же колебаніе испытывали, повидимому, нѣкоторые изъ древнихъ переписчиковъ этого лѣтописнаго извѣстія. Такимъ образомъ попытка (по крайней мѣрѣ наша) точно установить число воеводъ, разбившихъ половцевъ у Зарѣчьска въ 1106 г., не приводитъ къ положительнымъ результатамъ, и можно думать, что извѣстіе объ этомъ событіи, совершившемся въ Волынской землѣ, не дошло до кіевскаго лѣтописца съ достаточной точностью и полнотой. Для нашей цѣли достаточно того вывода, что какой то предводитель, носившій прозвище Козарина, разбилъ половцевъ въ Волынской землѣ въ 1106 г. и отбилъ у нихъ русскій полонъ. Спрашивается теперь, есть ли возможность связать имя этого лица съ былиннымъ добрымъ молодцемъ Козариномъ, или лѣтописный Козаринъ не имѣетъ никакого отношенія къ былинному, кромѣ случайнаго сходства въ имени. Въ первомъ случаѣ мы имѣли бы въ нашемъ эпосѣ еще одно имя почтенной старины, донесшееся до насъ изъ періода упорной борьбы Руси съ половцами. Аналогіи между лѣтописнымъ и былиннымъ Козариномъ сводятся къ слѣдующему.

1. Лѣтописный Козаринъ состоитъ, какъ воевода, при дружинѣ кіевскаго князя (Святополка-Михаила), былинный Козаринъ исполняетъ порученіе кіевскаго же князя (Владимира).

2. Лѣтописный Козаринъ отбиваетъ у половцевъ русскій полонъ, т.-е. угнанныхъ половцами русскихъ плѣнниковъ. Былинный— освобождаетъ отъ татаръ русскую полонянку и забираетъ татарскихъ коней и награбленное татарами имущество.

3. Стычка Козарина съ половцами происходила въ предѣлахъ Волынской земли и, какъ мѣстное событіе, должно было въ свое время разгласиться и впослѣдствіи передаваться преимущественно въ Волынской землѣ. Былина выводитъ Козарина изъ „Волынца красна Галичья", какъ галицкаго же молодца Дюка Степановича. Естественно предположить, что первый слагатель былины пріурочилъ выѣздъ Козарина къ Волынцу, вслѣдствіе извѣстности имени Козарина въ волынскихъ мѣстахъ, какъ воеводы, отличившагося пораженіемъ половцевъ и отбитіемъ русскихъ плѣнниковъ именно въ Волынской землѣ.

4. Въ значительномъ числѣ варіантовъ Козаринъ носитъ отчество *Петровича*. Интересно, что въ т. наз. Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, содержащемъ рос. исторію отъ $\frac{6360}{852}$ до $\frac{7106}{1598}$ и изданномъ въ Москвѣ въ 1781 году, мы находимъ подъ 1097 (вѣрнѣе 1107) годомъ такое извѣстіе: „Въ лѣто 6605 (вѣрнѣе 6615) бысть Козаринъ *Петровичъ* при Святополкѣ Изяславичѣ, да Янъ Вышатичь" (стр. 49). Историческая цѣнность этого извѣстія сомнительна, но совпаденіе отчества Козарина съ былиннымъ заслуживаетъ вниманія.

Эти четыре аналогіи даютъ нѣкоторое основаніе, на нашъ взглядъ, къ нашему сопоставленію. Итакъ мы предполагаемъ, что историческимъ субстратомъ былины было освобожденіе русскихъ плѣнниковъ, уведенныхъ половцами въ ихъ набѣгѣ на Волынскую землю зъ 1106 г., совершенное кіевскимъ воеводой, носившимъ далеко необычное и потому особенно врѣзывающееся въ память имя Козарина. Если мы допустимъ это предположеніе, то намъ до нѣкоторой степени станетъ понятнымъ прикрѣпленіе Козарина къ Волынцу, а также прикрѣпленіе къ его имени сюжета о выручении братомъ сестры изъ татарскаго плѣна. Конечно, это прикрѣпленіе произошло позднѣе, когда половцы были и въ исторіи, и въ эпосѣ смѣнены татарами и когда имя Козарина, хранившееся въ народной памяти, вызывало только представленіе о какомъ то удальцѣ стараго времени, отличившемся когда то

подвигомъ освобожденія русскихъ плѣнниковъ отъ степныхъ наѣздниковъ—враговъ. Всѣ другія подробности, занесенныя лѣтописью, уже были забыты или, быть можетъ, искажены народной молвой. Быть можетъ, изъ послѣдней почерпнулъ одинъ изъ переписчиковъ лѣтописи ту неисторическую подробность, что русскіе въ 1106 г., преслѣдуя разбитыхъ половцевъ, гнали ихъ до Дуная. Получивъ изъ народнаго преданія лишь смутный отголосокъ историческаго событія, связаннаго съ именемъ какого то Козарина, первый слагатель былины могъ глухое воспоминаніе объ освобожденіи Козариномъ русскихъ плѣнниковъ облечь въ болѣе конкретную и психологически интересную форму освобожденія братомъ своей родной сестры, увезенной татарами въ ихъ набѣгѣ на Русь. При тенденціи прикрѣплять всѣ эпическіе подвиги ко времени Владимира, Козаринъ очутился, какъ и другіе богатыри, при его дворѣ, но такъ какъ преданіе о Козаринѣ ходило въ Волынской землѣ, этотъ добрый молодецъ явился, подобно Дюку Степановичу, пріѣзжимъ въ Кіевъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ когда то былъ совершенъ подвигъ. Такимъ психологическимъ процессомъ народной эпики объясняю я себѣ сложеніе разсматриваемой былины. Но для бо̀льшей правдоподобности моего предположенія, слѣдуетъ остановиться еще на нѣкоторыхъ косвенныхъ данныхъ, которыя, быть можетъ, послужатъ къ его подкрѣпленію, и на объясненіи нѣкоторыхъ былинныхъ подробностей.

Выше мы отмѣтили, что на нѣкоторыхъ варіантахъ былины о Козаринѣ замѣтно вліяніе былины аналогичнаго содержанія „Королевичи изъ Крякова“. Припомнимъ, что сюжетъ послѣдней былины состоитъ въ томъ, что королевичъ (Петрой Петровичъ, Лука, Ѳедоръ) выѣзжаетъ изъ Крякова села Березова (Березина) на охоту, встрѣчаетъ въ полѣ на дубу вѣщаго ворона, узнаетъ отъ него о татарскомъ богатырѣ и вступаетъ съ нимъ въ бой. Поваливъ его, онъ спрашиваетъ объ его имени и отчинѣ и узнаетъ въ немъ родного брата, давно увезеннаго татарами. Послѣ „узнанія“ братья возвращаются въ Кряковъ къ матушкѣ [1]). Судя по нѣкоторымъ даннымъ—названію королевичъ, имени г. Крякова,

[1]) Рыбниковъ I 72=Гильферд. № 87, Гильфердингъ №№ 147, 182, 200, 302. Шайжинъ—Олонецкій фольклоръ. 1906 стр. 163.

и села Березова или Березина (м. б. отъ рѣки Березины) былина, повидимому, возникла въ юго-западныхъ частяхъ Руси. Уяснить болѣе точно ея отношеніе къ былинѣ о Козаринѣ (кромѣ нѣкотораго сходства въ сюжетѣ и подробностяхъ, каковы: охота, вѣщій воронъ) мы не въ состояніи, но игнорировать его также нельзя. Братья королевичи упорно называются *Петровичами* и тоже отчество носитъ Козаринъ. Что касается крестнаго имени Козарина *Михайло*, то нельзя не отмѣтить, что то же имя носитъ богатырь *галицко-волынской* былины Михаилъ Потыкъ или Потукъ, котораго имя восходитъ къ болгарскому змѣеборцу Михаилу изъ Потуки. Подобно Михаилу Козарину, Михаилъ Потыкъ въ наиболѣе архаической былинѣ о немъ у Кирши Данилова, по порученію кн. Владимира, стрѣляетъ гусей-лебедей для княжескаго стола [1]). Въ виду послѣдней аналогіи, можетъ быть поставленъ вопросъ, не получилъ ли Козаринъ свое имя отъ другого популярнаго галицкаго богатыря Михаила. То же имя, впрочемъ, усвоено малоизвѣстному богатырю Михаилу Дородовичу въ аналогичномъ сюжетѣ о нахожденіи братомъ брата въ полѣ. Сюжетъ двухъ былинъ Гильфердинга объ этомъ богатырѣ [2]) состоитъ въ томъ, что Михаилъ Дородовичъ находитъ въ полѣ шатеръ съ тяжело раненымъ молодцемъ, который оказывается его братомъ. Михаилъ убиваетъ ранившихъ брата татаръ. но не могъ спасти брата отъ смерти. Конечно, мы не въ состояніи рѣшить, почему Козаринъ получилъ имя Михаила, но считали нелишнимъ отмѣтить, что это имя или отчество Петровичъ носятъ нѣкоторые богатыри въ сюжетахъ о нахожденіи и узнаніи близкихъ родственниковъ (брата, сестры) или хотя и въ другомъ сюжетѣ, но получившемъ былинную обработку въ западныхъ частяхъ Руси (Михаилъ Потыкъ). Если мы припомнимъ сходство былины о Козаринѣ (въ редакціи Кирши Данилова) съ галицкой же былиной о Дюкѣ Степановичѣ, то, быть можетъ, уяснимъ себѣ, почему въ одномъ архангельскомъ варіантѣ послѣдней былины князь Владимиръ посылаетъ оцѣнивать Дюково имущество какого то *Михаила Петровича* вмѣстѣ съ Алешей Поповичемъ [3]). Вѣдь въ нѣкоторыхъ варіантахъ [4]) былины

[1]) Кирша Даниловъ изд. Шефера стр. 90.—О галицко-волынскомъ происхожденіи былины см. наши Очерки стр. 128.

[2]) №№ 247 и 252.

[3]) Тихоправовъ.-Миллеръ II № 49.

[4]) Марковъ № 17. Ончуковъ № 93 и друг.

объ освобожденіи сестры братомъ послѣдній называется только Михаиломъ Петровичемъ безъ прозвища *Козаринъ*.

Что касается сюжета, прикрѣпленнаго къ имени Козарина,— нахожденія сестры братомъ, который раньше ея не зналъ,—то онъ принадлежитъ къ числу распространенныхъ въ фолькорѣ иностранномъ и русскомъ [1]) и могъ прикрѣпляться къ различнымъ именамъ. Такъ въ барнаульскомъ округѣ Томской губерніи, на Сузунскомъ заводѣ, этотъ сюжетъ извѣстенъ въ прикрѣпленіи къ имени Алеши Поповича почти со всѣми подробностями былины о Козаринѣ. Алеша Поповичъ послѣ неудачной охоты на гусей-лебедей и сѣрыхъ уточекъ хочетъ съ досады застрѣлить ворона, сидящаго на кряковистомъ дубу. Воронъ указываетъ ему въ степи на двухъ татаръ, полонившихъ русскую дѣвицу. Алеша Поповичъ убиваетъ ихъ, сажаетъ дѣвицу съ собой на коня и разспрашиваетъ какого она рода-племени. Она называетъ себя дочерью попа ростовскаго и оказывается его сестрою. Алеша привозитъ ее къ отцу въ Ростовъ [2]). Съ такимъ же, если не съ бо̀льшимъ правомъ, могъ этотъ сюжетъ прикрѣпиться къ Козарину, дѣйствительно когда-то отбившему у иноземныхъ-наѣздниковъ русскихъ плѣнныхъ, и замѣнить собою какое-нибудь болѣе раннее, но уже тусклое преданіе, связанное съ этимъ историческимъ именемъ [3]).

Имя Козарина, если покажется правдоподобнымъ предложенное мною объясненіе, сохранилось въ нашемъ эпосѣ отъ періода упорной борьбы Руси съ половцами. Въ качествѣ косвенныхъ подтвержденій моего предположенія можно припомнить, что отъ того же періода дошло до насъ въ былинахъ и преданіяхъ нѣсколько другихъ какъ половецкихъ, такъ и русскихъ историческихъ именъ. Въ былинномъ Тугаринѣ уже давно изслѣдователи эпоса видятъ историческаго Тугоркана. Имя страшнаго Боняка *шелудиваго*, дѣйствовавшаго одновременно съ Тугорканомъ и современника исто-

---

1) См. у Потебни—Объясн. малорусс. и сродныхъ народ. пѣсень II гл. XIX Соболевскій—Велик. нар. пѣсни т. VI, №№ 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378.

2) См. Кирѣевскій. В. II, стр. 80—82. Срв. также Марковъ—Бѣломорскія былины № 64.

3) По мнѣнію А. С. Якубъ, „близость между былинами о Козаринѣ и Алешѣ Поповичѣ„... заставляетъ предполагать, что обѣ онѣ являются редакціями одной и той же былины, только прикрѣпленной къ разнымъ именамъ“. Этн. Обозр. кн. LXV—LXVI, стр. 101.

рическаго воеводы Козарина, извѣстно въ галицкихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. Имя болѣе поздняго половецкаго хана Кончака извѣстно въ архангельскихъ былинахъ и отмѣчено Максимовымъ въ одномъ мѣстномъ преданіи Архангельской губерніи. Къ половецкому періоду восходитъ побѣдитель Тугарина ростовскій храбрый Александръ (Алеша) Поповичъ и, можетъ быть, Суханъ Домантьевичъ [1]). Число былинныхъ именъ этого періода, кажется, можетъ быть дополнено еще однимъ, хотя совершенно иного характера. Мы имѣемъ въ виду имя *того* историческаго Путяты Вышатича, кіевскаго воеводы и тысяцкаго, который, какъ мы видѣли, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописей, былъ въ числѣ предводителей дружины князя Святополка II вмѣстѣ съ Козариномъ въ 1106 г. Но судьба была неблагосклонна къ этому кіевскому воеводѣ, ближайшему лицу къ нелюбимому князю Святополку Изяславичу, который несимпатичными сторонами своего характера и неудачами въ войнахъ съ половцами пріобрѣлъ худую славу у современниковъ. Наши историки, слѣдуя лѣтописямъ, даютъ очень нелестную характеристику Святополку, занявшему великокняжескій престолъ вопреки желаніямъ кіевлянъ лишь вслѣдствіе того, что популярный Владиміръ Мономахъ не хотѣлъ нарушить его правъ и навлечь междуусобную войну. По словамъ Соловьева, „Святополкъ былъ жестокъ, корыстолюбивъ и властолюбивъ безъ ума и твердости; сыновья его были похожи на отца“ [2]). Корыстолюбіе его подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ фактомъ, занесеннымъ въ кіево-печерскій патерикъ: однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ; Святополкъ, узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобы продавать ее самому дорогой цѣной [3]). Изъ корыстолюбія же онъ далъ разныя льготы евреямъ въ Кіевѣ, черезъ что, по словамъ Татищева, „многіе христіане торгу и ремеслъ лишились“ [4]). Нелюбовь кіевлянъ къ нему и его приснымъ выразилась весьма ярко въ томъ, что послѣ его смерти, при отсутствіи княжеской власти,

---

[1]) См. статью А. С. Якубъ „Къ былинѣ о Сухманѣ“—Этнографич. Обозрѣніе 1904. Кн. LX, № 1, стр. 43—66.

[2]) Исторія Россіи, II, стр. 41.

[3]) Тамъ же стр. 74.

[4]) Татищевъ—Ист. Россійская, II, 211.

въ Кіевѣ начались безпорядки [1]. Чернь бросилась на дворы нелюбимыхъ сановниковъ „разграбила дворъ тысяцкаго Путяты за то, что, какъ говоритъ одно извѣстіе, онъ держалъ сторону нелюбимыхъ народомъ Святославичей, потомъ разграбила дворы сотскихъ и жидовъ“: эти слова лѣтописца подтверждаютъ то извѣстіе, что Святополкъ изъ корыстолюбія далъ большія льготы жидамъ, которыми они пользовались въ ущербъ народу и тѣмъ возбудили противъ себя всеобщее негодованіе“ [2]). Такое отношеніе кіевлянъ къ Путятѣ можетъ послужить объясненіемъ тому, что хотя этотъ воевода и отличился вмѣстѣ съ Козариномъ въ пораженіи половцевъ въ 1106 г. (по извѣстіи Ипат. списка), но не попалъ въ герои въ народномъ преданіи, какъ Козаринъ, а получилъ въ эпосѣ весьма предосудительную роль. Я склоненъ возвести къ нему наушника при дворѣ князя Владимира, Путятина Путятовича, который въ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ [3]), даетъ князю коварный совѣтъ „нарядить Данилу въ службу дальнюю, невзворотную, на Буянъ островъ, убить тамъ звѣря лютаго“, и все это для того, чтобы, погубивъ Данилу, князь могъ овладѣть его красавицей-женою. То же лицо въ другомъ варіантѣ былины названо Мишатычкой Путятинымъ [4]), и этотъ интриганъ, доведшій своимъ коварнымъ совѣтомъ до самоубійства обоихъ супруговъ, въ концѣ былины пожалованъ за это „котломъ смолы“. Кажется, въ этой формѣ имени слѣдуетъ видѣть перестановку, извѣстную и въ другихъ случаяхъ, имени и отчества: Мишатка Пугятичъ вышло изъ Путятка Вышатичъ [5]). Повидимому,

---

[1]) Лѣтопись передаетъ это происшествіе въ слѣдующихъ словахъ: „Свѣтъ створиша кияне, послаша къ Володимеру, глаголюще: „поиди, княже, на столъ отечъ и дѣденъ“. Се слышавъ Володимеръ, плакася вели, и не поиде жаляся по братѣ. Кияне же разъграбиша дворъ Путятинъ тысячьского, идоша на жиды и разъграбиша я; и послашася паки кияне къ Володимеру глаголюще: „поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на монастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти монастырѣ разъграбять“. Ипат. лѣт., стр. 198.

[2]) Соловьевъ—Ист. Р., II, стр. 75—76.

[3]) Кирѣевскій, III, стр. 29.

[4]) Кирѣевск., II, стр. 33.

[5]) Смѣна начальнаго *в* звукомъ *м* можетъ быть діалектическое явленіе (срав. Микула—Викула) или можетъ быть вызвана приспособленіемъ къ имени Миша (Михаилъ).

имя Путяты въ нѣсколько искаженномъ видѣ можно узнать въ имени такого же коварнаго совѣтника Потуточка, который въ одномъ архангельскомъ варіантѣ былины о Соломанѣ и Василіи прекрасномъ обѣщаетъ послѣднему достать ему жену Соломана и кончаетъ свою предосудительную карьеру тѣмъ, что попадаетъ въ петлю [1]). Движеніе въ послѣдовательномъ „перевираніи" имени могло быть: Путята, Путяточка, Потуточка. Припомнимъ, что какой то „дворъ Путятинъ" и „стараго Путяты темный лѣсъ" поминался, по свидѣтельству Татищева, въ пѣсняхъ его времени [2]), хотя, быть можетъ, здѣсь слѣдуетъ видѣть „стараго" т.-е. древняго Путяту, того Путяту, быть можетъ, неисторическаго, котораго т. наз. Якимовская лѣтопись дѣлаетъ товарищемъ и сотрудникомъ Добрыни въ дѣлѣ крещенія новгородцевъ и котораго имя якобы сохранилось въ приводимой той же лѣтописью пословицѣ: „Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ" [3]). Наконецъ имя утяты сохранилось въ отчествѣ его дочери Запавы Путятичны, называемой иногда племянницей князя Владимира, что свидѣтельствуетъ о какой то близости ея отца къ князю [4]). Повторяемъ, впрочемъ, что сохраненіе нѣскольскихъ историческихъ именъ отъ періода войны Руси съ половцами можетъ служить лишь къ констатированію возможности того, что эпическая традипія донесла до нашего времени имя Козарина, одного изъ воеводъ XI—XII вѣка, отличившагося въ событіи 1106 г., внесенномъ въ лѣтопись.

Въ заключеніе резюмируемъ выводы, къ которымъ приводитъ нашъ разборъ былины о Козаринѣ.

1. Самый полный и отмѣченный хорошей былинной традиціей варіантъ, вошедшій въ сборникъ Кирши Данилова, носитъ слѣды редакціи московскаго времени.

2. Всѣ записанные недавно архангельскіе варіанты характеризуются забвеніемъ старинной традиціи и передѣлками основного

---

[1]) Григорьевъ № 92.

[2]) Ист. Росс. Ч. I, кн. 1, стр. 50.

[3]) Экскурсы и проч. стр. 41.

[4]) Напомню, что уже акад. Ягичъ предположилъ въ отчествѣ Мишатки *Путятичъ* воспоминаніе объ историческомъ Путятѣ, воеводѣ Святополка Изяславича. („О слав. народ. поэзіи" въ Слав. Ежегодникѣ Задерацкаго, годъ III, стр. 211—212).

сюжета подъ вліяніемъ мотивовъ, почерпнутыхъ изъ другихъ аналогичныхъ былинныхъ сюжетовъ.

3. Прототипъ былины о Козаринѣ, по нѣкоторымъ признакамъ, былъ сложенъ въ юго-западной Руси въ дотатарскомъ періодѣ.

4. Историческимъ субстратомъ преданія, давшаго основу былинѣ, было событіе 1106 г.—пораженіе половцевъ однимъ изъ кіевскихъ воеводъ Козариномъ и освобожденіе захваченныхъ ими русскихъ плѣнныхъ.

5. Это событіе, связанное въ преданіи съ именемъ Козарина, послужило мотивомъ къ прикрѣпленію къ его имени сюжета объ избавленіи Козариномъ сестры, увезенной татарами.

6. Имя и отчество Козарина (Михаилъ Петровичъ) находится въ связи съ тождественными именами и отчествами героевъ, дѣйствующихъ въ нѣкоторыхъ другихъ былинахъ, восходящихъ по происхожденію къ юго-западной Руси (былины о Потыкѣ, о Королевичахъ изъ Крякова, о Дюкѣ).

7. Къ числу другихъ русскихъ и половецкихъ именъ, сохранившихся въ былинахъ, принадлежитъ, кажется, имя Путяты Вышатича, современника воеводы Козарина и, быть можетъ, его сотоварища въ событіи 1106 года.

8. Предосудительная роль коварнаго княжескаго совѣтника, данная былинами Путятѣ Вышатичу (въ былинахъ: Путятину Путятичу, Мишаткѣ Путятовичу, Потуточкѣ), объясняется нелюбовью кіевскаго населенія къ князю Святополку II и къ его тысяцкому и совѣтнику Путятѣ Вышатичу, проявившеюся въ народномъ бунтѣ и разгромѣ двора Путятина въ Кіевѣ послѣ смерти Святополка въ 1113 году.

Всев. Миллеръ.

О левиратѣ и нѣкоторыхъ другихъ обычаяхъ башкиръ Екатеринбургскаго уѣзда.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о дер. Берденишъ. Воровство. Левиратъ. Свадебный туй. Прощаніе невѣсты со своей деревней.

Въ громадной литературѣ о башкирахъ я не встрѣтилъ рѣшительно никакихъ указаній на существованіе у этого племени левирата (ужичества). Между тѣмъ, институтъ этотъ бытуетъ коегдѣ у башкиръ и въ наши дни. По крайней мѣрѣ я наблюдалъ его нынѣшнимъ (1908 года) лѣтомъ, живя въ башкирской деревнѣ Берденишъ, Мякотинскаго общества, Карабольской волости, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи.

Но скажу сначала нѣсколько словъ объ этой деревнѣ, занятіяхъ и нравахъ ея жителей.

Дер. Бердени́шъ расположена при громадномъ озерѣ того же имени за Уральскимъ хребтомъ (т. е. уже въ Азіи), въ 30 вер. отъ Кыштымскаго завода и станціи Кыштымъ Пермской жел. дороги. Населеніе ея (больше 100 домовъ) сплошь башкиры-вотчинники. Теперь здѣшніе башкиры уже не кочуютъ по лѣтамъ, но лѣтъ 10—15 тому назадъ многіе еще кочевали, и рѣшетки-остовы прежнихъ кочевыхъ кибитокъ хранятся у нѣкоторыхъ еще и теперь. „Кошево́е мѣсто“, т. е. мѣсто прежнихъ кочевокъ, находится въ 5—7 вер. отъ деревни, близъ озера Кажа́куль. Въ сосѣдней же (вер. 7 отъ Бердениша) деревнѣ Сатлы́ковой еще и нынѣшнимъ лѣтомъ жили „въ коша́хъ“ два богатыхъ башкира, въ разстояніи одной версты отъ своей деревни.

Главныя занятія мѣстныхъ башкиръ—земледѣліе и скотоводство. Пчеловодства, столь обычнаго у башкиръ въ другихъ губерніяхъ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ—ни въ Берденишѣ, ни въ сосѣднихъ деревняхъ. Рыбу прежде ловили въ своемъ озерѣ, но въ послѣдніе годы вода въ немъ окончательно испортилась (загрязнилась отъ

массы навоза, накопляемаго зимою на льду озера, и стала негодной для питья), и рыба почти вся подохла. Однако арендныя деньги за озеро берденишскіе башкиры по-прежнему получають очень большія: ихъ хватаетъ на уплату всѣхъ податей и различныхъ сельскихъ сборовъ, да еще иногда и остается; дѣло въ томъ, что башкирское Мякотинское общество сдаетъ въ аренду всѣ свои 48 озеръ, какъ рыбныя, такъ и не-рыбныя, вмѣстѣ, и арендныя деньги получаютъ всѣ (ихъ четыре) деревни этого общества поровну.—Не малый доходъ получаютъ также мѣстные башкиры отъ русскихъ жителей сосѣднихъ заводовъ—Каслинскаго (20 в.) и Кыштымскаго, которые во множествѣ арендуютъ у нихъ землю (цѣны, правда, низкія, хотя почва и черноземная; наприм., за десятину земли, приготовленную совсѣмъ къ посѣву пшеницы, 12 р. въ годъ). Сношенія башкиръ на этой почвѣ съ русскими весьма частыя и оживленныя. Всѣ мужчины-башкиры въ деревнѣ говорятъ по-русски, а женщины почти всѣ понимаютъ русскую рѣчь, не владѣя ею. Въ самомъ башкирскомъ языкѣ безпрестанно слышатся русскія слова и даже цѣлыя фразы. Часто слышишь въ рѣчи башкиръ даже русскіе союзы (наприм., «потому что»; признакъ очень глубокаго вліянія одного языка на другой). Нечего и говорить о массѣ культурныхъ словъ, заимствованныхъ вмѣстѣ съ соотвѣтствующими понятіями (наприм., названія всѣхъ частей сохи, многихъ принадлежностей телѣги, „сѣ́мички"—подсолнечное сѣмя, у́лица и т. д. и т. д.). Но едва ли не чаще всего слышится въ устахъ башкиръ выразительная русская брань, самая что-ни-на-есть „трехъэтажная"...

Здѣсь кстати замѣтить, что грамотность и просвѣщеніе распространяются среди мѣстныхъ башкиръ весьма туго, несмотря на существованіе въ деревнѣ русско-татарской земской школы (уже болѣе 10-ти лѣтъ) и мечети. Послѣднюю посѣщаютъ почти одни старики, и то немногіе. И вообще религія и ея обряды играютъ въ жизни здѣшняго башкира очень скромную, едва замѣтную роль.

Другіе, послѣ русскихъ, сосѣди мѣстныхъ башкиръ—мещеряки (мишари), но съ ними никакихъ точекъ соприкосновенія у башкиръ нѣтъ.

Среди окрестнаго русскаго населенія дер. Берденишъ пользуется весьма незавидною славою. „Въ самую воровскую деревню

ѣдете: тамъ свои вожжи воруютъ",—говорили мнѣ про Берденишъ въ Кыштымѣ. Репутація эта вполнѣ справедлива. Воровство, особенно конокрадство, весьма сильно распространено; укрывательство воровъ и краденаго—не менѣе. Воруютъ одинаково и у русскихъ, и у своихъ. Человѣкъ, ворующій овецъ и другой мелкій скотъ изъ стада, еще не называется вóромъ, а евфемистически-пренебрежительно: пакос(т)никъ. На моихъ глазахъ умеръ одинъ сорокалѣтній башкиръ-богачъ: его богатырское здоровье было надломлено тѣмъ, что его много разъ, за его воровскіе подвиги, били и мяли (положивъ подъ доску и садясь на нее) пастухи заводскихъ стадъ. Въ домѣ, построенномъ покойнымъ же братомъ этого башкира, я видѣлъ вмазанную въ кухонную печь чугунную плиту, на которой крестъ и надпись: „Подъ симъ камнемъ покоится прахъ..." Плита, видимо, украдена съ христіанскаго кладбища.

Упоминаю обо всемъ этомъ потому, что воровство развилось у башкиръ, такъ сказать, на глазахъ исторіи. Прежніе авторы говорятъ о полномъ отсутствіи у башкиръ этого порока, по крайней мѣрѣ, между своими (*Е. И. Якушкинъ*, Обычное право русскихъ инородцевъ, 106: изъ „Русск. Курьера" 1880, № 260; *Н. Харузинъ*, Этнографія, *III*, *77*).

Прежде чѣмъ перейти къ левирату, нужно указать, что по воспоминаніямъ мѣстныхъ старожиловъ, въ Берденишѣ живетъ теперь, со времени основанія этой деревни, пятое поколѣніе башкиръ. Предки здѣшнихъ жителей пришли сюда будто-бы изъ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи. Въ преданіи этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но замѣчательно, что обычаи мѣстныхъ (и вообще екатеринбургскихъ) башкиръ, будучи сходны съ обычаями башкиръ сосѣдняго Челябинскаго уѣзда (Оренбургской губерніи), во многомъ отличаются отъ обычаевъ башкиръ Белебеевскаго (а также Верхнеуральскаго) уѣзда—въ чемъ я убѣдился какъ по личнымъ наблюденіямъ (прежде я живалъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ), такъ и по сообщеніямъ свѣдущихъ башкиръ (главнымъ образомъ учителя берденишской школы З. Н. Ибрагимова, прежде служившаго въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ).

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ отличій такого рода—является существованіе у екатеринбургскихъ и челябинскихъ башкиръ *левирата*, чего нѣтъ ни въ Белебеевскомъ, ни въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ.

Случаи левирантыхъ браковъ, конечно, не могутъ быть особенно частыми въ одной деревнѣ. На моихъ глазахъ, такъ сказать, имѣлось всего два такихъ случая. Тотъ богачъ башкиръ (Хужай Мажитовъ), въ домѣ котораго я жилъ, былъ женатъ (четвертый уже разъ, но изъ четырехъ женъ двѣ умерли прежде) на вдовѣ своего умершаго брата. Во время моего пребыванія въ Берденишѣ хорошій мой знакомый, Еліатъ Мажитовъ*), засваталъ вдову своего дяди, умершаго весною нынѣшняго года. Кромѣ этихъ двухъ реальныхъ случаевъ, я разспрашивалъ о подробностяхъ левиратныхъ браковъ многихъ здѣшнихъ башкиръ, и въ результатѣ, надѣюсь, получилъ достаточно полное знакомство съ мѣстными обычаями левирата.

Левиратъ у мѣстныхъ башкиръ не имѣетъ обязательнаго характера. Вдова можетъ и отказаться отъ выхода замужъ за родственника своего мужа; и если она въ такомъ случаѣ останется незамужнею вдовою, то она отъ этого нисколько не страдаетъ. Если же, отказавшись отъ брака съ родственникомъ своего покойнаго мужа, вдова выйдетъ замужъ за чужого, то тѣ родственники, которымъ она отказала въ бракѣ, имѣютъ право взыскать съ новаго мужа вдовы „полный калымъ, т. е. тотъ же самый калымъ, что́ былъ уплаченъ за нее ея покойнымъ мужемъ. Если же родственниковъ по покойному мужу у вдовы нѣтъ, или если они добровольно отказываются отъ своихъ правъ на вдову,—то въ такомъ разѣ она можетъ выйти замужъ за чужого безъ всякаго калыма, такъ же точно, какъ если бы она вышла за родственника (по левирату: въ этомъ послѣднемъ случаѣ калыма никогда не бываетъ).

Первымъ кандидатомъ въ новые мужья вдовы является *младшій братъ* ея покойнаго мужа. Случаи женитьбы по левирату *старшихъ* братьевъ покойнаго встрѣчаются, но гораздо рѣже,-думаю: по той естественной причинѣ, что старшіе братья вообще умираютъ раньше младшихъ.

Вторымъ кандидатомъ является *племянникъ* покойнаго мужа (т. е. сынъ его брата). Въ случаѣ спора двухъ кандидатовъ—дя-

*) Фамилій, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у мѣстныхъ башкиръ нѣтъ; отчество служитъ одновременно и фамиліею; въ рѣдкихъ только случаяхъ фамилія—„по дѣдушкѣ".

ди и племянника—выборъ рѣшаетъ вдова: кого предпочтетъ она, тотъ и женится на ней.

Подобные споры бываютъ обыкновено въ случаяхъ, когда у вдовы много имущества. Дѣло въ томъ, что вдова, не наслѣдуя вообще имущества своего мужа, наслѣдуетъ однако все то, что она принесла въ домъ своего мужа въ качествѣ приданаго, отъ отца (тутъ ея одежда, а также скотъ, особенно кобылы). Это-то имущество вдовы, если его не мало, и является обычно главною притягательною силою для кандидатовъ-жениховъ, какъ въ томъ сознаются и сами башкиры.—Къ этому, собственному, имуществу вдовы присоединяется изрѣдка и небольшая часть мужнинаго имущества, *по завѣщанію* покойнаго мужа; завѣщаютъ, напримѣръ, женѣ десятину посѣяннаго хлѣба (т. е. урожай съ этой десятины въ данный годъ).

Третьимъ кандидатомъ въ женихи является *двоюродный братъ* покойнаго мужа; а еще дальше—какой-нибудь болѣе отдаленный родственникъ мужа.

То обстоятельство, есть или нѣтъ у вдовы дѣти, не имѣетъ никакого значенія при левиратныхъ бракахъ (исключая, разумѣется, естественнаго психологическаго вліянія на настроеніе самой вдовы).

Мѣстные муллы (ихъ въ деревнѣ четыре: два „указныхъ" и два не указныхъ; но всѣ они мало чѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ мужиковъ и большимъ образованіемъ не блещутъ) не возстаютъ противъ левиратныхъ браковъ, хотя послѣдніе и запрещены кораномъ Магомета *).

Другой мѣстный башкирскій обычай, о которомъ я хотѣлъ бы здѣсь сообщить, это ознаменованіе каждой свадьбы (разумѣется, только въ случаяхъ, когда замужъ выходитъ дѣвица, а не вдова) такъ называемымъ „туемъ" **). Туй—это то же самое, что зіинъ

*) „Вамъ запрещено жениться на вашихъ матеряхъ, дочеряхъ, сестрахъ, *теткахъ* съ отцовой и материнской стороны, племянницахъ" (Глава IV ст. 27: Коранъ Магомета, переводъ К. Николаева, изд. 2. М. 1865, стр. 61).

**) Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ башкиръ и, въ томъ числѣ о „туѣ", читатель найдетъ въ статьѣ г. Юлуева: „Къ этнографіи башкиръ"—въ „Этн. Обозр.", кн. 13—14, стр. 216—223. *Ред.*

или джинъ уфимскихъ башкиръ, но послѣдній не имѣетъ никакого отношенія къ брачнымъ торжествамъ, тогда какъ туй—непремѣнная принадлежность свадьбы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи башкирскій туй вполнѣ аналогиченъ „байгѣ“ алтайцевъ (см. *В. Вербицкій*, Алтайцы, 172; о башкирскомъ зіинѣ см., наприм., Русск. Жизнь, 1892 г., № 265),

Сами башкиры производятъ названіе *туй* отъ глагола туймак „ѣсть досыта, обжираться“; туй—повелительное наклоненіе отъ этого глагола. Не знаю, насколько эта этимологія справедлива. Но слово *туй* входитъ, какъ вторая составная часть, въ названіе многихъ башкирскихъ праздниковъ: кромѣ общеизвѣстнаго сабантуя, назову *карга-туй*, какъ екатеринбургскіе башкиры называютъ маленькій праздникъ, бывающій въ томъ случаѣ, когда кто-либо заколетъ барана (карга-туй собственно означаетъ: вороній туй или воронья свадьба). Туемъ башкиры называютъ иногда свадьбу вообще; обычнѣе же названіе это прилагается къ одному только свадебному торжеству. Въ Екатеринбургскомъ и Челябинскомъ уѣздахъ торжество это носитъ общественный характеръ, сопровождаясь общественными играми. Въ другихъ же мѣстностяхъ туй лишенъ такого общественнаго характера (см. наприм. „Къ этнографіи башкиръ“ *П. Назарова*, въ „Этн. Обозр“ 1890, № 1, стр. 188).

Туй происходитъ всегда и обязательно при проводахъ невѣсты къ жениху, т. е. во время, когда калымъ за невѣсту уплаченъ полностью и невѣста переходитъ изъ отцовскаго дома на жительство къ своему жениху. Такъ какъ башкиры Екатеринбургскаго уѣзда предпочтительно берутъ невѣстъ изъ другой волости *) то это обыкновенно бываютъ проводы въ собственномъ смыслѣ слова. Но дѣло нисколько не мѣняется, если женихъ живетъ въ той же самой деревнѣ, гдѣ и невѣста (такіе случаи изрѣдка бываютъ и здѣсь) **).

---

*) Здѣсь наслѣдіе стариннаго обычая, о которомъ *М. В. Лосіевскій* пишетъ: „жениться на дѣвушкѣ своей волости считалось (встарину) большимъ грѣхомъ, преступившихъ этотъ обычай или убивали или отнимали у нихъ жену“ (Справочная книжка Уфимской губ. Уфа 1883. стр. 374).

**) Къ вопросу — была ли у башкиръ экзогамія—слѣдуетъ отнестись вообще осторожно. Левъ фонъ-Бержгольцъ, говоря о башкирахъ—китайцахъ, пишетъ такъ: „Замѣтимъ, что къ другимъ родамъ башкиръ катайцы отно-

Туй бываетъ всегда наканунѣ того дня, въ который невѣста уѣзжаетъ изъ-подъ родительскаго крова. Родные же жениха приглашаются въ гости къ отцу невѣсты наканунѣ туя, и обыкновенно ночуютъ въ домѣ невѣсты. Утромъ въ день туя рѣжутъ непремѣнно лошадь, такъ называемый „туйлыкъ“ (собственно: то, что относится къ тую). Родственники жениха требуютъ, чтобы сватъ ихъ рѣзалъ къ тую хорошую, сытую лошадь, а не какую-нибудь заморенную клячу или жеребенка; въ противномъ же случаѣ публично стыдятъ своего новаго родственника, смѣются надъ нимъ, требуютъ въ вознагражденіе вина, и т. п. Мясо этой лошади идетъ какъ на угощеніе гостей (точнѣе: всѣхъ собравшихся на туй), такъ и на подарки (призы) побѣдителямъ въ имѣющихъ быть на туѣ состязаніяхъ; кромѣ того, какую-нибудь часть „туйлыка“ женихъ послѣ увозитъ съ собою въ домъ невѣсты; это такъ называемый *кіяуйлэк* (буквально: угощеніе отъ жениха для молодой).

Послѣ полудня начинается собственно туй, т. е. общественныя игры съ угощеніемъ всѣхъ присутствующихъ. Туй бываетъ гдѣ-нибудь за деревней, на открытой полянкѣ. На туй всегда собирается многочисленная толпа народа (только мужчинъ: женщинамъ не полагается присутствовать) какъ изъ своей, такъ и изъ сосѣднихъ деревень. Толпа усаживается кругомъ. За порядкомъ слѣдитъ, по довѣренности невѣстинаго отца, какой-либо маститый старикъ, который раздаетъ и подарки побѣдителямъ: самъ отецъ невѣсты, главный хозяинъ и распорядитель празднества, занятъ въ это время приготовленіями къ угощенію гостей.

Начинаются состязанія. Первый нумеръ—борьба (единоборство). Желающіе помѣряться своими силами выступаютъ въ кругъ. Борются одновременно по 2—3 пары. (Пріемы башкирской борьбы описаны въ диссертаціи г. *Никольскаго* „Башкиры“. Борются непремѣнно босикомъ, хотя бы и въ холодное время года. Поваливщій своего соперника на землю считается побѣдителемъ.

Побѣдители подходятъ къ завѣдывающему подарками довѣренному устроителя туя. Тотъ даритъ каждому отрѣзокъ ситца,

---

сятся пренебрежительно, считая ихъ гораздо ниже себя, почему и не берутъ изъ нихъ невѣстъ и не отдаютъ имъ своихъ дѣвушекъ“. Далѣе указаны три случая, въ видѣ исключенія. („Этн. Обозр.“, кн. 18, стр 83). *Ред.*

вершка 2—3 ширины (годятся, въ сущности, только для куколъ дѣтямъ) и горсть пряниковъ. Ситецъ и пряники нарочно для этого покупаются отцомъ невѣсты и отцомъ жениха. Когда ситецъ и пряники выйдутъ (борцовъ бываетъ иногда до 50 паръ), раздаютъ въ качествѣ призовъ мослы сырого мяса отъ „туйлыка".

Получившій подарокъ молодой человѣкъ не оставляетъ его у себя, а сейчасъ же передаетъ его своему почетному знакомому—иногда своему отцу, иногда муллѣ своей деревни, или старшему родственнику. Послѣдній читаетъ краткую молитву, благословляетъ побѣдителя („чтобы у послѣдняго и впередъ силы не убавилось") и часто даетъ ему серебряную монету.

Слѣдующій нумеръ—*бѣгуны* (югрéк, отъ югырмáк—„бѣгать"). Разомъ бѣгутъ обыкновенно человѣкъ 5—10. Разстояніе бѣга назначаетъ отецъ невѣсты; бываетъ оно обычно не больше одной версты. Дарятъ тремъ первымъ бѣгунáмъ обыкновенно по куску мяса, первому—лучшій мосолъ, слѣдующимъ похуже.

Третій и послѣдній нумеръ—скачки на лошадяхъ. Въ этомъ состязаніи участвуютъ обычно мальчики лѣтъ 12—14 (тогда какъ въ первыхъ двухъ молодые люди 15—20 лѣтъ). Скачутъ безъ сѣделъ, съ одними потниками. Дистанцію скачекъ устанавливаетъ родня жениха; самая большая—верстъ на десять. На условленномъ мѣстѣ остается наблюдатель. Скачущихъ бываетъ только одна партія—не болѣе 10 человѣкъ. Призовъ—три (у богатыхъ) или два (у бѣдныхъ). Первый призъ—двухлѣтній жеребенокъ (у бѣдныхъ этого приза не бываетъ). Второй—десять аршинъ ситца или шаль; третій—ребра „туйлыка" или же полотенце.

По окончаніи состязаній начинается угощеніе. Хозяинъ туя (отецъ невѣсты) разсаживаетъ всѣхъ присутствующихъ по кругамъ: человѣкъ десять въ кругъ. Сначала усаживаетъ своихъ родныхъ, потомъ приглашенныхъ имъ гостей (тѣмъ и другимъ, конечно, лучшее угощеніе), а потомъ уже чужихъ, т. е. прибывшихъ на туй безъ особыхъ приглашеній. Этихъ послѣднихъ усаживаетъ обычно въ особомъ порядкѣ, наприм., въ одинъ кругъ—муллъ, въ другой—почтенныхъ старцевъ и т. д. Всего бываетъ до шестидесяти круговъ. На каждый кругъ подается по чашкѣ вареного мяса („туйлыка"), при чемъ на послѣдній кругъ остается иногда очень немного—только „облизнуться".

Угостившись, гости расходятся и разъѣзжаются по домамъ. Ос-

таются одни родные, которые на слѣдующій день присутствують на проводахъ невѣсты.

На слѣдующій день къ невѣстѣ собираются ея подруги. Она вынимаетъ изъ сундука свои, заранѣе приготовленныя (обычно собственной работы) полотенца и скатерти, передаетъ ихъ одной изъ своихъ подругъ или же старшей, замужней, сестрѣ и идетъ по домамъ своей деревни—прощаться. Двѣ подруги ведутъ невѣсту подъ руки: сама она ходитъ съ закрытымъ лицомъ и плачетъ Заходя въ каждый домъ, по порядку, невѣста даритъ каждому домохозяину полотенце или скатерть; хозяинъ же даритъ ей за это серебряную монету—рубль или полтинникъ. Собранныя такимъ образомъ деньги составляютъ собственность невѣсты и употребляются большею частью на нагрудникъ (ягá).

Подруги, ходя съ невѣстой, поютъ все время печальныя пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ въ русскомъ переводѣ:

„Кони моего отца—словно только что вытащенныя изъ воды рыбы *).

Отецъ мой выдалъ меня замужъ не въ деревню, а въ кромѣшный адъ.

Нѣтъ у меня шалей—нечего повѣсить на вѣткѣ яблони.

Не далъ Богъ счастья, а купить не было средствъ.

Въ клѣти (у насъ) висятъ и лежатъ одни рѣшета: рѣдкія и частыя.

Не забыла я еще словъ, сказанныхъ мнѣ моей невѣсткой (женой старшаго брата): они лежатъ у меня на сердцѣ.

Старшій мой братъ не давалъ мнѣ хлѣба изъ сусѣка;

Онъ далъ мнѣ пожить въ дѣвушкахъ столько, сколько живетъ муха **).

Я набрала ягодъ и насушила пастилы ***), разостлавъ ее по тонкой доскѣ;

---

*) Т. е. очень рѣзвы.

**) Т. е. очень мало времени.

***) Кстати замѣтить, пастилы *(как)* здѣшніе башкиры совсѣмъ не дѣлаютъ, хотя ягодъ много и хотя, какъ видимъ, память о ней сохранилась у нихъ въ пѣсняхъ.

Надѣла халатъ, подпоясалась и ѣду въ чужую сторону.

Когда ты, братецъ, оттачиваешь косу, не пристаетъ ли у тебя рука?!

Когда ты видишь, что твоя младшая сестрица уѣзжаетъ,—не горитъ ли у тебя сердце?!

Не реви, телочка: раньше году я не буду доить твою мать *);

Не плачьте, мои родные: раньше году не пріѣду я къ вамъ!

О, если бы я была бѣлымъ голубемъ!

О, если бы я была сизымъ голубемъ! **)

О, если бы я выросла въ своемъ домѣ юношей (не дѣвушкой!) ***)

Объ этомъ обычаѣ коротко упоминаетъ еще *Лепехинъ* (Дневные записки путешествія, томъ II, Спб. 1772. стр. 152). По нему, „невѣста обходитъ *всѣ* кибитки, въ кошѣ находящіяся". Замѣчательно, что теперь, съ прекращеніемъ кочеванія, невѣста обходитъ *всѣ дома деревни*, хотя бы послѣднихъ было болѣе сотни.

Дм. Зеленинъ.

---

*) А значитъ—и кормить теленка молокомъ: такъ какъ башкиры подпускаютъ телятъ къ вымю коровы только во время дойки.

**) Разумѣется: тогда я не улетѣла бы изъ родного дома.

***) Интересующіеся башкирскимъ текстомъ этой пѣсни могутъ получить его отъ автора.

Кавказскія параллели къ фригійскому миѳу о рожденіи изъ камня (—земли).

Новыя открытія, сдѣланныя въ области исторической этнографіи Малой Азіи [1]), должны послужить стимуломъ для сравненія малоазіатской культуры съ кавказской. При этомъ не маловажное значеніе должно получить сравнительное изученіе древне-малоазіатскаго и современно-кавказскаго фольклора, могущее несомнѣнно пролить свѣтъ на религію и духовную культуру этихъ географически и этнически близкихъ между собою этническихъ группъ.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу указать на кавказскія параллели къ фригійскому миѳу о происхожденіи двуполаго существа Агдистиса (Ἄγδιστις Ἄγγδιστις Ἄγγιστις). Миѳъ этотъ входитъ въ циклъ миѳовъ о Кибелѣ [2]). Хотя онъ констатированъ лишь у фригійцевъ, считающихся народомъ индоевропейскаго происхожденія, но, принимая во вниманіе, что культъ Кибелы былъ распространенъ по всей Малой Азіи, можно предположить, что разсматриваемый нами миѳъ существовалъ и у тѣхъ малоазіатскихъ народовъ, которые, по мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, принадлежали къ кавказскому племени. У нѣкоторыхъ изъ такихъ народовъ культъ Кибелы прямо засвидѣтельствованъ древними источниками: таковы напр. лидійцы (*Paus.* III, 22, 4; V, 13, 7; *Strab.* 440, 469; *Diodor* III 58; *Herod.* V, 102; *Plut. Them.* 31 и др.), карійцы (*Plut. Them*, 30; *Strab.* 647) ликійцы.

---

1) См. *Миллеръ*: „Кавказское языкознаніе и вопросы исторической этнографіи передней Азіи“. Э. О. LXX—LXXI.

2) По нѣкоторымъ даннымъ (*Strab.* 10, 469, 12, 567; *Hesych.* подъ сл. Ἄγδιστις) можно предполагать, что самое имя Ἄγδιστις есть только прозваніе Кибелы. Нѣкоторые, впрочемъ, считаютъ его фригійской формой имени *Аттисъ*

Перехожу къ нашему миѳу.

Павзаній (Descr. Gr. VII, 17, 10) разсказываетъ, что, по преданію пессинунтійцевъ, Зевсъ во снѣ пролилъ свое сѣмя на землю, изъ котораго черезъ нѣкоторое время вышло демоническое существо, Агдистисъ, съ мужскимъ и женскимъ половыми органами. Подобное преданіе встрѣчаемъ мы далѣе у *Арнобія* (Adv. nat. V, 5). Ссылаясь на какого-то писателя Тимоѳея, онъ разсказываетъ, что на фригійской границѣ былъ горный хребетъ Agdus. Тамъ изъ камня произошла Кибела. Зевсъ долго тщетно домогался ея любви и, потерпѣвъ неудачу, пролилъ свое сѣмя въ скалу, которая родила ужасное двуполое существо Агдистисъ.

Съ этимъ миѳомъ я предлагаю сравнить слѣдующія сѣверокавказскія (ингушскія) преданія, записанныя *Б. К. Доматомъ* („Страничка изъ сѣверо-кавказскаго богатырскаго эпоса“: Э. О. XLVIII):

1) „*Какъ родился Соска-Солса.*—Одна дѣвушка доила коровъ; близъ того мѣста, гдѣ она доила, былъ синій камень. Одинъ молодой человѣкъ, любившій эту дѣвушку, сѣлъ на этотъ камень и, глядя на нее, онъ пришелъ въ возбужденіе, отчего съ нимъ произошло что-то, и отъ этого въ камнѣ образовался зародышъ Соска-Солса“ (стр. 35).

2) „*Происхожденіе Газдіевыхъ-Базаркиныхъ.*—Въ одномъ мѣстѣ былъ раздвоенный камень. Одинъ молодой человѣкъ легъ на этотъ камень и заснулъ; въ это время мимо него прошла любимая имъ дѣвушка; онъ ее увидѣлъ во снѣ и имѣлъ съ ней сношеніе: сѣмя его попало въ трещину камня. Когда онъ всталъ, то камень сомкнулся, и наверху образовалась шишка. Онъ спросилъ знающихъ людей: что это значитъ? Ему сказали, чтобы онъ всегда слѣдилъ за камнемъ. Шишка все росла и на девятый мѣсяцъ растрескалась, и оттуда вышло дитя. Отъ него произошли Газдіевы или Базаркины“ (стр. 35—36).

Менѣе близкой къ фригійскому миѳу представляется мнѣ слѣдующая осетинская версія (*Вс. Ѳ. Миллеръ*: „Осетинскія этюды“ I, 29).

(Ἄτυς). Напр. *Gosche*: De arianae linguae gentisque armeniacae indole“ p. 21; къ нему присоединяется и *Maury*: „Histoire des religions de la Grèce antique“ III, 98, изъ котораго я и заимствовалъ эту цитату.

„Сóзрvqо былъ (родомъ) изъ Бараевыхъ, но не родился отъ матери и отца. Сатáна была хорошая женщина, и изъ зэдовъ каждый говорилъ: „какъ бы сдѣлать мнѣ ее своей любовницей?“ Однажды Сатáна стирала свои штаны и распялила (ихъ для просушки) на камнѣ на солнцѣ. Вотъ пришелъ Ўáстvрджі и сказалъ: „Твои штаны куда мнѣ уйдутъ?“ (т. е. „куда отъ меня скроются“). Пошелъ Ўáстvрджі къ штанамъ, (лежавшимъ) поверхъ камня и... на нихъ; отъ этого въ утробу камня вошла душа. Сатáна узнала, что Ўáстvрджі... на ея штаны, и что внутрь камня вошла душа. Вотъ начала она считать мѣсяцы камня и, когда пришелъ ему срокъ, она разрѣзала камень, и изъ него вышелъ Сóзрvqо подобный льду и началъ играть“ [1]).

Изъ всѣхъ выше приведенныхъ сказаній видно, что миѳъ о рожденіи изъ камня, оплодотворенннаго мужчиной, былъ извѣстенъ на Кавказѣ. При этомъ, кавказскія версіи этого миѳа и въ част-

[1]) Тождественное съ этимъ преданіе прикрѣплено у осетинъ и къ рожденію богатыря (нарта) Батраза. Разсказывается, что нѣкій пастухъ Тельвесъ, соблазнившись красотой недосягаемой для него Сатáны, стоявшей на противоположномъ берегу рѣки, пустилъ свое сѣмя на камень, внутри котораго затѣмъ развился зародышъ—Батразъ. (См. Сбор. свѣдѣній о Кавказѣ I, 172). Интересно, что преданіе о рожденіи изъ камня Созрыко и Батраза близко напоминаетъ сообщаемый Псевдо-Плутархомъ миѳъ о рожденіи Діорѳа отъ бога Миѳры, при чемъ особенно важно, что этотъ миѳъ былъ извѣстенъ на югѣ отъ Кавказа на берегахъ Аракса. Миѳрасъ (Μίθρας) хотѣлъ имѣть сына; но такъ какъ онъ ненавидѣлъ женскій полъ, то пустилъ свое сѣмя на скалу, которая родила ему сына, по имени Діорѳа. Въ цвѣтѣ молодости этотъ Діорѳъ былъ убитъ Марсомъ, котораго онъ вызвалъ на состязаніе, послѣ чего былъ по опредѣленію боговъ превращенъ въ гору, носящую его имя“ (у рѣки Аракса) [См. извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ К. Гана въ IV Вып. Сборника Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, стр. 157]. Упоминаемое здѣсь имя Миѳрасъ свидѣтельствуетъ о культѣ бога Миѳры въ Закавказьѣ, въ Арменіи, о чемъ сохранились показанія армянскихъ историковъ (Эгише, Стефана Таронскаго, см. Langlois, Collection d' histoire Armén. I. 168; Стефанъ Таронскій, переводъ Эмина, стр. 272). То, что здѣсь приписывается сыну Миѳры Діорѳу, приписывается въ нѣкоторыхъ древнихъ сказаніяхъ ему самому: Миѳра самъ рожденъ скалою (Justin. dial. c. Tryph. 70), вслѣдствіе чего называется Πετρογενής („Рожденнымъ скалой“). Сопоставленіе миѳа о Діорѳѣ съ осетинскими преданіями о Батразѣ и Созрыко сдѣлано мною въ рецензіи IV-й Вып. Сборн. Мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, напечатанной въ журн. М.-Н. Просв. 1885 г. май). *Вс. М.*

ныхъ подробностяхъ совпадаютъ съ фригійскими. Такъ, по редакціи Павсанія, Зевсъ пролилъ сѣмя во снѣ; то же мы видимъ во второй ингушской легендѣ. По версіи Арнобія (Тимоѳея), Зевсъ передъ оплодотвореніемъ камня домогался любви Кибелы; во всѣхъ 3-хъ кавказскихъ преданіяхъ любовь къ дѣвушкѣ тоже является причиной оплодотворенія камня [1]).

Главное различіе, пожалуй, заключается въ томъ, что во фригійскомъ миѳѣ существо, родившееся изъ камня,—двуполое, а въ кавказскихъ миѳахъ—однополое. Впрочемъ, можетъ быть, это лишь позднѣйшее искаженіе вслѣдствіе забвенія. Я во всякомъ случаѣ думаю. что герои или боги - гермафродиты были извѣстны на Кавказѣ. Для подтвержденія своего мнѣнія укажу на подвѣски съ бронзовыми человѣческими изображеніями, найденныя въ Осетіи въ кладѣ при Стефан-Цминде г-номъ Филимоновымъ и хранящіяся частью въ Историческомъ Музеѣ, частью въ коллекціи А. В. Комарова [2]). Одна изъ нихъ (въ коллекціи Комарова) имѣетъ ясно выраженные признаки гермафродита [3]). Двѣ другія, хранящіяся въ Историческомъ Музеѣ, по словамъ графини Уваровой, „совершенно одинаковы“ съ экземпляромъ Комарова, „по размѣрамъ, строенію и подробностямъ нагого тѣла“[4]).

Остановимся еще на одной подробности. Въ обѣихъ версіяхъ фригійскаго миѳа лицомъ, оплодотворяющимъ камень, является Зевсъ. Очень возможно, что и на Кавказѣ это приписывалось какому-нибудь богу. Замѣтимъ при этомъ, что въ цѣломъ рядѣ кавказскихъ языковъ слова, обозначающія „небо“ или „богъ“ по созвучію очень похожи на греческ. Ζεύς: напр., обхазск. нт̄цва= =„богъ“, аварск. зоб, кюрин. цаw, табасар. ζав, хюрканск. (даргинск.) ζуβрі [5]), лакск. (кази-кумухск.) ссау, грузинск., мингрельск., имеретинск. ца=„небо“[6]). Можетъ быть и въ миѳѣ объ Агдистисѣ

---

[1]) Менѣе ясно эта подробность выражена въ осетинской версіи.

[2]) *Гр. Уварова*: „Могильники Сѣвернаго Кавказа“ (Мат. по Арх. Кавк. вып. VIII) стр. 145, 148; рис. 125—127; табл. LXXI, 8.

[3]) Тамъ-же рис. 127; менѣе ясно табл. LXXI, 8.

[4]) Тамъ-же стр. 148.

[5]) Собств. „небеса“ (plur majestatis);—*рі*=суффиксъ nomin. plurl.

[6]) Сами картвельскіе народы, повидимому, отожествляли греческаго Зевса со своимъ богомъ неба *Ца*, что видно изъ того, что греческое названіе четверга—„день Зевса“—переведено на мингрельскій и сванетскій языкъ, какъ

у малоазіатскихъ сродичей современныхъ кавказскихъ народовъ лицо, оплодотворявшее камень, имѣло подобное названіе, чтó и дало грекамъ поводъ отожествить его съ Зевсомъ.

На этомъ я и позволю себѣ закончить свой маленькій экскурсъ, оставляя за собою право впослѣдствіи еще возвратиться къ нѣкоторымъ вопросамъ, затронутымъ въ немъ.

Н. С. Т.

„день Ца": мингрел. *цашка*, сванск. *цаашладеү*. (Въ грузинскомъ языкѣ тутъ произошла путаница, и „днемъ Зевса", *diocica*, называется пятница, греческое названіе которой, „день Афродиты", перенесено на четвергъ въ видѣ *афродітica*).

СМѢСЬ.

О религіозномъ состояніи инородцевъ Пермской и Оренбургской епархіи.

(По отчетамъ миссіонеровъ).

Въ приложеніи къ „Православному Благовѣстнику“ за 1907 годъ напечатанъ „Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1906 годъ“, содержащій въ себѣ очень интересныя свѣдѣнія о современномъ религіозномъ состояніи нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ нашего Востока. Позволяемъ себѣ сдѣлать краткое извлеченіе изъ той, имѣющейся у насъ подъ руками, части „Отчета“, которая помѣщена въ приложеніи къ № 22 (ноябрь, книжка 2-ая) „Православнаго Благовѣстника“ и которая касается религіознаго состоянія инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

Относительно многочисленныхъ инородцевъ Пермскаго края въ „Отчетѣ“ находимъ общее замѣчаніе, что они „легко поддаются вліянію окружающихъ ихъ не только язычниковъ и магометанъ, но иногда даже старообрядцевъ... Не говоря уже объ язычникахъ инородцахъ, ревностно выполняющихъ свой богослужебный культъ и строго держащихся обычаевъ своихъ предковъ, даже и крещеные изъ инородцевъ обыкновенно не соблюдаютъ христіанскихъ обрядовъ и не слѣдуютъ правиламъ христіанской жизни, такъ что оо. миссіонерамъ приходится наставлять послѣднихъ наравнѣ съ некрещеными, побуждать ихъ къ исполненію обязанностей принятаго ими на себя званія христіанъ“. Въ отчетномъ году зарегистрированъ только одинъ случай обращенія въ христіанство— крещеніе магометанина (стр. 95).

Въ частности, необходимо отмѣтить, что въ то время какъ вогулы нѣкоторыхъ деревень Верхотурскаго уѣзда — бывшіе

ясачные, а нынѣ государственные крестьяне—„совершенно обрусѣли и даже позабыли свой природный вогульскій языкъ и говорятъ теперь по русски и ничѣмъ не отличаются отъ русскаго крестьянина по образу жизни“, при чемъ „христіанство смѣнило здѣсь шаманство и въ значительной степени вытѣснило прежнія языческія понятія и суевѣрія“,—кочующіе на сѣверѣ уѣзда вогулы (до 70 душъ) все еще остаются полуязычниками, у которыхъ „вѣра христіанская перемѣшана съ языческими понятіями“. Отчетъ констатируетъ, что у нихъ „кровавыя жертвоприношенія процвѣтаютъ въ полной силѣ, при чемъ они совершаются въ честь Господа Іисуса Христа, Божіей Матери и св. Николая Чудотворца, которые въ представленіи вогулъ являются—бѣлымъ, добрымъ и строгимъ шайтанами“. Замѣчательно, что, по свидѣтельству русскаго торговца, „и православные русскіе люди приносятъ и жертвуютъ въ храмы овецъ, телятъ и другихъ животныхъ, которыхъ рѣжутъ и здѣсь же продаютъ“. Русскій торговецъ въ данномъ случаѣ отвѣчалъ за вогулъ на возраженія священника и его доказательства о грѣховности такихъ жертвоприношеній, доказывая, въ свою очередь, что „вогульскія жертвоприношенія въ честь Бога и св. угодниковъ представляютъ собою не что иное, какъ подраженіе тѣмъ же православнымъ“. Хотя священникъ пытался „доказывать и разъяснять существенную разницу“ между этими жертвоприношеніями, но съ большою вѣроятностью можно предположить, что эта разница осталась неясною даже для русскаго торговца, а объ инородцахъ и говорить нечего.

Говоря о способѣ погребенія у вогулъ, отчетъ сообщаетъ, что „вогульское кладбище расположено на возвышенномъ мѣстѣ (увалѣ) и очень каменистомъ, могилъ вогулы не копаютъ, а строятъ небольшой деревянный срубецъ, ставятъ въ него гробъ съ покойникомъ, заваливаютъ гробъ камнями и срубъ закрываютъ досками. Рядомъ съ первымъ всегда ставится и второй срубъ, предназначенный для склада тѣхъ вещей и предметовъ, которыми пользовался покойный при жизни,—какъ то: одежды, обуви, чайника, котелковъ и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ срубовъ лежитъ и гніетъ добра рублей на 100 и болѣе. При могилѣ умершаго, послѣ похоронъ, закалывается нѣсколько оленей, принадлежащихъ умершему или умершей, мясо оленей съѣдается здѣсь же тѣми вогулами и родственниками, которые сошлись

почтить память умершаго, а шкуры убитыхъ животныхъ кладутся въ срубъ". Поставленные при могилахъ „небольшіе восьми-конечные кресты, сдѣланные изъ тонкихъ, въ видѣ школьныхъ квадратиковъ, палочекъ", должны служить признакомъ того, что здѣсь христіанское, а не языческое кладбище.

Что касается Оренбургской епархіи, то въ нѣкоторыхъ инородческихъ приходахъ, такъ называемыхъ нагайбакскихъ (нагайбаки—крещеные татары), въ отчетномъ году замѣтно было сильное движеніе къ магометанству. Это слѣдуетъ сказать въ особенности относительно Нѣжинскаго и Требіатскаго нагайбакскихъ поселковъ и Ильинской станицы. Собственно говоря, въ первомъ изъ названныхъ поселковъ нагайбаки „всегда находились подъ сильнымъ вліяніемъ ислама и склонны были къ магометанству", но „особенно усилилась открытая магометанская пропаганда послѣ объявленія Манифеста о свободѣ вѣроисповѣданія". Главную причину массоваго отпаденія нѣжинскихъ нагайбаковъ въ магометанство отчетъ видитъ въ щедрой матеріальной помощи, которую имъ оказываютъ всѣ состоятельные татары; кромѣ того, тою же матеріальною зависимостью объясняется въ отчетѣ и склонность къ магометанству требіатскихъ нагайбаковъ, имѣющихъ къ тому же возможность слушать устную проповѣдь ислама на пріискахъ, гдѣ они проводятъ большую половину года въ качествѣ чернорабочихъ и старателей и гдѣ имѣется мулла и медрессе (начальное магометанское училище). „Въ Ильинской станицѣ незамѣтно матеріальной помощи нагайбакамъ со стороны татаръ, но зато нагайбаки все время вращаются среди татаръ, башкиръ и киргизовъ—магометанъ. По отзыву священника Мордвова, и русскіе православные жители станицы мало религіозны, рѣдко посѣщаютъ храмъ и плохо исполняютъ христіанскія обязанности" (стр. 107).

Какъ видно изъ данныхъ отчета, приходскіе священники почти безсильны бороться съ все возрастающимъ вліяніемъ ислама. Такъ, на религіозныя бесѣды, на которыя приглашаетъ нагайбаковъ священникъ, они не являются и даже всячески избѣгаютъ съ нимъ встрѣчи, а при встрѣчѣ „на всѣ увѣщанія священника даютъ только одинъ отвѣтъ": „я, батюшка, ни православной, ни магометанской вѣры хорошо не знаю, спорить съ вами не могу. Всѣ наши нагайбаки переходятъ въ магометанство, а если я одинъ

останусь въ православіи, то всѣ прочіе сдѣлаются моими врагами и житья мнѣ не будетъ“ (стр. 106). Въ Требіатскомъ поселкѣ съ 1902 года состоитъ священникомъ нагайбакъ Макарій Софроновъ, который хорошо знаетъ „противомусульманское ученіе“ и „ведетъ религіозно нравственныя бесѣды съ нагайбаками и полемическія бесѣды съ отпавшими и прочими магометанами“. При всемъ томъ, „несмотря на его стараніе, магометанское вліяніе не ослабѣваетъ, а, наоборотъ, усиливается“, такъ что „въ концѣ 1905 года перешло въ магометанство два семейства нагайбаковъ“, причемъ отчетъ констатируетъ, что „только благодаря дѣятельности священника Софронова въ этомъ поселкѣ нѣтъ массовыхъ отпаденій“. Если въ остальныхъ нагайбакскихъ приходахъ магометанскаго вліянія, по словамъ отчета, незамѣтно, то это обстоятельство и объясняется именно тѣмъ, что „по близости къ этимъ приходамъ не имѣется татарскихъ селеній, и въ самыхъ поселкахъ нѣтъ татаръ (стр. 108).

Вотъ все, что можно было извлечь изъ отчета по вопросу о религіозномъ состояніи инородцевъ двухъ епархій, строго придерживаясь фактической стороны. Къ сожалѣнію, „Отчетъ“ не удержался до конца на почвѣ фактовъ и въ своемъ заключеніи (№ 24, декабрь, книжка 2-ая, стр. 129) всѣ отмѣченные выше случаи отпаденія инородцевъ „въ прежнія языческія суевѣрія“ пытается приписать, совершенно голословно и въ разрѣзъ съ высказанными ранѣе сужденіями, волнѣ такъ называемаго „освободительнаго движенія“, которая коснулась будто бы и нашихъ миссій. Такое утвержденіе является для читателя „Отчета“, по меньшей мѣрѣ, неожиданнымъ, такъ какъ на всемъ его протяженіи на роль освободительнаго движенія въ дѣлѣ частичнаго или массоваго отпаденія инородцевъ отъ православія нѣтъ даже малѣйшаго намека. Это и понятно: тогда какъ „Отчетъ“ составленъ на основаніи фактическихъ сообщеній миссіонеровъ, — придѣланное къ нему заключеніе носитъ явные слѣды канцелярскаго творчества...

Э. П.

Гончарное производство въ г. Козельскѣ.

Въ г. Козельскѣ, Калужской губерніи, гончарное производство постепенно сокращается. Еще 15 лѣтъ тому назадъ на окраинѣ города было нѣсколько гончарныхъ заведеній; въ настоящее же время, какъ это пришлось узнать лѣтомъ 1908 г., число ихъ значительно уменшилось, и лишь одно заведеніе вырабатываетъ сравнительно большое количество глиняной посуды. Обыкновенно работаетъ самъ хозяинъ; ему помогають два, а то и одинъ работникъ. Техническую сторону дѣла наблюдать мнѣ не пришлось, такъ какъ въ первыхъ числахъ іюля работа на нѣсколько дней была прекращена въ виду достаточнаго запаса посуды. Торгуютъ глинянымъ товаромъ на городской площади, гдѣ находятся торговые ряды весьма примитивной конструкціи. Изъ заведенія въ лавку товаръ доставляють въ лубяныхъ коробахъ, переложенныхъ соломой, въ виду хрупкости посуды. Весь городъ пользуется этими глиняными произведеніями, окрестныя деревни также раскупаютъ ихъ на базарѣ. Цѣна имъ не высока: отъ 2 до 20 к. за штуку, смотря по величинѣ.

Посуда Козельскаго производста блѣдно-желтаго цвѣта съ празеленью, при чемъ зеленый цвѣтъ иногда сгущается по мѣстамъ, и происходитъ нѣкоторая пестрота, которая служитъ къ украшенію глиняныхъ вещей. Посуда обожженная и глянцовитая; но этотъ глянецъ въ большинствѣ случаевъ наведенъ довольно небрежно, почему многія вещи тусклы и цвѣтъ ихъ нечистый, сѣроватый. Такая небрежность въ обжиганіи ведетъ къ тому, что жидкость, помѣщаемая въ такіе глиняные сосуды, впитывается въ его стѣнки, плохо смывается и грязнитъ посуду. Поверхность посуды неровная, глина, употребляемая въ дѣло, довольно плохого качества. Но иногда нѣкоторыя вещи выходятъ случайно чисто отдѣланными, тогда онѣ производятъ очень пріятное впечатлѣніе и кажутся даже изящными, тѣмъ болѣе, что форма нѣкоторыхъ сосудовъ отличается удачно расположенными линіями. Внѣшній видъ глиняной посуды Козельска не замысловатъ—это тарелки, поддонники для цвѣточныхъ горшковъ, тазы, крынки, горшки для цвѣтовъ, миски для горячаго, банки для варенья,—болѣе сложны

махотки для русскаго масла (горшокъ съ носикомъ) кувшины съ широкой нижней частію, довольно узкимъ, слегка расширяющимся сверху, горломъ, рукомойники (крынки съ двумя ручками колечкомъ и двумя носиками, расположенными на противоположныхъ сторонахъ другъ противъ друга), двойчатки и тройчатки—два, три горшка широкихъ, развалистыхъ съ крышками, слѣпленныхъ вмѣстѣ, съ широкой полукруглой ручкой, за которую эту двойчатку или тройчатку берутъ и несутъ; въ нихъ крестьяне носятъ съ собою пищу на сѣнокосъ или на жатву; чайники, кубышки—широкія круглыя съ ручкой колечкомъ, бутылки съ короткимъ, узенькимъ, рубчатымъ горлышкомъ, служащія для воды, квасу, молока, постнаго и лампаднаго масла. Размѣръ кубышекъ разнообразный, есть небольшія, шарообразныя, внизу болѣе узкія, чѣмъ въ серединѣ, а есть и очень большія. Мыть эти сосуды трудно,—горлышко у всѣхъ большихъ и маленькихъ шириною съ указательный палецъ взрослаго некрупнаго человѣка; обыкновенно для мытья въ нихъ наливаютъ воду съ пескомъ и мелкими камешками, болтаютъ ее и треніемъ песка отмываютъ загрязненную внутренность. Въ такихъ кубышкахъ носятъ постное масло торговцы гречневиками; лѣтъ сорокъ тому назадъ къ кубышкѣ эти разносчики обыкновенно обращались съ припѣвомъ: „лей кубышка, поливай кубышка, не жалѣй хозяйскаго добришка“, при этомъ щедро поливали конопляннымъ масломъ продаваемый товаръ.

Кромѣ необходимой хозяйственной посуды изъ глины, выдѣлываются дѣтскія игрушки свистульки разныхъ размѣровъ и та же посуда въ миніатюрномъ видѣ.

На разспросы о состояніи гончарнаго производства хозяйка-торговка стала жаловаться на то, что занятіе это невыгодное, что вещи дешевы, а между тѣмъ работа надъ ними тяжелая (особенно переноска глиняной массы на рукахъ), что все меньше и меньше становится желающихъ заниматься этимъ ремесломъ, что на ярмаркахъ спросъ на эту посуду уменьшается.—Между тѣмъ въ г. Козельскѣ и окрестныхъ деревняхъ въ широкомъ употребленіи описанная глиняная посуда; форма и внѣшній видъ ея не измѣняются и не улучшаются; м. б., въ этомъ лежитъ причина того, что ее, при возможности, замѣняютъ иною.

Образцы козельской глиняной посуды находятся въ этнографич. отдѣлѣ Румянцовскаго Музея.

Е. Елеонская.

Женскій костюмъ пригородныхъ деревень г. Козельска.

Подъ Козельскомъ внизъ по теченію р. Жиздры въ $4^1/_2$ верстахъ отъ города лежитъ деревня Дешевки. Несмотря на свою близость къ городу, здѣсь крестьянскій женскій костюмъ сохранился въ своей живописной полнотѣ, хотя на протяженіи послѣднихъ 15 лѣтъ можно усмотрѣть въ немъ различныя измѣненія. Основною частью одежды служитъ очень длинная рубашка, ее подпоясываютъ и выдергиваютъ надъ поясомъ такъ, чтобы внизу она спускалась на четверть ниже колѣнъ. Подолъ рубашки разукрашивается очень широкимъ узоромъ, такъ что низъ рубашки представляется юбкой и, собственно говоря, замѣняетъ ее. Узоръ составляется обыкновенно такъ: самый низъ обметывается толстыми красными нитками (бумажными), затѣмъ идутъ уже вытканныя полосы краснаго нехитраго узора, по нимъ нашиты тесемки красныя, черныя, синія (не широкія) или полоски кумачу, тѣ и другія усаживаются блестками. Такъ же расшиваются наплечья рукавовъ и верхняя часть рукава до половины; рукава не засучиваются, а плотно застегиваются у кисти. Становище рубашки по преимуществу посконное (съ примѣсью льняныхъ нитокъ), верхняя часть изъ льняной ткани. Въ настоящее время крестьянки начали широко употреблять для тканья бумажную пряжу, такъ что найти чисто льняное полотно очень трудно. По ихъ увѣреніямъ, бумажную пряжу легче приготовлять, она ровнѣе, и вытканное изъ нея (съ примѣсью льна) полотно гораздо бѣлѣе и оттого наряднѣе. Иногда вмѣсто вытканныхъ красныхъ полосъ на рукавахъ встрѣчаются вышивки крестомъ, взятые съ печатныхъ тетрадокъ узоровъ. Такую рубашку носятъ всѣ женщины, старухи, дѣвушки, дѣвочки. Самый широкій и нарядный подолъ устраиваютъ себѣ дѣвушки и молодыя женщины, у дѣтей и старухъ украшеньемъ на подолѣ служатъ лишь вытканныя неширокія красныя полосы. Заботливыя матери и маленькимъ дѣвочкамъ расшиваютъ подолъ праздничной рубашки. Съ распространеніемъ бумажной пряжи оказывается меньше нужды во льнѣ, почему имъ меньше занимаются.—Второй важною частью одежды служитъ „за-

навѣска", это передникъ съ открытымъ воротомъ, длинный спереди, а сзади доходящій до половины спины и съ широкими проймами для рукъ. Въ настоящее время „занавѣски шьются изъ ситца преимущественно краснаго и розоваго, встрѣчаются и ярко-желтыя и зеленыя; полотняныя занавѣски, затканныя и расшитыя до груди встрѣчаются все рѣже и рѣже. Но и ситцевыя занавѣски украшаются непремѣнно: внизу узенькая оборочка, затѣмъ пестрые ряды, цвѣтныхъ тесемокъ и блестки. Завершается костюмъ черной плисовой безрукавкой, сшитой складно въ талію, съ пышными сборками кругомъ. Сборки эти у пояса плотно сжаты, а внизу пышно расходятся, длина безрукавки отъ пояса четверти двѣ. Воротъ спереди очень открытъ, что необходимо, ввиду большого количества бусъ, которыя носятъ женщины. Воротъ даже и полушубковъ низко вырѣзается. Нижній край безрукавки украшается узенькими цвѣтными тесемками и блестками, но не всегда, иногда украшается лишь уголъ правой полы. Носятъ безрукавку обыкновенно, не застегивая, такъ что она сидитъ свободно и какъ будто бы небрежно. Голову покрываютъ платками ситцевыми пестрыми, преимущественно красными, шерстяными и шелковыми. Нѣкоторыя любятъ лишь бѣлые платки, у нѣкоторыхъ платки шерстяные на затылкѣ расшиты блестками. Болѣе сложный головной уборъ постепенно выходитъ изъ употребленія; это такое убранство: широкая лента съ золотымъ позументомъ надѣвается низко на лобъ, а изъ-подъ нея выпускаются (пришиты къ лентѣ) селезневыя перышки колечками (изъ хвоста), къ лентѣ же пришиты длинныя черныя кисти, онѣ спускаются по ушамъ до плечъ, эта лента сверху закрывается платкомъ, такъ что видна только спереди. Серьги носятъ разнообразныя, б. ч. крупныя, иногда самодѣльныя, низанныя изъ бисера.—Замужнія женщины всегда носятъ двѣ косы, положенныя вокругъ головы (дѣвушки косу распускаютъ по спинѣ), на нихъ надѣтъ повойникъ такъ, что волосы (всегда у всѣхъ расчесаны на прямой проборъ) видны. Поверхъ повойника, скрывая его, надѣтъ платокъ. (Лента съ перышками и кистями надѣвается поверхъ повойника). Къ описанному костюму у замужнихъ присоединяется панёва. Это очень плотная и тяжелая матерія посконная, иногда шерстяная. Узоръ ея—клѣтка, темносиняя и красная. Клѣтка широкая—темная, ограничивающія ее линіи крас-

ныя и значительно уже, иногда онѣ ткутся очень тонкими. Дома крестьянки не окрашиваютъ вытканныхъ матерій, а даютъ на сторону въ спеціальныя красильни. Обыкновенно паневы ежедневныя безо всякихъ украшеній—это четыреугольный кусокъ матеріи, на поясѣ, надѣвается лишь назадъ и покрываетъ половину боковъ, длина его наравнѣ съ рубашкой. У молодыхъ женщинъ панева внизу ушита разноцвѣтными тесемками и блестками. Углы нижніе (иногда одинъ) паневы отворачиваются и пришиваются въ такомъ положеніи, эти углы особенно изукрашены блестками. Будничныя паневы немного обшиты пестрой тесьмой. На поясѣ панева не пришита, а вздѣта, такъ что сбирается полными сборками, углы ея обыкновенно подтыкаются подъ поясъ и она сзади имѣетъ видъ подобранной юбки.—Обувь состоитъ преимущественно изъ грубо вязанныхъ чулокъ и полусапожекъ, иногда (въ будни) носятъ лапти, ходятъ и босикомъ.—Главное измѣненіе въ настоящее время идетъ не въ покроѣ одежды, а въ матеріалѣ, т.-е. ситецъ начинаетъ вытѣснять остальныя матеріи, изъ него дѣлаютъ и верхнюю часть рубашки и всѣ занавѣски. Такъ называемыя „шубки“, т.-е. широкія, длинныя, поверхъ груди застегивающіяся юбки съ проймами, давно уже были въ этой мѣстности, такъ, напр., въ самомъ городѣ и другой деревнѣ Стенинѣ по московскому почтовому тракту верстахъ въ 5 отъ Козельска исключительно носятъ шубки; безрукавки плисовыя носятъ сверхъ нихъ. Распространенію шубокъ главнымъ образомъ конечно содѣйствуетъ распространеніе ситца и уменьшеніе собственноручной выдѣлки посконныхъ и льняныхъ тканей, кромѣ того, хожденіе на заработки въ большіе города содѣйствуетъ развитію насмѣшливаго отношенія къ мѣстному костюму (особенно паневѣ) какъ со стороны мужчинъ, такъ и женщинъ.

Е. Елеонская.

Благовѣщеніе.

(По народнымъ повѣрьямъ и обычаямъ Тульской губерніи).

Благовѣщеніе — одинъ изъ тѣхъ праздниковъ, къ которымъ русскій народъ относится съ особеннымъ уваженіемъ и къ

которымъ пріурочиваетъ много интересныхъ вѣрованій и обычаевъ.

„На Благовѣщенье", говорится въ народѣ въ Тульской губерніи, „и птица гнѣзда не вьетъ": такъ великъ и святъ день 25-го марта. Дѣлать въ этотъ праздникъ что-либо, кромѣ ужъ самаго необходимаго, почитается тяжкимъ грѣхомъ, который строго, а иногда и явно, карается Богомъ. Въ подтвержденіе этого крестьяне приводятъ слѣдующій расказъ.

— „Одна барыня на Благовѣщенье, еще до заутрени, занялась дѣлами по хозяйству и вдоволь наругалась съ прислугой, а потомъ отправилась къ обѣднѣ. Въ церкви она накупила свѣчей и начала было ихъ разставлять передъ образами. Но лишь только подошла она къ иконѣ Благовѣщенія, какъ была охвачена страшнымъ пламенемъ, которое не въ силахъ были затушить. Такъ барыня на глазахъ народа сгорѣла до тла".

— „Птицу неразумную", толкуетъ народъ, „и ту Богъ не щадитъ, если она окажетъ неуваженіе къ святости этого праздника".

Разсказываютъ, что какъ-то, вернувшись изъ теплыхъ странъ, грачъ, съ намѣреніемъ поскорѣе устроить себѣ жилище, принялся за работу 25 марта, и что же—поплатился жизнью, „захлеснувшись", т. е. удавившись прутикомъ, который ему хотѣлось принести для своей постройки.

Даже за самыя необходимыя дѣла, напримѣръ,—приготовленіе для себя пищи, кормленіе скотины и проч. крестьяне принимаются не раньше богослуженія. Вечеромъ въ этотъ праздникъ нѣкоторые пчеловоды не зажигаютъ въ домахъ огня, изъ опасенія, что огонь, зажженный для житейскихъ надобностей, да къ тому же отъ такого грубаго матеріала, какъ керосинъ, закоптитъ въ этотъ день ликъ Божій, за что Богъ прогнѣвается и, во время сбора меда, поразитъ слѣпотою пчелъ нечестиваго хозяина.

Уваженіе святости этого праздника въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до того, что даже день недѣли, въ которой было Благовѣщеніе, считается священнымъ во весь текущій годъ, и на него не начинаютъ ни жать, ни косить хлѣба, ни дѣлать какихъ-либо другихъ важныхъ дѣлъ.

Во многихъ приходахъ на Благовѣщеніе въ церкви священникъ

раздаетъ домохозяевамъ по просфорѣ,—для чего передъ Благовѣщеніемъ собираетъ съ прихожанъ мукой, овсомъ или гречей,—что и сколько кто дастъ. Кромѣ того, почти каждая хозяйка въ этотъ праздникъ печетъ, большею частью изъ ржаной муки, просфоры, не для литургіи,—ихъ даже и въ церковь не носятъ,—а для домашняго употребленія. Въ одну ихъ нихъ бываетъ запечена копейка, и относительно этой просфоры бросаютъ жребій между всѣми членами семьи. Эта просфора сулитъ, будто бы, счастье въ теченіе года тому, кому она достанется. Такой счастливецъ, будь онъ взрослый или подростокъ, долженъ потомъ начинать сѣвъ ярового, хотя бы бросивъ одну горсть сѣмянъ; причемъ въ сѣмена кладутся кусочки „благовѣщенской“ просфоры, или полученной отъ священника, или-же той, въ которую была запечена копейка. Иногда эти просфоры берегутъ до уборки хлѣба, и тогда кусочки ихъ кладутъ подъ первый снопъ, который полагается въ основаніи скирда: вѣрятъ, что въ такомъ скирдѣ ужъ не заведутся мыши.

Давать что-нибудь взаймы 25 марта, по народному повѣрью, нельзя, такъ какъ давшій—въ томъ же году непремѣнно потерпитъ какой нибудь ущербъ въ хозяйствѣ.

— Къ одной бабѣ, разсказываютъ, какъ-то пришла на Благовѣщенье сосѣдка и проситъ хлѣбушка. Хозяйка была больна и не поднималась съ постели. Услыхавши просьбу сосѣдки, она и говоритъ мужу: „Что жъ, ей и отдать все, что Богъ уродитъ на нашу долю—и въ полѣ, и въ домѣ?!.. не давай—не такое время выбрала“. А мужъ ей: „Экіе пустяки! Ай не знаешь: „кто будетъ ворожить, тому нечего будетъ и въ ротъ положить!“ И онъ далъ сосѣдкѣ хлѣба. Пришло лѣто,—у этого хозяина всѣ куры поколѣли. На другой годъ на Благовѣщенье является сосѣдка опять съ какой-то просьбой. Хозяйка отказала, и у нихъ во весь годъ въ хозяйствѣ было благополучно. Но на третій годъ, на Благовѣщенье и отлучись она изъ дому. Выждала это время коварная сосѣдка и выпросила огня у ея мужа,—перевелись затѣмъ у нихъ овцы... Такъ заканчивается эта легенда.

Обыкновенно на Благовѣщенье въ деревняхъ начинаются уличныя игры. Послѣ обѣда молодежь выходитъ на улицу, становится въ кругъ и, схватившись рука съ рукой, начинаютъ закликать весну:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На жердочкѣ,
На тоненькой,—
На досточкѣ,
На славенькой,—
Съ хлѣбами обильными,
Со льномъ высокімъ!

Послѣ этого привѣтствія желанной гостьи молодежь дѣлится на двѣ партіи и поетъ пѣсню:

А мы копань копали, копали!
Ой, день-ладонъ копали, копали!
А мы просо сѣяли, сѣяли!
Ой, день-ладонъ сѣяли, сѣяли! и т. д.

Съ праздникомъ Благовѣщенья соединяется не мало народныхъ примѣтъ; напримѣръ: какова погода на Благовѣщеніе, такова и на Пасху; ясное небо 25 марта предвѣщаетъ частые пожары слѣдующимъ лѣтомъ, а пасмурное—рѣдкіе; корова, отелившаяся на Благовѣщенье первымъ теленкомъ, бываетъ молочна, но тлелята отъ нея „не живущи", т. е. обыкновенно колѣютъ; кто будетъ въ день Благовѣщенія ѣсть медъ, въ теченіе всего года будетъ говорить медовыя рѣчи; кто ругается въ этотъ день, тотъ будетъ ругаться весь годъ; кто увидитъ суровую, небѣленую пряжу, тому придется будущимъ лѣтомъ видѣть казюлю, т. е. гадюку; кому удастся до заутренняго благовѣста украсть что-нибудь счастливо, т. е. не попавшись, тотъ можетъ безопасно воровать въ теченіе цѣлаго года,—отсюда обычай „заворовывать" 25 марта.

Д. Успенскій.

Людоѣдство на островахъ Ниссанъ.

Въ нѣмецкомъ журналѣ „Zeitschrift für Ethnologie" (1908. I, стр. 107—115) напечатаны письма д-ра Турнвальда, адрессованныя проф. Лушану и сообщающія интересныя подробности о поѣздкѣ автора на остр. Ниссанъ и на Каролинскіе острова. Заимствуемъ изъ этихъ писемъ свѣдѣнія о людоѣдствѣ на остр. Ниссанъ (группа небольшихъ островов, расположенная между Саломоновыми островами и Новымъ Мекленбургомъ; населеніе принадлежитъ къ меланезійцамъ).

„Уже первыя свѣдѣнія выяснили, что каннибализмъ господствуетъ на всей группѣ и что въ послѣднее время происходили

многочисленные случаи его, особенно въ нѣкоторыхъ округахъ восточной полосы. По поводу одного случая, происшедшаго тамъ недавно, было произведено разслѣдованіе, и намъ удалось въ теченіе дня захватить какъ убійцъ, такъ и тѣхъ, кто участвовали въ ѣдѣ. Прежде всего выяснилось, что убійца не можетъ ѣсть мертваго. Для каннибальскихъ пиршествъ употребляются частью убитые враги, частью спеціально откормленныя для этой цѣли женщины. Враговъ обыкновенно умерщвляютъ съ большой жестокостью; у раненыхъ отрубаютъ конечности, распластываютъ еще живое тѣло и только въ заключеніе вырѣзаютъ сердце. Съ откормленными женщинами обходятся снисходительнѣе. Преимущественно выбираютъ такихъ женщинъ, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ или мало защитниковъ, со стороны которыхъ угрожала бы кровавая месть. Прежде всего намѣчаютъ въ жертвы вдовъ, которыя въ половомъ отношеніи считаются общимъ достояніемъ всѣхъ мужчинъ деревни. Въ нашемъ очень точно обслѣдованномъ случаѣ дѣло шло объ одной женщинѣ съ острова Бука, вышедшей замужъ за ниссанца. Мужъ умеръ 10 мѣсяцевъ тому назадъ. Женщина сперва оставалась у вождя деревни мужа (у Тумута изъ Галіана), а мѣсяца черезъ три ее взялъ къ себѣ вождь Сали́нъ изъ Мале́са. 5 мѣсяцевъ пребывала она у Сали́на, вела его хозяйство и поддерживала съ нимъ регулярное половое общеніе. Такъ какъ Сали́нъ былъ долженъ человѣческое мясо вождю Сомсому изъ Бангалу, то уже за 3 мѣсяца до убійства женщины (ея прежнее буканское имя—Кара́съ, а ниссанское—Генотъ) было условлено, что Салинъ долженъ откормить ее для убійства. Теперь Сомсомъ, которому предстояло получить мясо, нанялъ бойца въ лицѣ вождя Могана изъ Торогаба́у. Онъ заплатилъ ему свинью, два пучка стрѣлъ (по 16 штукъ въ каждомъ), 5 браслетовъ и ножъ. Въ условленный день Сомсомъ со своими людьми, Моганомъ и его товарищами явились къ Сали́ну. Сали́нъ сперва отказывался выдать Кара́съ. Она повидимому умѣла при половыхъ сношеніяхъ возбуждать похоть стараго Сали́на, а кромѣ того Сали́нъ ожидалъ отъ нея мѣсяца черезъ 3—4 ребенка. Онъ поэтому хотѣлъ, чтобы Сомсомъ еще потерпѣлъ, но этотъ старый людоѣдъ не хотѣлъ ничего подобнаго слушать и требовалъ своей жертвы. Салинъ не могъ сопротивляться численному перевѣсу и потому въ концѣ концовъ выдалъ Кара́съ и даже помогалъ при ея убійствѣ тѣмъ,

что держалъ ее. Сперва ее связали, какъ свинью, по рукамъ и ногамъ и вынесли изъ хижины Салина. Первый ударъ нанесъ ей Моганъ вкось черезъ грудь къ брюшной полости, затѣмъ одинъ изъ сомсомовыхъ людей Синáи перерѣзалъ ей ножемъ горло, а другой—Натавéнгъ выстрѣлилъ ей стрѣлой въ бокъ и только онъ положилъ конецъ ея жизни. Все это происходило послѣ полудня. Трупъ вытащили на берегъ, нагрузили въ лодку и поплыли къ деревнѣ Сомсома. Тамъ при лунномъ свѣтѣ трупъ перенесли въ домъ вождя и вся семья спала всю ночь въ томъ же самомъ помѣщеніи. На слѣдующее утро трупъ положили на одинъ изъ обычныхъ очаговъ изъ коралловой извести и поджарили его, какъ это дѣлаютъ со свиньями. Только послѣ этого приступили къ расчлененію трупа, къ „Kilué", къ раздѣленію мяса. Вождь Сомсомъ оставилъ на свою долю правую ляжку, а своимъ людямъ далъ голову; его односельчанинъ Велькéрупъ получилъ голень и ступню лѣвой ноги, Ририта̀нъ—лѣвую руку, взрослый сынъ Сомсома, Дьоми купилъ у отца за браслетъ голень и ступню правой ноги. Бартёле изъ Пиписсу получилъ лѣвую ляжку и зародышъ, Кулу изъ Пиписсу—верхнюю часть лѣвой ноги, Гéби изъ Куло̀—верхнюю часть правой ноги, Моногáлу изъ Термагá—правую руку, Недсинъ илъ Вало̀—груди, Тевѐлль изъ Терматуáна купилъ за два пучка стрѣлъ животъ, Нассіадъ изъ Табуссури получилъ спину и Токаліáнъ изъ Сіáра—половыя части. (У мужчинъ половыя части не ѣдятся, а выбрасываются). Груди и ляжки считаются лакомыми кускáми. Такимъ образомъ большинство не покупало куски мяса, а получило его частью въ уплату долга, частью въ ожиданіи своевременнаго отдарка подобнаго же рода. За мясо мужчины должно быть поставлено мясо мужчины, за женщину женщина же.

Какъ подобные нравы ведутъ къ непрерывной цѣпи отдачъ и получекъ человѣческаго мяса, видно изъ того, что точно сообщены, за какую именно личность Салинъ долженъ былъ Сомсому (за женщину Ли), и что Сомсомъ уже откармливалъ женщину, которую онъ хотѣлъ отдать Салину на пожираніе; эта женщина, Кассиль, должна была быть убита въ теченіе мѣсяца. Чтобы выполнить другое подобное обязательство братъ Сомсома, Тсинга̀ли, тремя недѣлями раньше предпринялъ попытку убить на островѣ Сиротъ женщину, Пейвуа, но она своевременно убѣжала.

Черепъ достается тому, кто нанесъ смертельный ударъ. Онъ однако не можетъ его ѣсть, а водружаетъ его въ видѣ трофея на своемъ домѣ. Черепъ Карасъ равно какъ черепъ Ли высылаю Вамъ въ скоромъ времени.

Предположеніе о томъ, что на островѣ имѣется недостатокъ мяса, побуждающій людей къ каннибализму, исключается тѣмъ, что здѣсь есть въ большомъ количествѣ ручныя и дикія свиньи, и туземцы острова Бука пріѣзжаютъ сюда, чтобы купить свиней. Сверхъ того, берега очень богаты рыбою и имѣется избытокъ другихъ пищевыхъ продуктовъ: кокосовыхъ орѣховъ, саго, таро, каукау, плодовъ хлѣбнаго дерева и т. д... Отвѣты, которые я получалъ на мои вопросы объ основаніяхъ для людоѣдства, указываютъ на то, что, по мнѣнію ниссанцевъ, потребленіе человѣческаго мяса дѣлаетъ ихъ сильными интеллигентными, а мясо женщинъ, въ частности, повышаетъ ихъ половую потенцію. Можетъ быть этимъ объясняется то, что большинство участниковъ въ послѣднемъ съѣденіи женщины были довольно пожилые вожди. Но, кромѣ этого, извѣстную роль играетъ привычка и несомнѣнно также и вкусъ къ человѣческому мясу".

Къ вопросу объ источникахъ древнихъ свѣдѣній объ инородцахъ сѣверной Россіи.

Въ своей замѣткѣ „Къ этнографіи сѣвера Европейской Россіи", помѣщенной въ кн. LXXVI—LXXVII „Этногр. Обозрѣнія" (стр. 157—8) я выписалъ изъ „Азбуковника" перечисленіе сѣверныхъ народовъ, не входящее въ составъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Рукопись Азбуковника, XVII в., не давала никакихъ данныхъ для опредѣленія эпохи составленія этого перечисленія. Въ настоящее время я могу указать такое же перечисленіе въ другихъ источникахъ. Изъ лѣтописныхъ сборниковъ оно находится въ т. н. „Древнемъ лѣтописцѣ", во всѣхъ спискахъ Никоновской лѣтописи, составленной въ срединѣ XVI в. (въ 50-ыхъ годахъ) [1]), и въ одномъ спискѣ т. н. Софійской Первой лѣтописи; этотъ списокъ (Царскаго) писанъ также въ XVI ст. и оканчивается 1508 го-

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, XI, 165.

домъ [1]). Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ перечисленіе вполнѣ тождественно, за исключеніемъ мелкихъ измѣненій въ отдѣльныхъ буквахъ. Оно помѣщено подъ 1396 г. и сопровождаетъ свѣдѣніе о преставленіи Стефана Пермскаго. То же перечисленіе съ нѣкоторыми измѣненіями риторическаго характера въ той его части, гдѣ говорится о направленіи сѣверныхъ рѣкъ, находится въ житіи св. Стефана, написанномъ Епифаніемъ Премудрымъ въ началѣ XV в. (Епифаній ум. ок. 1420 г.) [2]).

На основаніи текста житія редакторъ Никоновской лѣтописи, проф. Платоновъ, имѣлъ неосторожность „исправить“ въ перечисленіи народовъ слѣдующее мѣсто: „Пермь Великаа Гамаль Чюсовая“, и результатомъ этого „исправленія“ явилось чтеніе „Пермь Великая, глаголемая Чюсовая“. Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ за то, чтобы Пермь иначе называлась Чусовой. Да и принципъ филологической критики заставляетъ признать болѣе древнимъ написаніемъ „Гамаль“, а не „г—лемая“ (подъ титломъ). Въ Азбуковникѣ этому мѣсту соотвѣтствуютъ слѣд. имена: „Сыроядцы, Остяки, Гемàлъ, Чюсовая, Вотяки, Пермь“. Составители „Указателя къ первымъ осьми томамъ полнаго собр. р. лѣт.“ (II, 70) считаютъ сл. „Чюсовая“ опредѣленіемъ къ сл. „Гамаль“ и тутъ же ставятъ подъ вопросительнымъ знакомъ „(Емь?)“. Но „Чюсовая“ обозначаетъ не племя, а просто населеніе рѣки Чусовой, такъ-же какъ упоминаемые въ перечисленіи двиняне, вычегжане, пѣнежане, южане, вятчане, печера—не названіе народовъ, а опредѣленія жителей, населяющихъ область той или другой рѣки. Что касается предположенія, что Гемалъ или Гамаль—то же самое, что Гамская земля, Ямь, Ѣмь, то весьма вѣроятно, что это племена родственныя; но Ѣмь жила въ в. части Олонецкой губ. и въ Холмогорскомъ у. Архангельской (гдѣ теперь р. Емца и с. Емецкое), а Гемалъ стоитъ между остяками и Чюсовой, изъ чего можно заключить, что это племя жило близъ сѣвернаго Урала. Племя Ямь (Гамская земля), вѣроятно, обозначено въ перечисленіи формами: „Ганя́не, Гаияне, Глияне“, чтò, повидимому, искажено изъ „Гамяне“. Далѣе, Велягжане названы, можетъ быть, по р.

[1]) Полное с. р. л. V, 250.

[2]) Житіе святаго Стефана, епископа пермскаго, написанное Епифаніемъ Премудрымъ. Изд. Археографич. Комиссіи. Спб. 1897. Стр. 9.

Велѣ (Вельск. у. Волог. губ.), Пѣнежане—по р. Пинегѣ, притокъ С. Двины справа; Сиріяне, Сирнане, Серьяне, Сероянe, Сырьяне, конечно—зыряне.

На основаніи искаженія Епифаніемъ Премудрымъ лѣтописной формы „гамаль" въ „глаголемая" уже можно предполагать, что лѣтописная редакція перечисленія предшествовала житійной. Дѣйствительно, Епифаній измѣнилъ, исказилъ, сократилъ и отчасти размазалъ лѣтописную редакцію: 1) по житію р. Вымь (небольшой притокъ Вычегды) обходитъ всю землю Пермскую; лѣтописная редакція ближе къ истинѣ (хотя, какъ увидимъ далѣе, тоже искажена): тамъ говорится не о Выми, а о Вычегдѣ; 2) вмѣсто точнаго обозначенія лѣтописной редакціи, что Кама течетъ въ землю Татарскую и впадаетъ въ Волгу ниже Казани на 60 верстъ, въ житіи находится менѣе точное обозначеніе: „Си убо грядущіа устремленіе имяше прямо яко ко угу (въ лѣтописи просто: „потече на угъ"), и своимъ устіемъ вниде въ Волгу близъ града нарицаемаго Болгаръ". Ни одной черты составитель житія не взялъ изъ редакціи Азбуковника.

Итакъ, Епифаній заимствовалъ перечисленіе изъ лѣтописной редакціи. Но эта послѣдняя редакція—не первоначальная: 1) по сравненію съ Азбуковникомъ, въ ней нѣтъ названій: сыроядцы, остяки, вотяки; 2) нѣтъ маленькихъ рѣчекъ: „А подъ Перьмію Великою, подъ градомъ Чердынемъ рѣка Колва, а пала въ Вишеру, а Вишера въ Каму"; 3) нѣтъ указанія, что въ Каму впадаетъ Вятка „выше Казани 150 верстъ"; 4) искажена географія рѣкъ: Вычегда обходитъ всю землю Пермскую (въ Азб. „Устюжскую"); Вятка вытекаетъ съ другой стороны Перми по отношенію къ Камѣ (въ Азб. „вытекли единаго мѣста"); 5) пропущенъ заголовокъ: „А се тѣхъ странъ рѣки", благодаря чему счетъ рѣкъ теряетъ грамматическій смыслъ. Что же касается Азбуковника, то тамъ пропущены лишь Пѣнежане—вѣроятно, однимъ изъ переписчиковъ.

Лѣтописецъ, занесшій свѣдѣнія о сѣверныхъ народахъ въ лѣтопись подъ 1396 г., какъ оказывается, имѣлъ уже готовое перечисленіе. Перечисленіе это составлено было не ранѣе средины XIII в., т. к. оно упоминаетъ г. Казань, основанный именно въ это время [1]), но и не позже конца XIV в. Выраженія „А се име-

[1]) Если только это—городъ, а не рѣка Казанка, стар. Казань.

на странамъ"... „А се тѣхъ странъ рѣки"... указываютъ на то, что извѣстное намъ перечисленіе составляло лишь часть какого-то кодекса свѣдѣній. Тѣ же выраженія мы находимъ въ прибавленіяхъ къ новогородскимъ лѣтописямъ XV в., содержащихъ въ себѣ перечисленія городовъ, должностныхъ лицъ въ хронологическомъ порядкѣ и нѣкоторые документы: „А се князи русьстіи", „А се посадници новгородьстіи", „А се имена всѣмъ градомъ рускымъ", „А се уставъ Ярославль" и т. п. [1]). Очевидно, такія перечисленія играли роль справочной книги и должны были составляться съ практическою цѣлью. География страны, лежащей около Великой Перми, была составлена, вѣроятно, ради коммерческихъ цѣлей.

А. Марковъ.

[1]) Новгор. лѣтопись по синод. списку, 434, 441, 446, 454.

Критика и библіографія.

Hutton Webster. *Primitive secret societies. A studi in early politics and religion. New York. The Macmillan Company 1908 pp. XIII+227.*

Авторъ настоящей книги—профессоръ соціологіи и антропологіи въ университетѣ въ Небраскѣ, а сама книга въ ея первоначальномъ видѣ послужила Вебстеру диссертаціей, представленной имъ въ Гарвардскій университетъ на соисканіе степени доктора политическихъ наукъ. Выборъ темы, сдѣланный авторомъ, нельзя не признать въ высшей степени удачнымъ; затронутые имъ вопросы настолько интересны и въ то же время настолько мало выяснены, что всякую попытку пролить на нихъ свѣтъ или хотя бы просто подвести итоги имѣющимся фактическимъ даннымъ можно только привѣтствовать. За послѣднее время сырой матеріалъ по вопросу о тайныхъ обществахъ первобытныхъ народовъ значительно увеличился, а между тѣмъ единственной попыткой широкой его систематизаціи оставалась книга покойнаго Шурца „Altersklassen und Männerbünde", вышедшая въ 1902 г. Близость этихъ двухъ книгъ по содержанію гораздо больше, чѣмъ по заглавію. Съ одной стороны не только „Männerbünde" Шурца очень близки во многихъ случаяхъ къ тайнымъ обществамъ Вебстера, но и сверхъ того Шурцъ посвятилъ цѣлый отдѣлъ своей книги прямо клубамъ и тайнымъ союзамъ; съ другой же стороны и Вебстеръ говоритъ не только о тайныхъ обществахъ, а также о мужскихъ домахъ, объ институтѣ зрѣлости и связанныхъ съ нимъ церемоніяхъ и т. п. Работа Шурца конечно извѣстна Вебстеру, но это не мѣшаетъ полной самостоятельности изслѣдованія американскаго ученаго.

Въ виду несомнѣнной важности вопросовъ, затронутыхъ Вебстеромъ, мы считаемъ не лишнимъ дать болѣе подробное изложеніе содержанія его книги и его выводовъ. Первая глава книги (стр.

1—19) посвящена мужскимъ домамъ и носитъ преимущественно фактическій характеръ. Не вдаваясь въ широкія обобщенія, авторъ просто констатируетъ фактъ обособленностти половъ въ первобытномъ обществѣ, приведшій къ созданію особыхъ мужскихъ домовъ, служащихъ для довольно разнообразныхъ цѣлей, и приводитъ многочисленные примѣры этого института изъ Австраліи, Новой Гвинеи, Меланезіи, острововъ Торресова пролива, Борнео, Остъ-Индіи и Филиппинскаго архипелага, Индустана и Дальней Индіи, Микронезіи и Полинезіи, Африки, Южной Америки, Мексики и Центральной Америки, Сѣверной Америки. Подборъ фактовъ получается довольно интересный, но въ сравненіи съ тѣмъ, что дается Шурцемъ, новаго здѣсь мало. Шурцъ говоритъ о мужскихъ домахъ гораздо подробнѣе и удѣляетъ этому вопросу несравненно больше мѣста (свыше 100 страницъ, притомъ болѣе убористаго шрифта) и поэтому соотвѣтствующая глава Вебстера много теряетъ отъ невыгоднаго для нея сравненія, тѣмъ болѣе, что содержаніе этой главы, какъ мы уже упомянули, чисто описательное.

Отъ мужскихъ домовъ Вебстеръ переходитъ къ дѣленіямъ мужской половины общества и прежде всего къ институту зрѣлости (puberty institution), дѣлящему всѣхъ мужчинъ на посвященныхъ и непосвященныхъ, состоящихъ на положеніи дѣтей. Вторая глава (стр. 20—31) даетъ общую характеристику этого института, упоминаетъ вкратцѣ о дѣленіи первобытнаго общества на возрастные классы, при чемъ переходъ изъ одного класса въ другой отмѣчается особыми церемоніями, носящими характеръ посвященія; такія церемоніи особенно сложны и часты при достиженіи молодежью зрѣлости и выполненіе ихъ знаменуетъ окончаніе дѣтства и переходъ въ категорію полноправныхъ взрослыхъ мужчинъ. Не выполнившіе почему-либо этихъ церемоній не пользуются всѣми привилегіями племени и до старости остаются какъ бы на положеніи неполноправныхъ дѣтей. Въ слѣдующей третьей главѣ (стр. 39—48) Вебстеръ подробнѣе говоритъ о церемоніяхъ, которыми сопровождается посвященіе въ классъ взрослыхъ полноправныхъ мужчинъ. Типичными чертами этихъ церемоній онъ считаетъ посвященіе старшими, временную изоляцію посвящаемыхъ, необходимость для нихъ подвергнуться различнымъ испытаніямъ, которыя должны свидѣтельствовать объ ихъ мужествѣ и выносливости и

служить подготовкой для воинской дѣятельности, обученіе посвящаемыхъ племенной мудрости и послушанію и т. д. Физическія уродованія, которыми часто сопровождаются эти церемоніи (вырываніе зуба и т. п.) служать, по мнѣнію автора, просто знаками того, что посвященіе состоялось. Въ этомъ же смыслѣ онъ толкуетъ и обрѣзаніе, хотя думаетъ, что наиболѣе раннее его назначеніе было помочь половому акту. Далѣе Вебстеръ отмѣчаетъ, что церемоніи посвященія часто содержатъ въ себѣ мимическое представленіе смерти и возрожденія посвящаемаго и часто сопровождаются тѣмъ, что посвящаемый получаетъ новое имя и научается новому языку. неизвѣстному для непосвященныхъ. Отмѣтивъ далѣе половыя привилегіи, предоставляемыя у многихъ народовъ посвященнымъ, и указавъ въ нѣсколькихъ словахъ на существованіе особыхъ церемоній при наступленіи зрѣлости у дѣвушекъ, авторъ пытается дать объясненіе самому институту „посвященія". Авторъ стоитъ при этомъ на утилитарной точкѣ зрѣнія и видитъ въ посвященіи подготовку для половой жизни. Такіе факты, какъ уединеніе, постъ, лишеніе сна посвящаемыхъ и т. п., онъ объясняетъ тѣмъ, что они создаютъ повышенную чувствительность и воспріимчивость, благопріятствующую усвоенію уроковъ и впечатлѣній на всю жизнь. Другой мотивъ того же уединенія—желаніе предохранить молодежь отъ сношеній съ женщинами, прежде чѣмъ она научится половому самоограниченію и воздержанности. Эту свою точку зрѣнія Вебстеръ подробнѣе развиваетъ въ слѣдующей четвертой главѣ (стр. 49—58), гдѣ онъ детальнѣе останавливается на содержаніи тѣхъ уроковъ, которые получаютъ посвящаемые; послѣдніе, съ одной стороны, пріучаются къ самоограниченію, получаютъ извѣстную моральную тренировку, а съ другой, изучаютъ подъ руководствомъ старшихъ обычаи и традиціи племени, брачные законы, отношенія племени къ другимъ племенамъ, игры, пѣсни и танцы племени, его моральный кодексъ и т. д.; кромѣ того, имъ тутъ же преподаются и нѣкоторые практическіе уроки относительно рыбной ловли, охоты, земледѣлія, указываются границы племени и владѣній отдѣльныхъ лицъ и т. д. Однимъ словомъ, посвященіе составляетъ, по опредѣленію автора, племенную семинарію (tribal seminary). Въ слѣдующей, пятой главѣ (стр. 59—73) Вебстеръ, однако, вноситъ нѣкоторыя поправки къ данному раньше объясненію и, оставаясь попрежнему утилитаристомъ,

онъ уже отмѣчаетъ мотивы иного рода, отразившіеся на институтѣ посвященія. Посвященіе укрѣпляетъ власть старшихъ, пріучаетъ къ повиновенію установленнымъ ими традиціямъ; „оно составляетъ наиболѣе консервативный изъ первобытныхъ институтовъ и главное средство сохранить однообразность и неизмѣнность обычая, составляющую характерную черту первобытнаго общества". Закрѣпляя власть старшихъ, упрочивая консервативныя традиціи, посвященіе въ то же время даетъ старшимъ и особенно старикамъ средство улучшить свое положеніе, незавидное въ первобытномъ обществѣ, и воспользоваться предоставленной имъ властью въ собственныхъ своекорыстныхъ видахъ. На рядѣ примѣровъ Вебстеръ показываетъ то, что можно было бы назвать злоупотребленіями со стороны старшихъ. Они выгадываютъ отъ многочисленныхъ ограниченій въ пищѣ, налагаемыхъ на молодежь до окончанія посвященія, отъ запретовъ для нея брачныхъ союзовъ и т. д. („Многочисленныя табу относительно пищи и различныя ограниченія на счетъ брака самымъ существеннымъ образомъ способствуютъ благополучію старыхъ людей").

Всѣ предыдущія главы носятъ до извѣстной степени вводный характеръ и лишь съ шестой главы Вебстеръ непосредственно приступаетъ къ главной своей задачѣ. Въ этой главѣ (стр. 74—105) онъ говоритъ о развитіи племенныхъ обществъ. По мѣрѣ роста соціальныхъ связей и развитія власти постоянныхъ вождей, институтъ зрѣлости и обряды посвященія утрачиваютъ свое значеніе какъ „наиболѣе" дѣйствительнаго средства обезпечить подчиненіе интересовъ отдѣльныхъ лицъ благосостоянію цѣлаго. Поэтому съ появленіемъ постоянныхъ вождей „посвященіе" или просто приходитъ въ упадокъ, или продолжаетъ существовать какъ простая церемонія, или же, наконецъ, что именно и является правиломъ, превращается въ племенныя тайныя общества, характеризуемыя ограниченнымъ числомъ членовъ и многочисленными степенями. Прежняя организація „посвященныхъ" была доступна всѣмъ мужскимъ членамъ племени, племенное общество—лишь болѣе или менѣе ограниченному числу избранныхъ. Путь перехода шелъ черезъ степени посвященія. У многихъ народовъ имѣется система дѣленія общества на возрастные классы съ особымъ посвященіемъ въ каждый высшій классъ. Чѣмъ выше классъ, тѣмъ труднѣе посвященіе и тѣмъ больше привилегій даетъ оно. Полу-

чается іерархическая организація, въ которой члены высшихъ степеней, ревнивые къ своимъ привилегіямъ, стремятся по возможности не расширять свое число. Путемъ послѣдовательнаго закрѣпленія такого порядка и совершается превращеніе института зрѣлости въ тайныя общества. Въ низшія степени доступъ легокъ, иногда даже сохраняетъ свой прежній общеплеменной характеръ, но тѣмъ труднѣе попасть въ члены высшихъ степеней и тѣмъ больше привилегіи этихъ членовъ. Тайныя общества сохраняютъ во многомъ черты института зрѣлости; обряды посвященія и внѣшнія проявленія дѣятельности обществъ носятъ характеръ мистерій, которыя первоначально выражали дѣйствительныя религіозныя вѣрованія народа. Постепенно однако эти мистеріи стали использоваться, какъ средства соціальнаго контроля и въ то же время какъ орудіе для обезпеченія матеріальныхъ интересовъ старшихъ, руководителей церемоній; зачастую эти мистеріи и церемоніи представляютъ средство терроризованія женщинъ и непосвященныхъ, что, по утвержденію Вебстера, представляетъ, можетъ быть, наиболѣе рѣзкую характерную черту тайныхъ обществъ въ ихъ полномъ развитіи.

Слѣдующая, седьмая глава, „Функціи племенныхъ обществъ“ (стр. 106—120) должна была бы занимать центральное мѣсто въ книгѣ и представлять наибольшій интересъ, но какъ разъ именно она является, къ сожалѣнію, одной изъ наименѣе удачныхъ. Авторъ тутъ очень кратокъ и ограничивается самыми общими характеристиками, не вдаваясь въ болѣе обстоятельный анализъ. Роль этихъ тайныхъ обществъ Вебстеръ цѣнитъ очень высоко; онъ считаетъ ихъ наиболѣе интересной и характерной чертой первобытныхъ учрежденій, видитъ въ нихъ „наиболѣе первобытныя усилія въ направленіи установленія права и порядка“. Посредствомъ своихъ развѣтвленій общества иногда охватываютъ многія племена и пріобрѣтаютъ большое политическое значеніе; въ Африкѣ они не рѣдко регулируютъ отношенія между племенами. Внутри племени при отсутствіи постоянныхъ вождей или при слабомъ развитіи ихъ власти общества выполняютъ функціи соціальнаго контроля, замѣняютъ вождя или усиливаютъ его авторитетъ и „возможно, что наиболѣе ранній правитель былъ зачастую лишь высшимъ членомъ тайнаго общества», власть котораго происходила изъ связи съ обществомъ. При болѣе развитой

и централизованной политической организаціи племени общества всеже могутъ сохранять свои судебныя и исполнительныя функціи; его члены становятся агентами правящаго вождя, составляютъ полицію государства, но въ то же время общества не рѣдко налагаютъ и много ограниченій на вліяніе вождей. Въ частности Вебстеръ отмѣчаетъ роль тайныхъ обществъ въ поддержаніи мужского авторитста надъ женщинами.

Восьмая глава посвящена упадку племенныхъ обществъ (стр. 120—134). Этотъ упадокъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ развитія соціальной жизни. Съ ростомъ населенія, возникновеніемъ болѣе крупныхъ общинъ и расширеніемъ соціальнаго общенія становится все болѣе затруднительнымъ поддерживать мистеріи, отъ которыхъ зависитъ вся жизнь тайныхъ обществъ. Установленіе власти постоянныхъ или наслѣдственныхъ вождей и переходъ къ земледѣлію, увеличивающій жизненныя потребности и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшающій относительно преимущества членовъ обществъ,—это то же факторы, способствующіе упадку тайныхъ обществъ. Общества либо просто распадаются подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, либо превращаются въ соціальные клубы или въ „магическія братства“. Кромѣ этихъ основныхъ причинъ, въ томъ же направленіи дѣйствуетъ вліяніе европейцевъ, миссіонеровъ и торговцевъ, а тамъ, гдѣ общества удерживаются, они становятся оплотами консерватизма и противодѣйствія всякому внѣшнему вліянію. Нерѣдко упадокъ тайныхъ обществъ связанъ съ возникновеніемъ многочисленныхъ мѣстныхъ или временныхъ союзовъ, остающихся тайными и преслѣдующихъ какія-нибудь спеціальныя цѣли. На ряду съ союзами, имѣющими свое основаніе лишь въ любви туземцевъ ко всему таинственному, появляются организаціи, преслѣдующія цѣли общей защиты и взаимопомощи, каково, напр., общество Манганга въ Камерунѣ, состоящее изъ рабовъ и защищающее ихъ интересы. Нерѣдко общества утрачиваютъ всякое соціальное значеніе и становятся орудіями обмана, утрачивающими всякую силу, разъ разоблачается таинственность, окружающая общество. Переходъ тайныхъ обществъ въ соціальные клубы представляетъ одну изъ наиболѣе правильныхъ формъ развитія особенно въ Меланезіи и отчасти въ Америкѣ.

Девятая глава (стр. 135—159) посвящена выясненію отношеній

между тайными обществами и кланами, но здѣсь Вебстеръ слишкомъ широко понимаетъ тайное общество, подразумѣвая подъ нимъ даже племя, особенно съ институтомъ зрѣлости, и потому даетъ слишкомъ общій анализъ. Кланъ, по его мнѣнію, предшествовалъ племени, и первоначально обряды посвященія были не племенными, а клановыми. Съ объединеніемъ клановъ въ племя произошло слитіе клановыхъ обрядовъ въ племенные, и возникновеніе тайныхъ обществъ въ развитой формѣ неизмѣнно связано съ упадкомъ тотемическихъ клановъ. Тѣмъ не менѣе, въ теперешнихъ церемоніяхъ посвященія нерѣдко можно найти указанія на предшествующую клановую подкладку, и фактическому обзору такихъ указаній посвящена большая часть настоящей главы.

Десятая глава (стр. 160—190) имѣетъ дѣло съ одной изъ наиболѣе интересныхъ разновидностей тайныхъ обществъ—съ магическими братствами. Связанныя своимъ происхожденіемъ съ тотемическими группами, магическія и драматическія функціи тайныхъ обществъ переживаютъ эпоху упадка соціальнаго вліянія послѣднихъ. Подъ магическими братствами Вебстеръ подразумѣваетъ очень разнообразныя организаціи; здѣсь имѣются и чисто религіозные союзы, и магическія организаціи въ прямомъ смыслѣ, занимающіяся врачеваніемъ, вызываніемъ дождя и т. п., и наконецъ общества, во многомъ напоминающія драматическія труппы. Ограничиваясь главнымъ образомъ передачей фактовъ, авторъ не пытается дать точную классификацію этихъ разновидностей и установить между ними генетическую или какую-либо другую связь.

Послѣдняя глава (стр. 191—221) помѣщена не на мѣстѣ. Она посвящена церемоніямъ посвященія и содержитъ въ себѣ сухой перечень фактовъ, относящихся къ Австраліи, Тасманіи, Меланезіи, Полинезіи, Африкѣ, Южной и Центральной Америкѣ, Сѣверной Америкѣ.

Таково содержаніе книги Вебстера. Что касается до оцѣнки ея, то наибольшее значеніе имѣетъ, конечно, фактическая сторона ея. Конечно, и тутъ можно отмѣтить не мало существенныхъ недочетовъ и прежде всего неодинаково внимательное отношеніе къ различнымъ расамъ, но все же авторъ много потрудился надъ собираніемъ матеріала и далъ въ общемъ обширный подборъ фактовъ, представляющій большой интересъ. Въ заслугу ему необходимо поставить также обиліе и точность библіографическихъ ука-

заній даже по вопросамъ, которые ему приходится затрогивать лишь мимоходомъ. Теоретическая сторона его работы въ общемъ слабѣе. Выводамъ Вебстера нерѣдко недостаетъ точности и отчетливости. Такъ, тайныя общества возникаютъ то послѣ установленія прочной власти вождей, то до нея. Самый терминъ „тайныя общества" лишенъ вполнѣ опредѣленнаго значенія и иногда охватываетъ все племя. Факты различныхъ культурныхъ эпохъ нерѣдко выносятся за одну общую скобку. Эти недостатки нельзя, впрочемъ, ставить полностью въ вину автору; не мало здѣсь надо приписать на долю новизны предмета и затруднительности поэтому даже первоначальной, приблизительной оріентировки. Во всякомъ случаѣ, книга Вебстера—цѣнное пріобрѣтеніе этнографической литературы. Написана она очень живо и читается съ большимъ интересомъ. Желательно было бы видѣть ее переведенной на русскій языкъ.

А. Максимовъ.

Dr. Georg Friederici *Skalpieren und ähnliche Kriegsgebräuche in Amerika. Braunschweig. Druck und Verlag von Fr. Vieweg und Sohn. 1906 pp. 170.*

Книга Фридерици читается съ большимъ интересомъ и представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для науки. Авторъ широко воспользовался громадной литературой по американской этнографіи и благодаря этому имѣлъ возможность выяснить области, гдѣ скальпированіе было самостоятельнымъ и давнимъ обычаемъ, и такія, гдѣ оно появилось въ сравнительно позднее время. Вопреки нерѣдкому мнѣнію, что скальпированіе характерно для всѣхъ краснокожихъ, особенно въ Сѣверной Америкѣ, Фридерици устанавливаетъ, что первоначальный, такъ сказать коренной, районъ распространенія скальпированія былъ не особенно великъ. Въ Сѣверной Америкѣ это—область къ востоку отъ Миссисипи отъ Флориды на югѣ до Нью-Фаундлэнда на сѣверѣ, но и тутъ далеко не всѣ племена придерживались скальпированія, да и изъ тѣхъ, которыя были знакомы съ этимъ ужаснымъ обычаемъ, большинство примѣняло его очень рѣдко. Въ Южной Америкѣ область скальпированія была еще уже: сѣверная Аргентина, Парагвай, и Чако; отдѣльно стоитъ Гвіана, для которой существованіе скальпированія засвидѣтельствовано нѣсколькими авторами, но тутъ скальпи-

рованіе, по мнѣнію Фридерици сравнительно позднее позаимствованіе, принесенное рабами-краснокожими изъ болѣе сѣверныхъ странъ.

Тогда какъ въ Южной Америкѣ скальпированіе не сдѣлало почти никакихъ завоеваній за время знакомства краснокожихъ съ европейцами, въ Сѣверной оно, наоборотъ, распространялось все шире и шире и постепенно дошло до Тихаго Океана, такъ что въ концѣ концовъ вполнѣ чуждыми скальпированію остались лишь эскимосы и сѣверные Атапаски. Такъ какъ распространеніе скалпированія шло съ востока на западъ, то естественно, что, по мѣрѣ удаленія отъ Миссиссипи и приближенія къ берегамъ Тихаго океана, оно принимаетъ все болѣе характеръ спорадическаго явленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе ясными становятся слѣды его позднѣйшаго появленія. Въ Верхней Калифорніи, да и вообще у племенъ сѣверо-запада, это становится особенно нагляднымъ; тутъ имѣется очень пестрая картина: одни племена примѣняютъ скальпированіе, другія, сосѣднія, совершенно незнакомы съ нимъ, и трудно установить какую-либо закономѣрность въ данномъ случаѣ. На югѣ скальпированіе проникаетъ въ Мексику, но, по мѣрѣ проникновенія въ глубь этой страны, становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ.

Скальпированіе только одинъ изъ видовъ военныхъ трофеевъ, особенно близко связанный съ употребленіемъ, въ видѣ трофея, всей головы или черепа. Поэтому Фридерици даетъ въ своей книгѣ попутно обзоръ другихъ аналогичныхъ трофеевъ, встрѣчающихся въ Америкѣ: отрѣзанныя и прокопченныя руки, пальцы, кости, уши, глаза, цѣлая кожа или куски ея, голова, черепъ, трепанированныя части черепа и т. д. и т. д. Съ другой стороны, ему приходится высказываться по общему вопросу о происхожденіи „головныхъ“ трофеевъ, и тутъ онъ рѣшительно и довольно убѣдительно высказывается противъ теоріи Шурца, сводящаго употребленіе черепа въ видѣ трофея къ культу предковъ и „коллекціонерству“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ однако не присоединяется и къ старинному взгляду Клерка, видящаго въ этихъ трофеяхъ только трофеи и отрицающаго за ними какое бы то ни было религіозное значеніе. Свою точку зрѣнія Фридерици формулируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Люди приносили трофеи, во-первыхъ, ради почета и уваженія, который доставляли эти трофеи. Затѣмъ

для брака, чтобы представить невѣстѣ видимыя доказательства своей мужеской силы, далѣе, какъ жертву мертвымъ, въ представленіи, что душа убитаго должна служить въ загробной жизни душѣ покойника; въ-четвертыхъ, трофей носили какъ своего рода мистическій талисманъ, и, наконецъ, въ надеждѣ присоединить къ собственнымъ—силу и могущество побѣжденнаго". Въ другихъ мѣстахъ книги онъ приводитъ еще одинъ мотивъ, лежащій въ основѣ нѣкоторыхъ трофеевъ, и, между прочимъ, мѣстами въ основѣ скальпированія лежитъ желаніе причинить мученія душѣ побѣжденнаго. Какъ человѣкъ военный—онъ капитанъ на дѣйствительной службѣ—авторъ мимоходомъ останавливается и на томъ, какое вліяніе имѣло на самый характеръ войнъ стремленіе къ трофеямъ и въ частности къ скальпамъ. Онъ указываетъ, насколько не выгодно было для мексиканцевъ ихъ стремленіе захватить возможно большее число плѣнныхъ, приносимыхъ потомъ въ жертву богамъ, такъ какъ изъ-за этого они упускали случай причинить возможно большій уронъ непріятелю; кромѣ того, они ради этого должны были отказаться отъ употребленія отравленнаго оружія, а значеніе послѣдняго Фридерици цѣнитъ такъ высоко, что говоритъ: „Несомнѣнно Кортесъ не побѣдилъ бы такой храбрый народъ, какимъ были Астеки, если бы они имѣли отравленныя стрѣлы". Такое же дѣйствіе имѣло и скальпированіе, на выполненіе котораго требовалось время (снять скальпъ нужно было собственноручно) и которое поэтому замедляло преслѣдованіе непріятеля и спасало его отъ еще большихъ потерь. Попутно у Фридерици дано много интересныхъ частныхъ указаній; такъ, онъ отмѣчаетъ, что индѣйцы гордились тѣмъ, чтобы у нихъ былъ на маковкѣ пучекъ волосъ, достаточно длинный и содержащійся въ порядкѣ, „чтобы въ случаѣ пораженія не затруднять противника въ полученіи знака побѣды"; европейцы не обладали такимъ благородствомъ и, выходя на войну, выбривали голову и надѣвали парики. Любопытно отношеніе нѣкоторыхъ племенъ къ скальпу, какъ одушевленному существу, которое не только заботливо охраняютъ, но даже снабжаютъ по временамъ пищей и табакомъ. Останавливается Фридерици и на связи военныхъ трофеевъ съ общей культурой, при чемъ особенно подчеркиваетъ отсутствіе всякихъ трофеевъ на крайнемъ сѣверѣ и на крайнемъ югѣ Америки: „Въ то время какъ народы въ благословенной странѣ вели

сравнительно легкую борьбу за существованіе и находили время предаваться суетнымъ стремленіямъ человѣческаго сердца къ славѣ и отличію, племена въ негостепріимныхъ и пустынныхъ полярныхъ странахъ континента должны были употреблять все время и силы на то, чтобы выдержать побѣдоносно борьбу съ неблагопріятной природой". Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отсутствіи всякихъ трофеевъ у эскимосовъ, авторъ объясняетъ это тѣмъ, что при ихъ бродячемъ образѣ жизни не только головы, но даже собранные скальпы представляли бы тяжелый балластъ.

Съ особенною подробностью Фридерици говоритъ о постепенномъ распространеніи скальпированія на все большій районъ и о причинахъ этого явленія. Авторъ вообще считаетъ скальпированіе не особенно древнимъ обычаемъ и видитъ подтвержденіе этой мысли въ томъ, что ни въ одномъ изъ многочисленныхъ маундовъ Сѣверной Америки не найдено скальповъ, хотя въ виду находки кусковъ кожи и кожанныхъ издѣлій есть всѣ основанія думать, что и скальпы, выдѣлывавшіеся очень искусно и разсчитанные на долгое сохраненіе, сохранились бы и въ маундахъ, если бы они тамъ были. Очевидно, думаетъ онъ, скальпированіе въ эпоху сооруженія маундовъ не было сколько нибудь широкимъ явленіемъ. Впрочемъ, особенно широкимъ распространеніемъ скальпированіе не пользовалось и въ моментъ перваго знакомства европейцевъ съ туземнымъ населеніемъ Америки. Основываясь на богатомъ матеріалѣ, доставляемомъ литературой объ Америкѣ отъ ея открытія и до нашего времени, авторъ указываетъ на то, что болѣе ранніе источники, поскольку говорятъ о скальпированіи, говорятъ о немъ какъ о сравнительно рѣдкомъ и мѣстномъ обычаѣ, и лишь постепенно, по мѣрѣ укрѣпленія европейцевъ въ Америкѣ, обычай начинаетъ все больше и больше распространяться: онъ не только входитъ въ повседневную практику племенъ, знакомыхъ съ нимъ раньше, но и распространяется на племена, раньше не знакомыя со скальпированіемъ, и постепенно это распространеніе становится все шире и шире. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Фридерици удается даже дать довольно точныя хронологическія даты появленія скальпированія у отдѣльныхъ племенъ; такъ, напр., у алгонкинскихъ племенъ побережья Атлантическаго океана отъ южной части Мэна на сѣверѣ до Нью-Джерсей на югѣ скальпированіе появляется лишь около 1675 г. Относительно причинъ подобнаго

факта Фридерици придерживается вполнѣ опредѣленнаго мнѣнія и видитъ ихъ во вліяніи европейцевъ: „скальпированіе въ наиболѣе знакомой для насъ формѣ и въ его огромномъ распространеніи создано только проникшими въ Сѣверную Америку бѣлыми". Развитію и доказательству этого положенія посвящена значительная часть книги.

Уже самый фактъ появленія бѣлыхъ и знакомства краснокожихъ съ европейской культурой благопріятствовалъ развитію скальпированія. Въ стальныхъ ножахъ индѣйцы получили орудіе, которымъ было гораздо легче снимать скальпы, чѣмъ роговыми или костяными. Съ другой стороны, знакомство съ огнестрѣльнымъ оружіемъ сдѣлало битвы индѣйцевъ болѣе кровопролитными и позволило распространять военныя экспедиціи на разстоянія, до тѣхъ поръ невозможныя. Тогда какъ прежде нетрудно было принести въ видѣ трофея домой на близкомъ разстояніи нѣсколько головъ убитыхъ враговъ (основной видъ трофея), теперь это становилось все болѣе затруднительнымъ: и убитыхъ враговъ было больше, и разстояніе до дому несравненно значительнѣе. Отсюда стремленіе замѣнить голову убитаго врага болѣе портативнымъ трофеемъ и, какъ замѣняющая цѣлое часть, вмѣсто головы домой приносится въ знакъ побѣды скальпъ. Какъ ни велико было вліяніе только что перечисленныхъ причинъ, не онѣ однако играли главную роль. Больше всего своимъ распространеніемъ скальпированіе обязано прямому и непосредственному вліянію бѣлыхъ, установленному ими жестокому пріему платить преміи за головы и скальпы непріятелей. Иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежала англичанамъ; пуритане Новой Англіи первые стали платить въ 1637 г. преміи за головы индѣйцевъ, а французскіе колонисты, вступившіе на тотъ же путь 50-ю годами позднѣе, расширили практику англичанъ въ томъ смыслѣ, что ввели оплату преміей головъ и скальповъ не только краснокожихъ, но и бѣлыхъ, конечно, своихъ враговъ, т.-е. англичанъ. Послѣдніе въ долгу не оставались и на 18-й вѣкъ приходится эпоха расцвѣта скальпированія. Скальпировали въ это время всѣ, какъ краснокожіе, такъ и бѣлые и трудно сказать, кто больше предавался этому варварскому обыкновенію. Этимъ путемъ наживались иногда довольно значительныя по тому времени состоянія, потому что преміи за скальпы, особенно у болѣе богатыхъ деньгами англи-

чанъ, были иногда очень высокія. Такъ, напр., въ Новой Англіи законъ 7 марта 1707 г. установилъ премію за скальпъ въ 100 ф. ст. для добровольцевъ, не получающихъ вознагражденія отъ казны (регулярные солдаты и волонтеры, получающіе жалованіе, получали за скальпъ менѣе). Такая же приблизительно расцѣнка существовала въ Массачузетсѣ, и источники сохранили память о капитанѣ Ловуэль (Lovewell), заработавшемъ за 10 скальповъ, добытыхъ имъ въ одномъ походѣ, 1000 ф. ст. Преміи платились за скальпы не только воиновъ-мужчинъ, но и за скальпы женщинъ и дѣтей, правда, въ уменьшенномъ размѣрѣ. Такъ, въ Пенсильваніи губернаторъ установилъ 7 іюля 1764 г. такую таксу: за плѣннаго мужчину-индѣйца въ возрастѣ свыше 10 лѣтъ—150 долларовъ; за скальпъ убитаго индѣйца—134 доллара; за плѣнную индіанку или мальчика моложе 10 лѣтъ—130 долларовъ; за скальпъ убитой индіанки—50 долларовъ; въ Новой Англіи въ 1744—1749 гг. платили за скальпъ воина 90 ф. ст., за скальпъ женщины или ребенка—половину этой суммы. За скальпы вождей платились особенно крупныя суммы внѣ обычной таксы, выше же всего были преміи за скальпы іезуитовъ. Губернаторы какъ французскіе (Фронтенакъ 1693 г.), такъ и англійскіе (Клинтонъ 1746 г.) оффиціально принимали подносимые имъ скальпы даже бѣлыхъ и столь же оффиціально выплачивали преміи. Были, правда, начальники, возстававшіе противъ скальпированія, но по мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ этическими соображеніями. Такъ, французскій генералъ Диско (Dieskau) запретилъ своимъ индѣйцамъ снимать скальпы до окончанія сраженія, „такъ какъ вы можете убить десять человѣкъ за то время, которое употребляете на скальпированіе одного".

Независимость Соединенныхъ Штатовъ не внесла большихъ перемѣнъ въ эту практику. Законодательное собраніе Южной Каролины въ 1776 г. обѣщало 75 ф. ст. за скальпъ непріятельскаго воина, 100 ф. ст. за плѣннаго индѣйца и 80 ф. ст. за плѣннаго англичанина или негра. Даже въ 19-мъ столѣтіи скальпированіе не только удерживается въ практикѣ, но и поощряется правительствомъ. Такъ въ 60-хъ годахъ законодательное собраніе территоріи Айдахо вынесло слѣдующее постановленіе, заслуживающее, чтобы его не забыли: „Постановлено поручить тремъ лицамъ подыскать 25 человѣкъ для охоты за индѣйцами и чтобы тѣ изъ

нихъ, которые могутъ снарядиться на свой собственный счетъ, получали опредѣленную сумму за каждый принесенный скальпъ, чтобы неспособные снарядиться сами были снаряжены за счетъ комитета, съ тѣмъ, чтобы издержки эти вычитались съ нихъ, если они доставятъ скальпы; чтобы за скальпъ взрослаго индѣйца платилось 100 долларовъ, за женщину—50 долларовъ и за все въ образѣ индѣйца ниже десяти лѣтъ—25 долларовъ; каждый скальпъ долженъ имѣть пучекъ волосъ съ маковки и каждый человѣкъ долженъ подтвердить присягой, что данный скальпъ добытъ отрядомъ".

Если таковы были законодательные нравы, легко представить себѣ, какова была повседневная обывательская практика. Скальпировали какъ краснокожіе, такъ и бѣлые; скальпировали не только грубые солдаты или одичавшіе въ лѣсахъ и степяхъ охотники, но также офицеры, священники и даже женщины. Конецъ 17-го столѣтія сохранилъ память о „героинѣ" Ханнѣ Дустанъ, которая собственноручно оскальпировала двухъ мужчинъ, двухъ женщинъ и шестерыхъ дѣтей и получила за это 50 ф. ст. преміи, особый подарокъ отъ губернатора полковника Никольсона и множество привѣтствій отъ обывателей. Скальпировали не только во время войны, но и въ мирное время; устраивали спеціальныя экспедиціи для охоты за скальпами, убивали мирныхъ людей даже своихъ союзниковъ (вѣдь французскаго скальпа отъ англійскаго не отличить), вырывали покойниковъ изъ могилъ и т. д. и т. д. Укоренившіяся привычки сказывались даже тамъ, гдѣ ихъ меньше всего можно было бы ожидать, и во время президентскихъ выборовъ 1856 г., кончившихся побѣдой Бьюкенена надъ Фремонтомъ, въ западныхъ штатахъ были случаи скальпированія политическихъ противниковъ. Понятно, какъ должна была отражаться эта практика на отношеніяхъ бѣлыхъ къ краснокожимъ; тутъ забывались всѣ человѣческія чувства, всѣ требованія нравственности, и нѣкоторые случаи особенно поражаютъ своею возмутительною и ничѣмъ не вызванною жестокостью. Въ 1782 г. въ Пенсильваніи отрядъ волонтеровъ подъ начальствомъ полковника Вильямсона напалъ на поселеніе мирныхъ христіанъ индѣйцевъ, принадлежащихъ къ общинѣ моравскихъ братьевъ и перебилъ ихъ въ числѣ 96 человѣкъ, не различая ни пола, ни возраста. Многіе изъ этихъ индѣйцевъ обладали уже извѣстнымъ образованіемъ, одна изъ

нихъ сестра Христіана бѣгло говорила по-англійски и по-нѣмецки и на колѣняхъ умоляла полковника Вильямсона о пощадѣ, но все было напрасно. Со всѣхъ убитыхъ были сняты скальпы. Въ 1867 г. не менѣе жестокая бойня произошла въ штатѣ Колорадо. Находившійся подъ командой полковника Чивингтона отрядъ добровольцевъ, преслѣдуя индѣйскихъ разбойниковъ и конокрадовъ, встрѣтилъ на своемъ пути поселеніе мирныхъ индѣйцевъ изъ племенъ Чейеновъ и Шошоновъ. Дружелюбно принятые индѣйцами и пробывшіе въ селеніи нѣсколько дней, бѣлые затѣмъ предательски напали на своихъ хозяевъ и перебили ихъ въ числѣ 170 человѣкъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Начальникъ отряда категорически запретилъ брать плѣнныхъ, а одинъ изъ его офицеровъ лейтенантъ Ричмондъ собственноручно убилъ и оскальпировалъ трехъ женщинъ и пятерыхъ дѣтей. Всѣ убитые были оскальпированы, а тѣла ихъ подверглись всевозможнымъ поруганіямъ. Побѣдители дошли до того, что отрѣзали половыя части какъ мужскія, такъ и женскія; изъ первыхъ выдѣлывались кисеты для табаку, вторыя накалывались въ видѣ банта на шляпу. Когда они вернулись въ городъ Денверъ, они были встрѣчены оваціями; мѣстная газета „The Denver News“ писала про нихъ: „Colorado soldiers have again covered themselves with glory“ („Колорадскіе солдаты снова покрыли себя славой“). При вступленіи отряда въ городъ одинъ человѣкъ несъ на длинной палкѣ женское сердце, а вечеромъ въ театрѣ, во время представленія, публикѣ были предъявлены скальпы, которые она привѣтствовала бурными апплодисментами.

Пограничное населеніе сплошь занималось скальпированіемъ, и по мѣрѣ того, какъ колонизація шла на западъ, колонисты прививали этотъ жестокій обычай все новымъ и новымъ племенамъ. Получилось своеобразное положеніе: европейцы распространили среди краснокожихъ обычай, выработанный самими же краснокожими и столь чуждый духу европейской цивилизаціи. Явленіе, считавшееся своеобразною особенностью индѣйцевъ, своимъ распространеніемъ обязано бѣлымъ.

А. Максимовъ.

Jordan, Leo: *Über Boeve de Hanstone.* Halle a. S. 1908 (Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie. 14 Heft).

Названная работа имѣетъ предметомъ изслѣдованія одинъ изъ наиболѣе любимыхъ средневѣковыхъ романовъ. Извѣстный во всей Западной Европѣ, не только переводимый, но и обрабатываемый различно, романъ о Бовѣ сохранился въ разныхъ редакціяхъ: венеціанской, англійской, французской, англонорманской, русской и др. Изученію его многіе ученые посвящали свои силы, выясняя какъ источники его, такъ и пути слѣдованія; въ предисловіи къ вышеуказанной работѣ Jordan вкратцѣ говоритъ о трудахъ Albert Stimming'a и Pio Rajn'ы и о тѣхъ выводахъ, къ которымъ они пришли въ вопросѣ о первоначальности редакціи романа, затѣмъ переходитъ къ разбору Boeve de Hanstone. Основную его тему, которая можетъ быть схематично выражена такимъ образомъ: королевскій сынъ, изгнанный изъ своего государства, пріобрѣтаетъ въ чужой странѣ коня, оружіе, женится и, вернувшись на родину, становится правителемъ,—авторъ называетъ сагой объ изгнаніи (Verbannungssage) и указываетъ на то, что въ средневѣковой Франціи такія саги были весьма распространены и полагались въ основу многихъ романовъ и поэмъ, эти же саги—нерѣдко дѣлали своими героями дѣйствительныхъ историческихъ личностей (Хильдерихъ, Карлъ Мартеллъ и др.). Jordan разсматриваетъ отличительныя черты этихъ сагъ и отмѣчаетъ ихъ группировку въ романѣ о Бовѣ (Boeve). Подобныя же черты находятся и въ цѣломъ рядѣ сказокъ, составляя собою ихъ типическія мѣста (злая мать, подмѣненное письмо, отыскиваніе женою пропавшаго мужа и т. д.); сказочный элементъ (къ нему постоянно обращается авторъ), находящійся въ романѣ Boeve de Hanstone, заставляетъ предполагать источникомъ романа многія сказки; иначе—предполагать, что романъ создался изъ сліянія различныхъ сказочныхъ мотивовъ и темъ. Авторъ развиваетъ это предположеніе и высказываетъ мнѣніе, что сказочный характеръ романа образовался подъ вліяніемъ не многихъ, а одной опредѣленной сказки, которая, какъ онъ думаетъ, находилась въ устномъ обращеніи во Франціи въ XII в. и сложилась въ эпоху крестовыхъ походовъ, затѣмъ независимо другъ отъ друга изъ нея создались двѣ поэмы, одна на сѣверѣ, другая на югѣ Франціи. Jordan приводитъ и вѣроятный текстъ этой сказки (которую онъ

также называетъ сагой XII в.), который онъ выдѣлилъ изъ редакцій романа Boeve de Hanstone. Предположивъ основою романа опредѣленную сказку, авторъ переходитъ къ опредѣленію составляющихъ ее мотивовъ (злая мать, подмѣна письма и т. д.), причемъ параллельно обращаетъ вниманіе на темы и подробности нѣкоторыхъ другихъ романовъ средневѣковья (между прочимъ на тему Гамлета), выработавшихся изъ вышеуказанныхъ сказочныхъ мотивовъ.

Трудъ Leo Jordan'а является весьма интереснымъ пополненіемъ литературы о романѣ Бово; для изслѣдователя рыцарскихъ повѣстей средневѣковья онъ долженъ имѣть положительное значеніе въ виду подробнаго и обстоятельнаго разбора вышеуказаннаго поэтическаго произведенія. Обращаютъ вниманіе и тѣ замѣчанія автора, которыя касаются отношеній сказки къ эпосу и ихъ взаимныхъ воздѣйствій.

Е. Е-ая.

Northcote W. Thomas, *Kinship organisations and group marriage in Australia. Cambridge: at the University Press (Cambridge archaeological and ethnological series)* 1906 pp. XIV+163.

Австралійцы занимаютъ въ этнографіи нѣсколько привилегированное положеніе. Ни одна изъ другихъ расъ не вызываетъ къ себѣ такого вниманія со стороны науки; ихъ быту и учрежденіямъ посвящаются спеціальныя изслѣдованія, но каждое изъ нихъ вмѣсто того, чтобы приблизить насъ къ разрѣшенію задачи, все болѣе удаляетъ отъ нея, выясняя все новыя и новыя трудности на пути къ правильному пониманію австралійской культуры. Уже въ болѣе раннихъ работахъ, какъ, напр., въ составившей въ извѣстномъ смыслѣ эпоху книгѣ недавно скончавшихся Файсона и Гауитта „Kamilaroi and Kurnai“ (1880 г.), общественный строй австралійцевъ представляется очень сложнымъ и трудно объяснимымъ, но эта сложность почти ничто въ сравненіи съ громоздкой и запутанной организаціей, вырисовывающейся теперь, послѣ позднѣйшихъ, болѣе детальныхъ изысканій. Вполнѣ понятно поэтому и крайне желательно появленіе такихъ работъ, какъ настоящая книга Томаса, ставящая себѣ цѣлью разобраться въ рядѣ вопросовъ, привлекавшихъ къ себѣ наиболѣе вниманія, но зато и вызывавшихъ больше всего разногласій.

Томасъ не принадлежитъ къ числу спеціалистовъ по австралій-

ской этнографіи, но онъ хорошо овладѣлъ литературой предмета и имѣетъ въ своемъ распоряженіи очень богатый фактическій матеріалъ. Этимъ матеріаломъ онъ, впрочемъ, пользуется болѣе скупо, чѣмъ можно было бы ожидать. Отчасти это, можетъ быть, объясняется желаніемъ избѣгнуть слишкомъ обширныхъ размѣровъ книги, но извѣстное вліяніе оказалъ въ данномъ случаѣ и методъ автора, придающаго главное значеніе „возможности показать логическую схему человѣческаго развитія". Онъ подвергаетъ очень обстоятельной критикѣ теоріи и гипотезы, высказывавшіяся по поводу родства и брака, но эта критика порой носитъ нѣсколько излишне абстрактный характеръ, такъ какъ направлена главнымъ образомъ на указаніе логическихъ пробѣловъ, извѣстныхъ внутреннихъ непослѣдовательностей въ теоріяхъ другихъ авторовъ и съ меньшей, чѣмъ можно было бы ожидать, полнотой даетъ фактическую провѣрку данныхъ теорій. Мѣстами критика Томаса очень убѣдительна, но порой она даетъ сравнительно мало результатовъ. Такъ напр. говоря о групповомъ бракѣ онъ прежде всего даетъ опредѣленіе этого термина, подъ которымъ онъ понимаетъ „промискуитетъ, ограниченный правилами, основанными на такихъ организаціяхъ, какъ возрастные классы, фратріи, тотемы или мѣстныя группы", и затѣмъ съ большой обстоятельностью доказываетъ, что прямыя фактическія указанія и другія данныя, приводимыя Гауиттомъ и другими авторами, на самомъ дѣлѣ существованіе группового брака, въ его Томаса пониманіи, не доказываютъ. Такъ какъ другіе авторы понимали подъ групповымъ бракомъ нѣчто иное, чѣмъ Томасъ, то получается въ значительной степени споръ о словахъ, тѣмъ болѣе что самъ онъ въ концѣ концовъ не рѣшается дать какого-нибудь окончательнаго объясненія такихъ явленій, какъ pirrauru или piraungaru.

Сказаннымъ мы, впрочемъ, не имѣемъ въ виду умалить значенія настоящей книги. Оно несомнѣнно велико, такъ какъ здѣсь подведены итоги тому, что до сихъ поръ сдѣлано для изученія родственныхъ организацій и брачныхъ отношеній у австралійцевъ, отдѣлено то, что можно считать выясненнымъ и что подлежитъ дальнѣйшей разработкѣ. Авторъ очень остороженъ и во многихъ случаяхъ предпочитаетъ оставить вопросы открытыми. Въ связи съ нѣсколько схематическимъ изложеніемъ, это лишаетъ книгу Томаса популярности, придаетъ ей нѣкоторую сухость, мѣшающую

ея болѣе широкому распространенію, но тѣ, кто интересуются австралійской этнографіей, прочтутъ книгу съ большой пользой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Томасъ даетъ интересный фактическій матеріалъ. Такъ, имъ дана интересная и поучительная сводка названій фратрій и классовъ, показывающая широкое распространеніе тождественныхъ или аналогичныхъ названій и чрезвычайно важная для выясненія самой природы соотвѣтственныхъ организацій. Распредѣленіе названій какъ фратрій такъ и классовъ, равно какъ распредѣленіе племенъ съ материнскимъ и отцовскимъ правомъ, иллюстрировано особыми картами, и можно лишь пожелать, чтобы подобный пріемъ шире вошелъ въ употребленіе. Достоинствомъ Томаса является также его стремленіе къ точности въ терминологіи, онъ удѣляетъ много мѣста, чтобы выяснить, что онъ понимаетъ подъ различными терминами, и хотя не со всѣми его опредѣленіями можно согласиться, они зато не даютъ почвы для какихъ-нибудь недоразумѣній, основанныхъ на непониманіи.

А. Максимовъ.

Jahrbuch *des Städtischen Museums für Völkerkunde zu Leipzig. B. I. 1906. Leipzig. Voigtländer's Verlag. 1907. 159 s.*

Мы привѣтствуемъ новое этнографическое періодическое изданіе извѣстнаго своими богатыми этнографическими коллекціями лейпцигскаго музея. Лейпцигскій этнографическій музей, для созданія и оборудованія котораго сдѣлалъ столько частный починъ, интересъ къ нашей наукѣ со стороны частныхъ лицъ, объединившихся въ Verein des Museums f. Völkerkunde, лишь съ 1904 г. перешелъ въ собственность и управленіе города. Музей до 1900 г. издавалъ лишь короткіе отчеты—„Berichte“—о своей дѣятельности. Послѣ пятилѣтняго перерыва правленіе музея рѣшило издавать вмѣсто нихъ ежегодникъ, первый № котораго мы имѣемъ передъ собой. Въ ежегодникѣ предполагаютъ помѣщать научныя работы меньшихъ размѣровъ, основой для которыхъ послужило изученіе коллекцій музея. Болѣе значительные по размѣрамъ труды правленіе музея предполагаетъ издавать въ „Veröffentlichungen des städtischen Museums f. Völkerkunde zu Leipzig“—изданіе, которое является продолженіемъ издававшихся при музеѣ „Mitteilungen“.

Въ первомъ томѣ Ежегодника, кромѣ отчетовъ о дѣятельности музея, мы встрѣчаемъ прежде всего некрологъ Dr, Obst—бывшаго директора музея, неутомимой энергіи котораго музей обязанъ своимъ возникновеніемъ и чрезвычайно пышнымъ расцвѣтомъ.

Научный отдѣлъ изданія представленъ статьей F. Krause, Zur Etnographie der Insel Nissan (группа о-въ Ниссанъ, состоящая изъ островов Ниссанъ, Пинепиль, Сиротъ, Барахунъ и др., лежитъ въ проливѣ между Саломоновыми о-вами и Архипелагомъ Бисмарка; они извѣстны и подъ другими именами: Зеленыхъ—о-въ. о-въ Чарль Гарди, Кайманскихъ). Насъ интересуетъ планъ и методъ работы. Избѣгая научныхъ гипотезъ и обобщеній, Краузе держался только сырого матеріала, имѣвшагося у него подъ руками, и изложилъ его въ слѣдующемъ порядкѣ: географическія свѣдѣнія, статистическія, власть и сословія, право, семья и бракъ, вѣрованья, языкъ и др.—далѣе въ области матеріальной культуры: расположеніе селеній, дома, утварь, пища и ея приготовленіе (антропофагія), употребленіе табака и бетеля, одежда и украшеніе (рубрики: волосы, украшенія налобныя, ушныя, носа, шейныя, нагрудныя, тѣла, рукъ, ногъ). окраска тѣла, татуировка, калѣченье, оружіе, орудія рыболовства, земледѣлія, способы передвиженія (лодки съ „коромысломъ“ и безъ нихъ, плоты, весла) техника (обработка раковинъ, гончарное и ткацкое искусство, плетеніе), музыкальные инструменты, предметы, употребляемые при пляскахъ, маски; торговля (разные виды денегъ). Приступая къ своей работѣ—изученію хорошей коллекціи предметовъ съ о-въ Ниссанъ, имѣющейся въ музеѣ и, къ счастью, снабженной подробными объясненіями одного изъ собирателей, Краузе познакомился со всей литературой изучаемой имъ маленькой области. Библіографическій списокъ ея приложенъ имъ въ началѣ его статьи. Затѣмъ онъ подвергъ сравнительному изученію и коллекціи съ о-въ Ниссанъ въ Берлинскомъ и Дрезденскомъ этнографическихъ музеяхъ, (въ статьѣ помѣчены №№, подъ которыми числятся описанные Краузе предметы въ музеяхъ; это чрезвычайно важно для тѣхъ, кто пожелалъ бы спеціально заниматься данной областью и работать въ тѣхъ же музеяхъ). Такой методъ работы далъ въ руки Краузе богатый матеріалъ; кропотливое изслѣдованіе. сравненіе отдѣльныхъ предметовъ дало

возможность установить различные типы одного и того же оружія или орудія, детально описать способъ приготовленія, напр., украшеній, перемѣну ихъ подъ вліяніемъ моды, взаимодѣйствія культуры о-въ Ниссанъ и сосѣднихъ островныхъ группъ и пр. Укажемъ для примѣра подробное описаніе употребленія бетеля, различныхъ видовъ браслетовъ, типовъ стрѣлъ (различныхъ формъ наконечниковъ, способы ихъ прикрѣпленія къ деревянной части, разнообразіе формъ этой части стрѣлы, украшеній, окраски и пр.), типовъ рыболовныхъ крючковъ, веселъ; интересное описаніе обработки раковинъ, разныхъ формъ денегъ. Статья снабжена многочисленными и прекрасными иллюстраціями. При такомъ детальномъ изученіи предметовъ матеріальной культуры народности они оживаютъ, становятся яркими свидѣтелями культурной работы народа въ теченіе долгаго періода времени, усилій, которыя дѣлала человѣческая мысль, чтобы достичь возможнаго совершенства въ предметахъ быта—наконецъ, они служатъ неопровержимымъ иногда доказательствомъ взаимодѣйствій культуръ отдѣльныхъ областей и говорятъ о сношеніяхъ народовъ другъ съ другомъ, о которыхъ исторія иногда уже не говоритъ ни слова.

В. Х-на.

Dähnhard, Oskar: *Natursagen, eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legenden. Band I, Sagen zum alten Testament.* 1907. Leipz. u. Berlin 376 стр.

Названный трудъ Оскара Денгарта представляетъ собою, какъ обозначаетъ это самъ авторъ въ предисловіи, лишь начало широко задуманной работы—собрать по возможности такія легенды (саги), сказки, басни, которыя представляютъ собою произведенія создавшіяся подъ вліяніемъ природы—ея явленій и предметовъ. Въ этихъ произведеніяхъ отразились попытки человѣческаго ума и воображенія уяснить причину явленій природы и особенности ея предметовъ. Въ первомъ изданномъ томѣ авторъ собралъ матеріалъ, касающійся творенія міра, человѣка, происхожденія зла (въ его конкретной формѣ), жизни первыхъ людей, отношенія ихъ къ животнымъ, созданія нѣкоторыхъ животныхъ, появленія у нихъ разныхъ отличительныхъ признаковъ и т. п. Такъ какъ въ зна-

чительномъ большинствѣ этихъ легендъ и сказокъ ясна связь ихъ съ библейскими повѣствованіями, то авторъ и далъ имъ подзаголовокъ: Sagen zum alten Testament.

Во второмъ томѣ, какъ предполагаетъ въ предисловіи авторъ, будутъ собраны легенды и сказки, имѣющія связь съ Новымъ Завѣтомъ, затѣмъ въ III и IV томахъ помѣстятся легенды о животныхъ, растеніяхъ, о небѣ, землѣ и людяхъ. Въ заключеніе авторъ намѣревается дать критическое изслѣдованіе о существѣ подобныхъ легендъ, ихъ созданіи и странствованіяхъ. Намѣченный авторомъ планъ весьма привлекателенъ и нельзя не пожелать его скорѣйшаго выполненія, тѣмъ болѣе, что уже первый томъ представляетъ собою весьма полезный и обширный матеріалъ для изслѣдователя, при чемъ этотъ матеріалъ расположенъ въ извѣстномъ порядкѣ, что значительно облегчаетъ пользованіе имъ. Интересно то, что авторъ въ значительномъ большинствѣ пользуется матеріаломъ, собраннымъ у славянскихъ народовъ (славянскія апокрифическія повѣствованія, сказки, легенды и т. д.), затѣмъ у инородцевъ Сибири и жителей Кавказа (по русс. источникамъ); въ составъ сборника входятъ сказанія финнскихъ племенъ, американскихъ индѣйцевъ и цыганъ, многочисленныя магометанскія легенды и легендарные разсказы средневѣковья, древнія иранскія сказанія и легенды Индіи. При расположеніи своего матеріала авторъ даетъ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія, касающіяся различныхъ измѣненій въ составѣ легендъ, происшедшихъ вслѣдствіе особенностей народнаго творчества, вліянія христіанства, грамотности и т. д.—Желая выяснить мѣстность и среду, гдѣ впервые появилось то или другое сказаніе, авторъ дѣлаетъ сопоставленія его параллелей и по типическимъ даннымъ прикрѣпляетъ его къ извѣстному пункту (стр. 36, здѣсь цыганскому сказанію приписывается индійско-иранское происхожденіе, которое авторъ находитъ и во многихъ другихъ, стр. 108, 109), затѣмъ намѣчаетъ возможные пути, по которымъ сказаніе, легенда, сказка переходили особенно свободно и быстро (стр. 37). Сборникъ снабженъ обширнымъ и интереснымъ библіографическимъ указателемъ, въ которомъ отмѣчены не только крупные сборники и сочиненія, но и различныя журнальныя статьи.

Книга Oskar'a Dähnhardt'a является весьма полезнымъ пріобрѣ-

теніемъ для изслѣдователя фольклора, ввиду цѣннаго матеріала, заключающагося въ данномъ сборникѣ.

E. E.

Cosquin E. *Le lait de la mère et le coffre flottant, legendes, contes et mythes comparés à propos d'une légende historique musulmane de Java.*

Подъ такимъ широкимъ заглавіемъ помѣщена въ журналѣ „Revue des qnestions historiques" (avril, 1908.) обширная и интересная статья извѣстнаго изслѣдователя сказокъ Эммануила Коскэна.— Въ богатомъ собраніи рукописей на малайскомъ языкѣ, хранящихся въ Университетской Лейденской библіотекѣ, нашелся экземпляръ малайскаго перевода съ яванскаго языка мусульманской легенды, относящейся къ появленію исламизма въ восточной части о. Ява и касающейся историческаго лица Раденъ Паку (Raden Pakou), распространявшаго мусульманство въ 15 в. на о. Явѣ.

Изучая этотъ документъ, E. Cosquin отмѣтилъ въ немъ такія черты, которыя нужно считать гораздо древнѣе 15 в. и которыя позволяютъ видѣть въ разсматриваемой легендѣ древнее преданіе Индостана. Изслѣдователь излагаетъ содержаніе легенды о Раденъ Паку, основнымъ мотивомъ которой служитъ рожденіе знаменитаго ребенка: этого ребенка, какъ причину народнаго бѣдствія, укладываютъ въ ящикъ и пускаютъ въ воды рѣки, его спасаютъ плывущіе по рѣкѣ и замѣтившіе ящикъ по окружавшему его сіянію. Ребенокъ выростаетъ необычайно умнымъ и красивымъ, совершаетъ подвиги и становится предметомъ уваженія. Воспитавшая его женщина проникается къ нему неодолимой страстью, которая однако безслѣдно пропадаетъ въ ней и замѣняется материнской любовью, послѣ того какъ, по просьбѣ Раденъ Паку, она кормитъ его грудью, изъ которой „по святости" героя, дѣйствительно появляется молоко.—Основныя черты этой легенды— 1, рожденіе необыкновеннаго ребенка, 2, заключеніе его въ ящикъ и спусканіе по водѣ, 3, сіяніе вокругъ ящика, 4, чудо съ материнскимъ молокомъ—какъ оказывается находятся въ одной легендѣ Индіи, записанной китайцемъ—буддійскимъ монахомъ во время его путешествія по Индіи между 399—414 годами по Р. Х., при чемъ содержаніе этой легенды болѣе связно и полно.—Е. Ко-

скэнъ, изложивъ эту легенду, приводитъ цѣлый рядъ преданій и сказокъ востока, гдѣ указанныя основныя черты, оставаясь неизмѣнными, являются въ различныхъ сочетаніяхъ и сопровождаются иногда весьма прихотливыми подробностями. Чтобы сдѣлать свой очеркъ еще болѣе полнымъ, изслѣдователь привлекаетъ преданія древнихъ Ассиріи и Вавилона, миѳы и легенды классической древности и слѣдитъ за измѣненіями, которыя появляются въ сказаніяхъ, вслѣдствіе соединенія различныхъ мотивовъ и разнообразія обработокъ. Послѣднія, затемняя иногда ту или другую черту, выдвигаютъ новую или, наоборотъ, усиливаютъ и развиваютъ забытую. Сказанія Африки также затрогиваются въ этомъ интересномъ очеркѣ и въ нихъ отмѣчаются черты, легшія въ основу преданія Индіи; подобные же мотивы заключаются въ европейскихъ народныхъ сказкахъ, при чемъ иногда они принимаютъ совершенно какъ бы новую форму (звѣри, кормящіе дѣтей, чудовище, кормящее грудью и т. п.). Изучая развитіе и различныя измѣненія указанныхъ сказочныхъ мотивовъ, Е. Коскэнъ въ основу кладетъ индійскую версію и опредѣляетъ по возможности ея воздѣйствіе на ближайшія легенды.

Очеркъ почтеннаго изслѣдователя не можетъ быть переданъ, конечно, въ краткихъ словахъ, тѣмъ болѣе, что главный его интересъ заключается въ тщательной работѣ надъ обширнымъ матеріаломъ, часть котораго излагается очень подробно. Слѣдованіе за авторомъ въ его аналитической работѣ интересно и полезно для всякаго интересующагося сказкою въ широкомъ смыслѣ этого слова, при этомъ получается какъ бы совмѣстное изслѣдованіе разнообразнаго матеріала, тѣмъ болѣе, что авторъ дѣлаетъ осторожно свои выводы, предоставляя такимъ образомъ каждому свободныя заключенія о приведенномъ богатомъ запасѣ легендъ, сказокъ и миѳовъ.

Е. Е.

M. G. Schybergson. *H. G. Porthan. Lefnadsteckning. Helsingfors.* 1908. Förra delen. XIII+281. (Съ портретомъ и 6 иллюстраціями).

Еще въ 1901 году „Шведское литературное общество" постановило издать, ко дню наступающаго столѣтія со времени

смерти, біографію Генрика Габріэля Портана. Это порученіе въ концѣ концовъ было возложено на профессора Магнуса Шюбергсона, выпускающаго теперь первую часть труда.

Портанъ (1739—1804), именемъ котораго называется цѣлый періодъ въ исторіи культурнаго развитія Финляндіи, представляетъ типъ ученаго—универсалиста среднихъ вѣковъ. Если его работы не отличаются крупной оригинальностью, въ общемъ однако вся его долгая дѣятельность поражаетъ насъ своею многосторонностью. Несмотря на антикварную точку зрѣнія, проводимую имъ въ своихъ работахъ, Портанъ, который, казалось, такъ далеко стоялъ отъ животрепещущихъ вопросовъ времени, сумѣлъ угадать важность изученія Финляндіи, и вдохновляемый этой интуиціей, которая ясно формулировалась въ его сознаніи послѣ заграничнаго его путешествія (встрѣча съ Шлёцеромъ въ Геттингенѣ), онъ направилъ всѣ свои силы на то, чтобы воскресить въ своихъ трудахъ прошлое родины.

Набрасывая біографію Портана, въ связи съ его научной дѣятельностью, Шюбергсонъ вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ насъ съ эпохой, отчего его работа пріобрѣтаетъ еще бо̀льшее значеніе. Она даетъ богатый матеріалъ для исторіи университетскаго образованія въ Финляндіи. Картина университетскихъ нравовъ настолько патріархальна, что я позволю себѣ сообщить изъ нея одну — двѣ черты. Обыкновенно для полученія степени магистра студентъ долженъ былъ подвергаться письменному экзамену. Экзаменъ происходилъ на дому у декана, и въ назначенный день тамъ собирался весь университетскій совѣтъ. Происходила попойка, послѣ чего магистрантъ принимался за работу. Вступивъ въ „консисторію“ (въ 1778 г.), Портанъ настоялъ на уничтоженіи какъ этого обычая, такъ и другихъ, въ которыхъ сказывалась грубая разнузданность нравовъ. На диспутахъ также не обходилось безъ комическихъ эпизодовъ. Однажды во время диспута доцента О. Шалберга (въ 1771 году) pro venia legendi восточныхъ языковъ, Портанъ, повидимому обладавшій солидными знаніями въ арабскомъ языкѣ, выступилъ неофиціальнымъ оппонентомъ и обратилъ вниманіе на то, что диспутантъ въ своей работѣ самъ образовалъ арабское слово, неизвѣстное по словарямъ. Онъ предложилъ ему отыскать указанное слово въ словарѣ, но оказалось, что тотъ совершенно не умѣлъ читать по-арабски (стр. 40—41).

Эти два факта раскрываютъ во всей неприглядности, какъ низко стояло въ серединѣ XVIII-го вѣка университетское преподаваніе. Портанъ, со свойственной ему энергіей, старался поднять уровень студенческихъ знаній, читая курсы изъ различныхъ областей гуманитарныхъ наукъ. Однако г. Шюбергсонъ, вѣроятно, ошибается, когда говоритъ о его внѣкурсовомъ чтеніи и комментаріи студентамъ современныхъ вопросовъ политической жизни (стр. 249). Для этого Портанъ былъ тяжеловатъ, да и въ статутѣ литературнаго общества „Аврора", невидно никакихъ намековъ на его интересъ къ политикѣ (стр. 104).

Въ мою задачу не входитъ слѣдить шагъ за шагомъ за научной дѣятельностью Портана; я остановлюсь только на его занятіяхъ финской народной поэзіей, въ результатѣ которыхъ была написана, правда, не оконченная работа: „De poesi fennica" (1766—1778, 5 вып.).

Въ значительной степени увлеченіе Портана финской поэзіей объясняется вліяніемъ пастора Менандера, занимавшагося въ серединѣ XVIII-го вѣка собираніемъ финскихъ народныхъ пѣсенъ. Г. Шюбергсонъ объясняетъ это также тѣмъ, что, какъ библіотекарь университета, онъ видѣлъ интересъ къ народной поэзіи въ Германіи и Швеціи (пѣсни Гердера и Макферсона). Но и помимо того, Портанъ, живя у себя въ деревнѣ (въ Виитасаари), имѣлъ возможность близко узнать народную жизнь. Въ своей работѣ Портанъ не успѣлъ затронуть всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ происхожденіемъ финскихъ рунъ; но кое-что онъ намѣтилъ, и его взгляды сыграли въ изученіи народной поэзіи большую роль. Такъ, напр., исходя изъ идеи Портана объ единой первоначальной редакціи рунъ, Эліасъ Лёнротъ конструировалъ Калевалу. Отъ Портана не ускользнула также необходимость изслѣдованія финскихъ рунъ въ Русской Кареліи, о существованіи которыхъ онъ узналъ изъ французскаго перевода Чесменской битвы Хераскова.

Вѣроятно, я еще вернусь къ Портану, когда выйдетъ въ свѣтъ вторая часть его біографіи, такъ живо написанной проф. Шюбергсономъ.

Владиміръ Гордлевскій.

G. A. Wallin. *Bref och dagboksanteckningar of utgifna jämte en lefnadsteckning af Knut Tallqvist.* Helsingfors 1905. XXXIV+366. Съ портретомъ и картой).

Работая надъ біографіей арабиста Валлина, проф. Кнутъ Тальквистъ (занимающій въ Гельсингфорсскомъ университетѣ каѳедру ассиріологіи) открылъ въ Университетской библіотекѣ его забытые автографы, въ которыхъ Валлинъ знакомитъ со своими впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ путешествія по Востоку и Западной Европѣ. Эти бумаги оказалось, не были использованы С. Г. Эльмгреномъ, когда онъ въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ издалъ „Очерки изъ путешествія Валлина по востоку въ 1843—1849 годахъ". Проф. Тальквистъ предложилъ поэтому „Шведскому литературному обществу" издать рукописи Валлина, какъ дополняющія во многихъ отношеніяхъ „Очерки", тѣмъ болѣе, что изданіе Эльмгрена давно уже разошлось.

По складу своей натуры, Валлинъ (1811—1852) какъ нельзя лучше подходилъ для путешествій. Прежде всего, это былъ такъ сказать „меццофанти" (еще оставаясь въ Финляндіи, онъ овладѣлъ въ совершенствѣ изъ восточныхъ языковъ: арабскимъ и персидскимъ, а изъ индо-европейскихъ: французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и даже русскимъ), и это сразу устанавливало тѣсныя отношенія между нимъ и восточной средой. Знакомый съ жизнью востока еще по разсказамъ своихъ петербургскихъ восточныхъ учителей, Валлинъ быстро усваивалъ его психологію, и такъ заслужилъ славу глубокаго знатока Востока. Вслѣдствіе преждевременной кончины, Валлину не суждено было опубликовать всѣ работы, о которыхъ онъ мечталъ; но то, что сдѣлано имъ въ области арабской филологіи, указываетъ, что это былъ не столько ученый, сколько эстетикъ, наслаждавшійся жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, особенно жизнью востока, гдѣ связь съ природой чувствуется тѣснѣе, чѣмъ у жителя европейскихъ городовъ.

Настоящая работа заключаетъ въ себѣ: 1) біографическій очеркъ Валлина, написанный для большой публики, 2) письма его къ матери и сестрѣ, 3) дневникъ, веденный имъ въ Іерусалимѣ въ 1847 году и 4) нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ. Здѣсь мы находимъ переписку его съ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, которое одно время предлагало Валлину предпринять путешествіе въ Среднюю Азію. Отъ этого предложенія Валлинъ

отказался, ссылаясь на свою неподготовленность а вторичное путешествіе въ Аравію не могло осуществиться за смертью его.

Владиміръ Гордлевскій.

Jean Nicolaides. *Contes licencieux de Constantinople et de l'Asie Mineure.* Kleinbronn (Heilbronn?). 1906. XXVIII+217.

Я. Николаидисъ († 1893), уроженецъ Каппадокійской Цезареи, во время своей службы въ Константинополѣ и на Хіосѣ, занимался собираніемъ матеріаловъ по греческому и турецкому фольклору. Издаваемый сборникъ заключаетъ въ себѣ 60 такъ назыв. „милетскихъ сказокъ". Іонійскія колоніи еще въ древности славились распущенностью нравовъ; въ этой обстановкѣ зародились фривольные разсказы, которые всегда и всюду находили и находятъ толпу поклонниковъ. Въ пикантности „милетскихъ сказокъ" лежитъ, вѣроятно, главная причина ихъ относительной устойчивости; сюжеты объ интимныхъ сношеніяхъ между полами сохраняютъ свои основныя черты во всемъ подлунномъ мірѣ. Они проникли въ новеллистическую литературу, получившую большое развитіе уже въ средніе вѣка.

Изслѣдователь исторіи фабліо найдетъ въ сборникѣ Николаидиса богатый выборъ сюжетовъ. Единственный недостатокъ это, быть можетъ, стилизація разсказовъ, утратившихъ свѣжесть народнаго творчества.

Владиміръ Гордлевскій.

Али Сиди, „*Дефтер-і галатат*" (Тетрадь ошибокъ). Константинополь, 1324 годъ хиджры. 248 стр.

Али Сиди, авторъ „Иллюстрированнаго османскаго словаря", (впрочемъ, пока вышелъ первый томъ отъ *а* до *ч*), издалъ недавно справочникъ трудныхъ турецкихъ словъ. Этотъ справочникъ важенъ прежде всего для турокъ, такъ какъ устанавливаетъ правильное начертаніе словъ, (если только можно говорить о турецкой ореографіи, построенной на непригодномъ для турецкаго языка арабскомъ алфавитѣ), и правильное сочетаніе сложныхъ выраженій. Сверхъ того, книжка А. Сиди представляетъ извѣстное значеніе и для оріенталиста, который найдетъ здѣсь этимологію турецкихъ словъ и объясненіе словъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ обладалъ серьезной филологической подготовкой, отчего его толкованія

не всегда могуть быть пріемлемы. Во всякомъ случаѣ, книжка его читается не безъ удовольствія. Отмѣтимъ нѣсколько ошибокъ, попавшихъ намъ на глаза при бѣгломъ просмотрѣ. „Бастонъ" (палка), какъ уже указываетъ его форма, заимствовано не изъ французскаго, а изъ итальянскаго языка, составъ слова: „бејһуде" (бі+һуде) произволенъ, такъ-какъ слово „һуде" въ современномъ персидскомъ языкѣ, кажется, неизвѣстно; хедивъ (титулъ египетскаго правителя) стоитъ, вѣроятно, въ связи со словомъ: „худа" (Богъ), т. е. первое его значеніе: божественный, такъ сказать божій помазанникъ; „зораки" (насильный, поневолѣ) заключаетъ въ себѣ греческое окончаніе и т. д. Интересно объясненіе выраженія: „біт пазоры" (толкучка); въ „біт" авторъ видитъ сліяніе арабскаго юридическаго термина: бej" бат (рѣшительная продажа).

Несмотря на нѣкоторые курьезы, повторяемъ, работа А. Сиди дополняетъ списокъ заимствованныхъ словъ, собранныхъ оріенталистами. Къ сожалѣнію, авторъ упорно скрываетъ свои источники, хотя иногда дословно выписываетъ цитаты изъ чужихъ работъ.

PS. Въ концѣ приложены арабскіе синонимы, употребительные въ турецкомъ языкѣ.

Владиміръ Гордлевскій.

Joseph Halévy, *Nouvelles considérations sur le cycle turc des animaux*. Leide. 1906, 27 стр. (Extrait du „T' oung-pao" série II, vol VII, № 2).

Происхожденіе календарнаго цикла двѣнадцати животныхъ, получившаго большое распространеніе въ Азіи, до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ. По этому поводу былъ высказанъ рядъ гипотезъ; но ни одну изъ нихъ нельзя признать доказательной.

Прежде всего, гипотеза о турецкомъ происхожденіи цикла, въ послѣднее время поддержанная синологомъ Э. Шаванномъ (Ed. Chavannes), въ работахъ котораго проскальзываетъ подчасъ французская легкость сужденія, не выдерживаетъ критики. Сомнительно, чтобы турки, какъ кочевники, могли установить счисленіе времени, основаное на движеніи солнца, для чего требуются серьезныя астрономическія познанія. Да ужъ самая цифра „двѣнадцать", фигурирующая въ циклѣ, указываетъ на то, что циклъ

заимствованъ откуда-то извнѣ, такъ-какъ ни въ системѣ турецкаго счета, ни въ народномъ суевѣріи двѣнадцать никогда не играло никакой роли.

Фр. Болль, изучая систему астролога Тевкра Вавилонянина о зодіакахъ, предположилъ, что корни цикла нужно искать въ халдейской цивилизаціи; но это предположеніе отпадаетъ, потому что сходство выражается только съ внѣшней стороны.

Проф. Жозефъ Галеви, заинтересованный проблемой, еще лѣтъ восемнадцать тому назадъ выдвинулъ гипотезу о томъ, что въ основѣ цикла лежатъ египетскія религіозныя представленія (упоминаніе о крокодилѣ, ибисѣ, культъ котораго процвѣталъ въ Египтѣ.) Теперь, послѣ появленія работы Фр. Болля, воспользовавшись собраннымъ у него матеріаломъ, онъ еще рѣшительнѣе становится въ защиту своей старой гипотезы. Въ системѣ Тевкра Вавилонянина, составляющей, такъ сказать, гороскопъ счастливыхъ и несчастныхъ часовъ, онъ видитъ характеризующія первые вѣка христіанства черты синкретизма, разсчитанныя на примиреніе религіозныхъ воззрѣній египтянъ и грековъ съ христіанской агіографіей (число 12—12 апостоловъ). Черезъ посредство христіанскихъ миссіонеровъ, эта система могла быть занесена въ Среднюю Азію къ туркамъ. Цѣнность гипотезы проф. Галеви такъ-же относительна, какъ раньше высказанныя гипотезы. Дѣло въ томъ, что у насъ возникаетъ вопросъ, какимъ-же образомъ циклъ двѣнадцати животныхъ сталъ извѣстенъ китайцамъ, которые, въ свою очередь, передали его своимъ сосѣдямъ.

До тѣхъ поръ, пока документально не будетъ выяснена исторія перехода цикла отъ одного народа къ другому, комбинація Галеви, свидѣтельствующая о большомъ его остроуміи, все-же виситъ въ воздухѣ.

Вл. Гордлевскій.

Л. Леже. Славянская миѳологія. Переводъ съ франц. *В. А. Пасенко,* подъ ред. *проф. И. А. Шляпкина.* Оттискъ изъ „Филолог. Зап.“ за 1907 г. Воронежъ. 1908.

Книга Л. Леже, профессора въ Collège de France, составилась изъ лекцій, читанныхъ въ 1895 г., и появилась отдѣльнымъ изданіемъ въ 1901. Въ настоящее время она вышла въ русскомъ переводѣ. Посвященная вопросамъ, по поводу которыхъ была

нагромождена цѣлая груда фантастическихъ построеній, „Слав. миѳологія" привлечетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ, интересующихся славянской стариной, и, какъ разсчитываетъ и авторъ, „заполнитъ пробѣлъ въ научной литературѣ Европы". Но—только до извѣстной степени. Авторъ—не историкъ культуры и не этнографъ; онъ—лишь филологъ, правда весьма добросовѣстный и остроумный. Какъ филологъ, онъ смотритъ и на задачи своего труда.

„Я задался цѣлью, говоритъ онъ, прочесть въ оригиналѣ всѣ латинскіе, греческіе и славянскіе тексты". Я умышленно умалчиваю, продолжаетъ онъ, о всѣхъ теоріяхъ, всѣхъ системахъ; я пренебрегаю, какъ бы заманчивы онѣ ни были, всѣми аналогіями съ миѳологіей восточныхъ народовъ, классическаго или германскаго міра. Я собралъ въ одно цѣлое отрывки, разсѣянные по разнымъ текстамъ, съ которыми меня сроднилъ болѣе чѣмъ тридцатилѣтній усидчивый трудъ, но не собираюсь составить изъ нихъ какой либо опредѣленной системы" (введ., стр. XIII). Конечно, такое сознательное игнорированіе всѣхъ теорій должно было неблагопріятно отразиться на цѣльности книги, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она не отвѣчаетъ на самые главные вопросы, которые въ правѣ предъявить къ ней наука о вѣрованіяхъ.

Возьмемъ хотя бы вопросъ о культѣ умершихъ. Авторъ приступилъ къ изслѣдованію славянской миѳологіи, не выработавъ предварительно общаго взгляда на этотъ культъ у малокультурныхъ племенъ. Поэтому его смущаетъ обожествленіе императора Траяна. „Въ томъ немногомъ, говоритъ онъ, что намъ извѣстно изъ миѳологіи какъ русскихъ, такъ и прибалтійскихъ славянъ, мы не находимъ другого примѣра обоготворенія человѣка" (стр. 115). О культѣ предковъ авторъ говоритъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги, но такъ, что у читателя остается совершенно неясное представленіе объ этомъ предметѣ. Бѣлорусскіе обряды въ память „дзядовъ" излагаются (с. 178—180) лишь для „доказательства того, что ихъ предкамъ-язычникамъ не была чужда идея о загробной жизни". О домашнихъ богахъ говорится какъ о совершенно особыхъ существахъ въ другомъ мѣстѣ (с. 136—144). Рода и рожаницъ авторъ признаетъ только божествами судьбы и даже не подозрѣваетъ ихъ связи съ культомъ предковъ (с. 141—3). Признаніе вилъ и русалокъ, какъ умершихъ душъ,

давно уже установленное, также встрѣчаетъ скептицизмъ со стороны г. Леже. По его мнѣнію, отождествленіе вилъ съ душами умершихъ возникло впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства (с. 154); причинъ такого именно вліянія изслѣдователь не указываетъ. Для того, чтобы объяснить т. н. „могилы русалокъ" (русалскія гробишта), такъ легко объясняемыя культомъ предковъ, онъ придумываетъ какіе-то кровавые поединки, которыми могли сопровождаться празднества русалій (с. 156).

Другою чертою труда г. Леже является стремленіе ограничиться данными, относящимися къ дохристіанской эпохѣ. Впрочемъ, этотъ принципъ не выдержанъ строго, и отступленія отъ него дѣлаютъ книгу болѣе полной и живой. Наоборотъ, другое стремленіе, объяснять терминологію культовъ данными славянскихъ языковъ, ведетъ изслѣдователя то къ очень рискованнымъ сближеніямъ, то къ излишнему скептицизму. Названіе бога Турупида авторъ производитъ отъ слова „трепетъ" (с. 131), миѳическое существо Іюду—отъ бабы яги (с. 153), волхвъ (съ фин. welho*)—отъ предполагаемаго слав. корня vels: „волшебникомъ называется тотъ, кто бормочетъ таинственныя слова" (с. 37, 169). Даже общепризнанныя производства не удовлетворяютъ г. Леже. По поводу имени Перуна онъ говоритъ: „Мы умышленно оставляемъ въ сторонѣ всѣ предложенныя сближенія съ литовскимъ и санскритскимъ языками. Не прибѣгая къ всякаго рода подозрительнымъ аналогіямъ, можно вполнѣ удовлетвориться объясненіемъ имени Перуна его чисто-славянскими элементами" (с. 57). Въ этомъ случаѣ автора можно упрекнуть не только въ пристрастіи къ домашнимъ производствамъ, но и въ недостаточномъ вниманіи къ „подозрительнымъ аналогіямъ": сближенія были сдѣланы не только съ языками литовскимъ и санскритскимъ, но также съ древнескандинавскимъ, готскимъ, прусскимъ, латышскимъ, мордовскимъ и греческимъ, и фактъ заимствованія объясняетъ варіанты этого имени на славянской почвѣ: перунъ, перенъ, перюнъ, перынъ, которые были бы необъяснимы при производствѣ отъ слав. корня „пер" при посредствѣ суфикса *ун* (бѣгунъ и т. п.), какъ объясняетъ г. Леже.

---

*) Мое объяненіе: *А. М.*

Излишній скептицизмъ г. Леже отчасти объясняется тѣмъ, что славянскіе языки для него—не родные. Такъ, его смущаетъ суффиксъ въ формѣ „Сварожичъ“. „Слово“ „небо“, разсуждаетъ онъ, даетъ прилагательное „nebeský“—небесный, а отнюдь не „небесичъ“. Имя сварогъ, употребленное въ значеніи неба, дало бы „сварожскій“ (с. 189—190). Смущаетъ его и выраженіе „скотій богъ“. „Не вполнѣ ясно, говоритъ онъ, почему богъ скота одинъ призывается наравнѣ съ богомъ грома. Можетъ возникнуть вопросъ, не служатъ ли слова „богъ скота“, приведенныя христіанскимъ лѣтописцемъ, презрительнымъ эпитетомъ, который значилъ бы—богъ скотовъ, богъ невѣждъ?“ (с. 96). Если бы авторъ не пренебрегалъ сравненіями съ аналогичными фактами изъ другихъ вѣрованій, онъ, конечно, не задалъ бы себѣ такого страннаго вопроса. Скептицизмъ г. Леже простирается и на „Слово о полку Игоревѣ“. Впрочемъ, это обстоятельство свидѣтельствуетъ лишь о плохомъ, сравнительно, знакомствѣ съ древне-русской литературой. „Возможно ли, говоритъ онъ, чтобы христіанинъ средневѣковой эпохи, человѣкъ просвѣщенный, *да къ тому же духовное лицо*, находилъ возможнымъ ссылаться на языческія преданія?.. Признаюсь, эти богохульства на мой взглядъ совершенно невѣроятны въ устахъ христіанина средневѣковой эпохи“ (с. 5).

Такое полное непониманіе памятника ведетъ къ тому, что авторъ отказывается пользоваться его указаніями на значеніе Хорса, Дажбога и Стрибога (с. 101, 105, 191).

Большое достоинство работы г. Леже—въ томъ, что онъ большею частью ссылается на первоисточники. Но иногда онъ пользуется данными изъ вторыхъ рукъ, и это ведетъ къ ошибкамъ. Такъ, онъ заимствуетъ изъ исторіи Погодина указаніе на то, что новгородскій храмъ св. Власія былъ построенъ на мѣстѣ идола Волоса (с. 98). Погодинъ по-своему объяснилъ слова лѣтописи: „у церкви деревянной, у Власія священномученика, на Волосовѣ улицы“[1]). Въ дѣйствительности, „Волосъ“ было простонародной формой имени Власія въ Новгородѣ, и улица, на которой стояла церковь Власія, называлась по имени церкви Волосовой и Власовой. Отсутствіе точности замѣтно также и въ другихъ мѣстахъ книги. На стр. 142 читаемъ: „Родъ и Рожаницы упомянуты также въ сбор-

---

[1]) Новгородскія лѣтописи. Спб. 1879. Стр. 192 (подъ 1163 г.).

никѣ Паисія. Здѣсь авторъ (?) описываетъ празднества по случаю рожденія ребенка, во время которыхъ взывали къ Роду и Рожаницамъ въ честь новорожденнаго, жертвуя имъ яства, а именно: хлѣбъ, сыръ и медъ". Г. Леже, повидимому, ссылается на „Слово Христолюбца" и апокрифическое слово Григорія Богослова, находящіяся въ Паисіевомъ сборникѣ. Но въ этихъ словахъ, хотя и упоминаются названныя божества, ничего не говорится о праздникахъ по случаю рожденія; о жертвахъ же хлѣба, сыра и меда говорится не здѣсь, а въ вопросахъ Кирика. Эта неточность тѣмъ болѣе досадна, что она позволяетъ автору связать культъ Рода и Рожаницъ съ моментомъ рожденія ребенка, на что̀ нѣтъ указаній въ памятникахъ.

Не всегда можно согласиться и съ чисто-филологическими производствами г. Леже. Такъ, вмѣсто того, чтобы взять точное значеніе слова „тризна"—поединокъ, борьба,—онъ приводитъ весьма проблематичное производство отъ корня тръ=истреблять, поѣдать, и объясняетъ это слово какъ пиршество (с. 177). Слово „рай", по его мнѣнію, обозначало мѣстопребываніе праведниковъ послѣ смерти (с. 38), тогда какъ извѣстно употребленіе этого слова лишь въ смыслѣ „садъ". Въ одномъ мѣстѣ г. Леже переводитъ сербское слово "го̀ра" словомъ гора, mont, тогда какъ это слово въ данномъ случаѣ употреблено въ смыслѣ „лѣсъ" (стр. 148: „Меня же, *горную* вилу, произвела на свѣтъ *гора*").

Вообще весьма осторожный въ своихъ выводахъ, авторъ иногда дѣлаетъ довольно рискованныя сближенія. Такова параллель между Геліосомъ, пророкомъ Иліею и Перуномъ (стр. 59—65). Здѣсь авторъ, повидимому, подъ вліяніемъ Аѳанасьева, выходитъ изъ рамокъ опредѣленнаго имъ для себя матеріала и не различаетъ уже эпохъ и народностей. По поводу обычая послѣ жатвы „вязать бо̀роду Ильѣ" онъ дѣлаетъ такое предположеніе: „Не является ли это смутнымъ воспоминаніемъ о золотой бородѣ Перуна?" (с. 60). Предположеніе тѣмъ болѣе странное, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „вяжутъ бороду Власію". Повидимому, г. Леже не имѣетъ яснаго представленія о миѳахъ, возникшихъ на почвѣ христіанскихъ вѣрованій. Отсюда происходитъ то, что сравнительно новыя представленія онъ возводитъ къ древней эпохѣ. Такъ, для доказательства того, что славяне имѣли богинь судьбы, онъ приводитъ болгарское вѣрованіе въ урисницъ, которыя наставляютъ ребенка,

учатъ грамотѣ и пріучаютъ къ бережливости (с. 143). Вѣрованіе, безусловно,—весьма позднее и, какъ указываетъ самъ изслѣдователь, заимствованное болгарами у грековъ; ясно, что оно не можетъ давать никакихъ указаній для дохристіанской эпохи.

Таковы недостатки труда г. Леже. Тѣмъ не менѣе нельзя не привѣтствовать появленіе на русскомъ языкѣ „Славянской миѳологіи", какъ книги, написанной безъ увлеченій старой миѳологической школы и содержащей довольно полное изложеніе данныхъ по вѣрованіямъ древнихъ славянъ. Во всякомъ случаѣ, это единственный трудъ въ своей области, стоящій на уровнѣ современной науки. Если мы не имѣемъ въ немъ цѣльнаго очерка вѣрованій славянъ, то это вина не одного автора. „Соединяя въ настоящемъ томѣ, говоритъ онъ, плоды продолжительнаго терпѣнія, я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что имъ еще многаго недостаетъ, чтобы стать вполнѣ законченнымъ памятникомъ. Памятникъ этотъ никѣмъ еще не былъ воздвигнутъ". Для созданія такого памятника требуются большія предварительныя работы надъ его матеріалами. Мы до сихъ поръ еще не знаемъ, о вѣрованіяхъ какихъ славянъ говорится въ Словѣ Христолюбца, въ апокрифическихъ словахъ Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, св. апостоловъ и въ другихъ древнихъ поученіяхъ.

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ очень плохо и, вопреки заявленію переводчика, врядъ ли былъ редактированъ. Многія фразы совершенно искажаютъ подлинникъ. Масса ошибочныхъ написаній: чешскій ученый Махаль названъ Машаломъ (X), датскій король Вальдемаръ—Владиміромъ (18), Чубинскій—Шубинскимъ, Шейнъ—Штейномъ (70), легендарный родоначальникъ чеховъ Чехъ—Секомъ (7). Очень странно звучатъ ссылки на русскія книги. Извѣстія Академіи Наукъ названы „Мемуарами", а Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха Веселовскаго—„Изслѣдованіемъ происхожденія духовной поэзіи въ Россіи" (61). Бесѣда трехъ святителей названа „Діалогомъ" (50), богъ Родъ— „Рожденіемъ" (142), Піесме (пѣсни) Караджича переведены „письма" (149), Веды поняты какъ народъ (32), Археографическая Коммиссія названа „Археологической" (5), вмѣсто Плутона стоитъ названіе Перуна (9), древніе проповѣдники названы „теологами" (29); вещественные памятники переводчикъ называетъ „фигурными"

(30), болгарское „хоро“—хоромъ (62), гуцуловъ—„хукулами“ (139).

А. Марковъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXVII, отд. III. Тифлисъ 1907 г.

Тридцать седьмой выпускъ „Сборника“ содержитъ нѣсколько статей, представляющихъ большой интересъ какъ для кавказскаго, такъ и для общаго языковѣдѣнія. Въ немъ помѣщены двѣ статьи А. К. Глейе („Опытъ рѣшенія ванскаго (урартскаго) вопроса“ и „Къ праисторіи сѣверно-кавказскихъ языковъ“), три статьи А. М. Дирра („Новѣйшіе взгляды на отношенія кавказскихъ языковъ къ другимъ“, „Закавказье, какъ родина арійцевъ“ и „О классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ“) и сверхъ того довольно обширный трудъ того же автора объ агульскомъ языкѣ. Начнемъ со статей Глейе.

Содержаніе первой статьи „Опытъ рѣшенія ванскаго (урартскаго) вопроса“ (отд. III стр. 18—48) вкратцѣ слѣдующее: авторъ высказывается за принадлежность языка такъ наз. ванскихъ или урартскихъ клинообразныхъ надписей (найденныхъ около озера Ванъ въ Арменіи) къ лезгинской группѣ языковъ и подтверждаетъ свое предположеніе сравненіемъ ванскихъ флективныхъ элементовъ и отдѣльныхъ словъ съ соотвѣтствующими лезгинскими; урартскій языкъ оказывается наиболѣе близкимъ къ лезгинскимъ языкамъ кюринской подгруппы; считая, такимъ образомъ родство урартійцевъ съ лезгинами доказанными, авторъ ищетъ лезгинскіе элементы въ языкѣ армянъ, занявшихъ территорію древнихъ урартійцевъ и, слѣдовательно, могшихъ много позаимствовать отъ этихъ послѣднихъ. Къ сожалѣнію, авторъ, приводя параллели изъ кюринскихъ языковъ, большею частію пользуется матеріалами Эркерта, на ненадежность которыхъ не разъ уже указывалъ уважаемый изслѣдователь Кавказа А. М. Дирръ. Это обстоятельство лишаетъ работу Глейе половины ея убѣдительности, такъ какъ почти каждое слово приходится провѣрять и сличать съ болѣе точными матеріалами, при чемъ результаты этихъ сличеній не всегда подтверждаютъ предположенія автора. Кромѣ того, мнѣ кажется не совсѣмъ правильнымъ, что авторъ, чтобы доказать принадлежность ванскаго языка къ кюринской подгруппѣ сравни-

ваетъ отдѣльные ванскіе флективные элементы съ кюринскими. Сходство флексій двухъ лингвистическихъ группъ не всегда доказываетъ ихъ родство. Такъ, въ финскихъ языкахъ, напримѣръ, мы находимъ очень много флективныхъ элементовъ, напоминающихъ соотвѣтствующіе индогерманскіе; и однако, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы финны были индогерманцами или, наоборотъ, индогерманцы—финнами. Самъ Глейе въ своей статьѣ „О происхожденіи грузинскаго народа и его языка" (8 Сборн. мат. дл. опис. мѣст. и плем. Кавк., вып. XXVII, отд. IV, стр. 113—122) указываетъ на сходство нѣкоторыхъ картвельскихъ грамматическихъ элементовъ съ семитскими и финнскими, выводя изъ этого лишь фактъ близкаго сосѣдства этихъ этническихъ группъ въ древнія времена и нисколько не думая доказать ихъ взаимное родство [1]). Словомъ, для доказательства родства двухъ лингвистическихъ группъ сравненіе флективныхъ элементовъ вовсе не достаточно. Дѣло вовсе не въ флексіяхъ, а въ томъ, какъ онѣ употребляются, словомъ, въ общемъ духѣ языка. Для доказательства родства урартійцевъ съ кюринцами надо было сравнить *грамматику* обоихъ языковъ; Глейе-же сравнивалъ лишь отдѣльныя грамматическія формы. Далѣе, мнѣ кажется страннымъ, что Глейе рѣшается относить ванскій языкъ къ кюринскимъ, несмотря на крайне малое количество параллелей въ области лексикологіи. Изъ шести ванскихъ корней, которые онъ сближаетъ съ кавказскими, два имѣютъ параллели лишь въ языкахъ картвельскихъ, а одинъ—лишь въ языкахъ аварской подгруппы лезгинской группы, такъ что собственно съ кюринскими языками ванскій имѣетъ только три общихъ корня: ванское *хі*, *хіні*=„сынъ", сравн. кюринское *хwа*, *хі*=„сынъ"; 2) ванскій корень *аг*=„сдѣлать", сравн. агульск. *аq* съ тѣмъ же значеніемъ; ванское названіе какого-то божества *Халдi*, сравн. рутульское *хал*=„Богъ". [2]) Замѣтимъ, что всѣ эти слова

---

1) Привожу слова самого Глейе („О происх. груз. нар." стр. 114): „Лингвистъ, наткнувшись разъ на соотвѣтствующія формы въ двухъ на первый взглядъ неродственныхъ языкахъ, долженъ остерегаться ложнаго предположенія, будто совпаденіе этихъ отдѣльныхъ элементовъ заключаетъ въ себѣ слѣды происхожденія упомянутыхъ языковъ отъ одной и той же вѣтви".

2) Глейе тутъ же приводитъ удинск. *їхнäр* (по Эркерту *хінап*)=„дочь". и джекск. *хъыныб* (по Эркерту *хіні́б*)=„жена" (ср. цакурское *хюнеше* съ тѣмъ же значеніемъ и удинск. *хунчі*=„сестра"). Эти слова, однако, происходятъ

—за исключеніемъ развѣ второго, которое есть обще-лезгинскій корень,—могли быть просто заимствованы у урартійцевъ кюринскими лезгинами, территорія которыхъ ближе подходитъ къ границамъ Арменіи.

Вторая статья Глейе, „Къ праисторіи сѣверно-кавказскихъ языковъ“ (ibid. стр. 49—90), трактуетъ главнымъ образомъ о языкѣ „митанновъ“, до-симетическаго населенія Месопотаміи. Въ началѣ статьи авторъ высказываетъ предположеніе, что древніе обитатели Колхиды не были картвельцами, какъ это до сихъ поръ думали многіе, а подходили всего ближе къ абхазо-черкесской группѣ и, въ частности, къ абхазцамъ. Онъ доказываетъ это, во-первыхъ, этимологіей колхидской рѣки φᾶσις (отъ черкесск. *псы*, убыхск. *бзы*=„вода“), а, во-вторыхъ, присутствіемъ абхазскихъ элементовъ въ южно-картвельскихъ языкахъ, которое можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ прежнее время абхазцы жили на югѣ современной территоріи картвельскихъ племенъ. Далѣе авторъ утверждаетъ, что племена, родственныя абхазо-черкесскимъ, въ древности жили и южнѣе, до самой Месопотаміи. Чтобы доказать это, онъ обращается къ языку „митанні“ и сравниваетъ его въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніи съ черкесскими. Во второй части своей работы, Глейе сравниваетъ тотъ же языкъ съ лакскимъ (лезгинской группы) и дѣлаетъ выводъ, что языкъ митанни занималъ среднее мѣсто между черкесскими и лезгинскими языками. Далѣе авторъ пытается объяснить нѣкоторыя собственныя имена, встрѣчающіяся у другихъ народовъ передней Азіи—какъ то: эламиты, кашши, аккадійцы—изъ лакскаго, чтобы доказать родство этихъ народовъ съ митаннами. Въ общемъ статья эта производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ первая.

совсѣмъ отъ другого корня, означающаго „самка“. Отсюда, напр., агульск. *hані*, табсаран. *хіні*, арчинск. *хон*=„корова“, удинск. *хуні*=„самка“.

Глейе приводитъ тутъ же якобы кюринское слово *хуолавчав*=„богъ“. На самомъ дѣлѣ слово это даргинское, какъ это видно изъ хюркилинскаго словаря Услара (см. *хюалавчав*), и стоитъ въ связи со словомъ *хюавчав* (мн. ч. *хюавчні*)=„хозяинъ“. По-кюрински „Богъ“ будетъ *γуцuар*, слово, которое можно сопоставить съ этруск. *husur*=„sacerdos“ и *husrnana*=эпитетъ бога Maris'а (по-кюрински *ніні*=„дитя, ребенокъ“, *γуцuараніні*=„божье дитя“).

Матеріалъ тутъ гораздо надежнѣе: во-первыхъ, митаннскій языкъ разработанъ Мессершмидтомъ повидимому лучше, чѣмъ ванскій г-омъ Никольскимъ, а во-вторыхъ, для кавказскихъ языковъ Глейе пользуется здѣсь почти исключительно матеріалами Услара и Лопатинскаго, въ надежности которыхъ сомнѣваться не приходится. Кромѣ того, въ отысканіи сходства между митаннскимъ языкомъ и кавказскими Глейе идетъ гораздо глубже, чѣмъ это онъ дѣлалъ при сравненіи ванскаго съ кюринскими. Не совсѣмъ ясно отношеніе автора къ эламскому вопросу. Въ своей статьѣ „О происхожденіи грузинскаго народа" онъ говорилъ: „...прагрузинскій языкъ находился въ родственной связи съ языкомъ древнихъ эламитовъ" (op. cit. 121). Какъ извѣстно, это—мнѣніе многихъ европейскихъ ученыхъ. Странно поэтому, что Глейе теперь вдругъ заговорилъ о родствѣ тѣхъ же эламитовъ съ лаками. Тѣхъ 3-хъ словъ, которыя онъ приводитъ въ подтвержденіе своего новаго предположенія, конечно, недостаточно, и мы надѣемся, что уважаемый авторъ когда-нибудь еще возвратится къ тому же вопросу. То же самое нужно сказать о сближеніи аккадійскаго языка съ кавказскими. Вѣдь о суммеро-аккадахъ существуетъ цѣлая литература, и вопросъ о ихъ языкѣ настолько много обсуждался, что разрѣшать его такъ просто и „между прочимъ" по меньшей мѣрѣ неосторожно.

Обратимся теперь къ статьямъ А. М. Дирра. Первыя двѣ („Новѣйшіе взгляды на отношенія кавказскихъ языковъ къ другимъ" и „Закавказье, какъ родина арійцевъ") представляютъ изъ себя изложенія работъ Тромбетти, Мункачи и Эргарта. Онѣ очень интересны, поскольку въ нихъ рисуется современное положеніе „кавказологіи" въ связи съ другими отдѣлами языковѣдѣнія. Еще интереснѣе третья статья „О классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ" (ibid. III стр. 91—102). Въ этой статьѣ авторъ старается освѣтить крайне сложный и интересный вопросъ кавказскаго языкознанія. Дѣло въ томъ, что во многихъ кавказскихъ языкахъ всѣ существительныя раздѣляются на классы (роды, категоріи), число которыхъ въ разныхъ языкахъ колеблется отъ 2-хъ до 6-ти. Каждый классъ (родъ, категорія) имѣетъ свою характерную „категорическую букву", которая прибавляется къ корню нѣкоторыхъ глаголовъ, прилагательныхъ, числительныхъ и существительныхъ. Такъ, напримѣръ, въ андійскомъ языкѣ

(аварской подгруппы лезгинской группы) мы имѣемъ отъ основы —oqo (-гу)=„четыре“ слѣдующія формы: *воqогу вошо*=„четыре сына“, *joqогу jоші*=„четыре дочери“, *воqогу hаморохі*=„четыре осла“, *роqогу haqу*—„четыре дома“. При этомъ, принципъ, по которому происходитъ это дѣленіе на классы, по большей части уловить очень трудно. Диррь въ своей статьѣ старается доказать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ древнимъ *соціальнымъ* дѣленіемъ. И дѣйствительно, ему удается доказать это относительно словъ, обозначающихъ одушевленные предметы и „разумныя существа“. Относительно предметовъ неодушевленныхъ сдѣлать это уже гораздо труднѣе. Тутъ ему приходится прибѣгать къ параллелямъ изъ австралійской этнографіи и къ предположенію, что кавказцы въ прежнее время дѣлились на тотемическіе кланы, но и это мало объяснетъ. Въ общемъ, мысль автора въ этомъ пунктѣ не вполнѣ ясна. Самъ онъ отчасти признается въ этомъ въ концѣ статьи: „разрѣшить вопросъ о классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ“, говоритъ онъ, „мнѣ не удалось, но все вышесказанное все-таки освѣщаетъ этотъ вопросъ; и, можетъ быть, это дастъ кому-нибудь идею попытаться разрѣшить вопросъ о происхожденіи грамматическихъ родовъ при помощи этнологическаго метода: чисто филологическій не достаточенъ для этого“. Мнѣ кажется, что Диррь самъ правильно оцѣнилъ свою статью: она, дѣйствительно, указываетъ на интересный и до сихъ поръ неизвѣданный путь для будущихъ изслѣдователей этого интереснаго вопроса, и я думаю, что путь этотъ, пожалуй, самый вѣрный.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о грамматическомъ очеркѣ агульскаго языка, составленномъ тѣмъ же Дирромъ и помѣщенномъ въ концѣ 37-го выпуска „Сборника“. Въ своей статьѣ „Кавказское языковѣдѣніе, его исторія и будущія задачи“ (Изв. Кавк. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1904 г. томъ XVII № 5 стр. 368—380) А. М. Диррь намѣчаетъ между прочимъ, что нужно сдѣлать въ области изученія лезгинскихъ языковъ. При видѣ этой программы отпадаютъ руки... Кажется, что десятки изслѣдователей при самой дружной энергической работѣ не будутъ въ состояніи выполнить всей намѣченной работы. И вотъ, прошло четыре года, и добрая половина этой колоссальной работы, кажется, скоро будетъ исполнена однимъ человѣкомъ, А. М. Дирромъ. За послѣднее время онъ каждый годъ выпускаетъ грамматику

какого-нибудь лезгинскаго языка: въ 1904 г. вышла „Грамматика удинскаго языка“ (XXXIII выпускъ „Сборника“) въ 1905—Грамматическій очеркъ табассаранскаго“ (XXXV вып. того же изд.), въ 1906—андійскаго (XXXVI вып.), наконецъ, въ 1907—агульскаго языка (XXXVII). Кромѣ того, въ предисловіяхъ къ табассаранской и агульской грамматикѣ Дирръ обѣщаетъ въ скоромъ времени заняться разборомъ своихъ матеріаловъ по другимъ языкамъ кюринской подгруппы: по рутульскому, цахурскому, будухскому, джекскому, хиналугскому и арчинскому. Часть этихъ матеріаловъ—именно, изъ области лексикологіи—уже опубликована въ послѣдней работѣ Дирра (по агульскому языку). Большой матеріалъ собранъ, повидимому, тѣмъ же ученымъ по языкамъ аварской подгруппы. При этомъ, несмотря на такую почти головокружительную быстроту работы, всѣ грамматики А. М. Дирра представляютъ большія достоинства. По каждой изъ нихъ можно составить себѣ ясное представленіе о грамматическомъ строѣ и особенностяхъ языка, а достаточное количество текстовъ позволяетъ также провѣрять слова автора. Лексиконы, сопровождающіе эти грамматики, не всегда достаточно полны; можно бы возражать и противъ принятой авторомъ транскрипціи—но, что жъ дѣлать? нельзя же все сразу. Во всякомъ случаѣ неутомимая энергія Дирра не можетъ не повергнуть всякаго въ изумленіе и не позволяетъ отзываться объ его интересныхъ и крайне-важныхъ работахъ по кавказскимъ языкамъ иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ.

Н. С. Т.

Hovorka, O., v. und Kronfeld A. (hrsg von). *Vergleichende Volksmedizin. Eine Darstellung volksmedizinischer Sitten u. Gebräuche, Anschauungen und Heilfaktoren, des Aberglaubens u. der Zaubermedizin.* Stuttgart. 1908.

Передъ нами пробный выпускъ этого изданія, которое будетъ встрѣчено этнографами съ живѣйшимъ интересомъ. Оно будетъ состоять изъ двухъ томовъ, содержащихъ 1344 страницы текста, богато украшенныхъ иллюстраціями. Вслѣдъ за частью общей—„Ученіе о причинахъ, сущности и леченіи болѣзней (этіологія, патологія, терапія)“ идетъ часть, посвященная спеціальному изученію представленій о разныхъ болѣзняхъ и ихъ леченіи:

напр., болѣзни органовъ дыханія, мозговыя и нервныя заболѣванія, отравленія, хирургическая помощь, уходъ за родильницей, дѣтскія болѣзни, глазныя, ушныя, зубныя заболѣванія, колдовство въ медицинѣ. Составленная на основаніи многочисленнѣйшихъ источниковъ (нѣсколько сотъ названій), трудами многихъ сотрудниковъ, книга будетъ представлять весьма полный сводъ свѣдѣній о народномъ врачеваніи во всѣхъ странахъ земного шара, начиная съ глубокой древности, и послужитъ важнымъ подспорьемъ всѣмъ занимающимся народными вѣрованьями. Для примѣра приведемъ нѣсколько свѣдѣній, помѣщенныхъ въ пробномъ выпускѣ. Часть общая заключается въ рядѣ статеекъ и замѣтокъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ (пользованіе ими облегчается составленнымъ указателемъ). Подъ словомъ Alp находимъ свѣдѣнія о представленіяхъ, связывавшихся съ кошмарными видѣніями и снами у разныхъ народовъ. Нѣмецкому Alp, Alb, Alpdrücken соотвѣтствуютъ lilith у древнихъ вавилонянъ и евреевъ, aal у персовъ, ἐπιάλτης у грековъ, incubus у римлянъ. Тотъ же „демонъ", существо, вызывающее кошмаръ днемъ, извѣстенъ у римлянъ подъ названіемъ daemon meridianus, у грековъ—ἀκηδία, у чеховъ—polednice, у поляковъ—dziewana, въ Оберлаузицѣ—dziwitza, у нѣмецкихъ крестьянъ—Mittagsalp, Mittagsteufel. По мнѣнію австрійскаго этнографа Höfler'а источникомъ представленій объ Alp'ѣ, какъ о зооморфномъ существѣ могла служить совмѣстная жизнь въ одномъ жилищѣ съ домашними животными. Alp, какъ извѣстно, весьма часто принимаетъ образъ животнаго. Чувство, переживаемое во время кошмара, сообщало жизненность видѣнію и утверждало малокультурнаго человѣка въ вѣрѣ въ существованіе духовъ. Кошмары, вызываемые, между прочимъ, недостаткомъ кислорода въ воздухѣ комнаты, гдѣ лежитъ спящій, долженъ чаще повторяться у живущихъ въ низкихъ и смрадныхъ жилищахъ представителей малокультурнаго человѣчества. Съ вѣрой въ кошмары можно также сблизить леченіе при древнихъ языческихъ храмахъ посредствомъ инкубаціи: больныхъ клали въ помѣщеніе, наполненное испареніями; недостаточное количество кислорода для дыханія вызывало указующіе пригодное леченіе сны.—Подъ словомъ Amulett находимъ обстоятельное перечисленіе предметовъ, имѣющихъ будто бы силу отвращать несчастіе, болѣзнь, колдовство и пр., оказывать помощь. О внѣшнемъ видѣ древнееврей-

скихъ амулетовъ для ношенія не сохранилось свѣдѣній; у древнихъ, египтянъ мы встрѣчаемъ множество амулетовъ, начиная съ скарабеевъ, узловъ, глаза и пр.; у народовъ Африки въ качествѣ амулетовъ выступаютъ рога и сосуды съ волшебными средствами, колокольца, зеркала, рука, поднятая съ жестомъ, отвращающимъ врага, рука съ протянутымъ впередъ указательнымъ пальцемъ, глаза и др. Въ Баваріи носятъ въ качествѣ амулетовъ: монету Benedictus omnibus, скаплеры, пушинки отъ вербы, и такъ наз. „Palin", талеръ Георга (солдаты), кольца изъ малахита (женщины) и пр. Амулетами служатъ нѣкоторые камни: 1. драгоцѣнные, яшма (м. пр., у др. египтянъ), нефритъ и др. 2. растенія—такъ, напр., носятъ на себѣ Artemisia, привязанной къ ногѣ, Achillea—къ шеѣ Alchemilla, Rumex, Artemisia—къ поясу. 3. письмена, на что указываетъ одно мѣсто въ Эддѣ о рунахъ; 4. все, скрѣпленное печатью —отсюда магическіе квадраты, однимъ изъ образчиковъ которыхъ является сирійская „печать Юпитера", другимъ—тоже сирійскій амулетъ „печать Ghazali". Въ Персіи были также извѣстны магическіе квадраты, въ Марокко до сихъ поръ фигурируетъ въ качествѣ талисмана „печать Соломона". 5. магическія формулы, начиная съ извѣстныхъ: sator arepo tenet opera ratos; 6. непонятныя слова, написанныя въ извѣстномъ порядкѣ, какъ, напр., Abracadabra, Abrakulaus и пр. 7. части животныхъ: волчьи и кабаньи клыки, когти, кости, жабы и т. п.; ихъ носятъ иногда и съ тѣмъ, чтобы перенести на носящаго качества животнаго; нѣкоторыя животныя обладаютъ, по народнымъ воззрѣніямъ, силою привлекать на себя ядовитыя вещества и, очевидно, этимъ самымъ избавляютъ отъ ихъ дѣйствія носящяго амулетъ.—Подъ словомъ Angang сведены многичисленныя данныя о счастливыхъ и несчастливыхъ встрѣчахъ.—Большое значеніе имѣютъ многочисленныя иллюстраціи, приложенныя къ труду Ховорки и Кронфельда; напр., статья Amulett иллюстрирована 12-ью изображеніями; многія растенія, почитаемыя лекарственными или волшебными, также изображены. Очень удачной представляется намъ мысль воспроизвести нѣкоторые памятники классической древности, имѣющіе отношеніе къ вопросу. Напр., статья: Angang иллюстрирована снимкомъ съ древне-греческой вазы, на которой изображенъ отъѣздъ Амфиарая. Амфиарай всходитъ на колесницу лѣвой ногой; впереди видны животныя, встрѣча съ которыми предвѣщаетъ гибель: орелъ, змѣя,

ежъ, сова, заяцъ, ящерица. Издатель обратилъ также вниманіе на произведенія художниковъ живописцевъ прежнихъ временъ и мы видимъ, напр., снимокъ съ картины Рубенса: св. Игнатій Лойола исцѣляетъ бѣсноватыхъ, какъ иллюстрацію къ статьѣ: Neurologie; къ статьѣ: Einhorn, снимокъ съ картины Ал. Бонвичино: св. Юстина, гдѣ у ногъ святой лежитъ символизирующій чистоту и дѣвственность единорогъ. Снимокъ съ картины мастера XV-го в. van Meckenem, изображающій рождество Св. Дѣвы Маріи, даетъ полную картину обстановки въ комнатѣ родильницы эпохи, современной художнику.

Мы позволимъ себѣ высказать, однако, сожалѣніе, что, къ совмѣстной работѣ надъ такимъ капитальнымъ трудомъ, очевидно, не были приглашены редакціей русскіе собратья этнографы. Отсутствіе свѣдѣній изъ русской народной медицины о способахъ врачеванія у многочисленныхъ инородцевъ Россіи будетъ крупнымъ пробѣломъ въ этой книгѣ. Въ первомъ выпускѣ по крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили фактовъ изъ русской этнографіи, а между тѣмъ хотя бы статья объ амулетахъ, даже въ той части, гдѣ говорится въ ней о магическихъ формулахъ, м. пр. о формулахъ, вспоминающихъ семь спящихъ отроковъ, статья о счастливыхъ и несчастныхъ встрѣчахъ и пр. могли бы съ пользой для дѣла быть добавлены свѣдѣніями, взятыми изъ русскихъ источниковъ.

В. Х—на.

А. М. Путинцевъ. Народная пѣсня новаго времени. Казань. 1908. Стр. 12. Цѣна 15 к.

В. В. Сиповскій первый, если не ошибаемся, ввелъ въ свой учебникъ для средней школы главу о „современной народной пѣснѣ“, гдѣ весьма основательно разбираетъ новый видъ народной поэзіи—„частушку“, не повторяя старыхъ фразъ объ „извращеніи народнаго творчества“ (*В. В. Сиповскій*, Исторія русской словесности. Часть I, выпускъ I. Спб. 1906. Стр.—96—100).

Подобную же главу учебника, только въ видѣ отдѣльнаго изданія, представляетъ собою и брошюра А. М. Путинцева. Правда, самъ авторъ нигдѣ не говоритъ о своихъ педагогическихъ задачахъ, но онѣ явствуютъ изъ всего изложенія и тона его труда.

Брошюра составлена по печатнымъ источникамъ, и новаго въ ней немного. Авторъ говоритъ о двухъ видахъ новой народной пѣсни—романсѣ и частушкѣ—и даетъ опредѣленіе того и другого (частушка, по нему, краткая риѳмованная пѣсенка въ 8, 6, 4 и 2 стиха"). Появленіе частушекъ въ народѣ относитъ ко времени „приблизительно въ половинѣ XIX столѣтія". Въ качествѣ главной причины появленія этого новаго вида народной пѣсни указываетъ „вліяніе начальной школы". „Школьные стишки не могли не понравиться (ученикамъ)... Вотъ въ подражаніе имъ-то деревня и могла составить пѣсенки въ новомъ духѣ. Подражаніе это, конечно, могло выразиться въ отношеніи стиха, риѳмы и языка, а содержаніе пѣсни было подсказано самою жизнью" (стр. 5). Въ томъ, что частушка есть созданіе личнаго творчества, авторъ не сомнѣвается.

Дальше авторъ брошюры подчеркиваетъ „чрезвычайную отзывчивость частушки на современность"; говоритъ о болѣе обычныхъ темахъ въ пестромъ содержаніи частушекъ и о пріемахъ творчества частушки, общихъ съ пріемами въ каждой пѣснѣ.

„На новую пѣсню еще не установилось въ нашемъ обществѣ опредѣленнаго взгляда", говоритъ въ заключеніе г. Путинцевъ. Мы думаемъ, что подобное заявленіе уже запоздало,—и въ подтвержденіе своего мнѣнія сошлемся на школьные учебники, а также и на новыя программы среднихъ учебныхъ заведеній.

Нельзя не пожалѣть, что авторъ удѣлилъ слишкомъ мало вниманія „страданіямъ" и „ихахошкамъ" (южно-великорусскимъ разновидностямъ частушки)—всего-на-всего три строки въ примѣчаніи. Мы ждемъ отъ г. Путинцева, какъ отъ уроженца Воронежской губерніи, заявившаго себя цѣлымъ рядомъ статей въ мѣстныхъ изданіяхъ (списокъ ихъ приведенъ на обложкѣ разбираемой брошюры), сборничка „страданій" и „ихахошекъ", которыя, какъ это ни странно, все еще остаются чѣмъ-то таинственнымъ и недоступнымъ для ученыхъ.

Дм. Зеленинъ.

Газеты и Журналы.

American Anthropologist. 1908. Vol. 10. № 1. (January March). *D. I. Bushnell*: „Ethnographical Material from North America in Swiss Collections“. Авторомъ осмотрѣны: Этнографическій музей въ Цюрихѣ, Базельскій музей, Историческій музей въ Бернѣ, Этнографическій музей въ Невшателѣ, Кантональный музей въ Лозаннѣ. Наиболѣе цѣнные матеріалы для американской этнографіи оказались въ Бернскомъ музеѣ, въ которомъ размѣщены, между прочимъ, коллекціи, собранныя художникомъ Вебберомъ, спутникомъ Кука въ его третьемъ путешествіи (предметы изъ сѣверо-западной Америки, изъ области Nootka sound, изъ южной Аляски и т. д.), бернскимъ уроженцомъ Шохомъ, прожившимъ въ Америкѣ около 30 лѣтъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка (преимущественно предметы изъ области верхняго Миссури), капитаномъ Малькольмомъ (Канада) и другими лицами. Какъ наиболѣе интересный и цѣнный изъ предметовъ, находящихся въ обладаніи Бернскаго музея, отдѣльно описанъ, до сихъ поръ не опубликованный въ полномъ видѣ, рукописный дневникъ и рисунки художника Фридриха Курца, проведшаго среди племенъ верхняго Миссури три года (1850—1852 г.) и составившаго тамъ цѣлый альбомъ изъ 700 приблизительно рисунковъ, изображающихъ индѣйцевъ и различныя принадлежности ихъ обстановки. Нѣсколько рисунковъ, до сихъ поръ не бывшихъ въ печати, воспроизведены въ статьѣ, равно какъ снимки съ нѣкоторыхъ предметовъ Бернскаго музея.—*T. A. Joyce*: „The Southern Limit of Inlaid and Incrusted Work in Ancient Amerika“. Описываются нѣкоторые предметы съ инкрустаціей изъ Перу и ставится вопросъ о происхожденіи употреблявшейся для этого бирюзы, залежей которой въ Южной Америкѣ до сихъ поръ не найдено и которая въ виду отсутствія сношеній между Перу и Мексикой не могла также доставляться

и съ сѣвера.—*J. R. Swanton*: The Language of the Taënsa". Статья касается стараго и запутаннаго вопроса объ языкѣ угасшаго теперь племени Taënsa, жившаго въ Луизіанѣ въ сосѣдствѣ съ Натчезами. Со словъ старинныхъ путешественниковъ языкъ этого племени считался родственнымъ натчезскому, но въ 1880—1882 гг. во Франціи были опубликованы обширные лигвистическіе матеріалы (грамматическіе замѣтки и тексты) по языку Taënsa, извлеченные нѣкіимъ Ж. Паризо якобы изъ бумагъ его дѣда Омонте. Матеріалы были встрѣчены первоначально съ полнымъ довѣріемъ и подъ заглавіемъ „Grammaire et Vocabulaire de la Langue Taënsa avec Textes, Traduits et Comentés par J.—D. Haumonté, Parisot, L. Adam" составили IX томъ серіи „Biblothèque Linguistíque Americaine", издаваемый извѣстнымъ лингвистомъ Люсьеномъ Адамомъ. Съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ этимъ матеріаламъ и другой видный лингвистъ-Гачетъ (Gatschet), снабдившій это изданіе своимъ предисловіемъ, но скоро Бринтонъ выразилъ печатно сомнѣнія въ подлинности всѣхъ этихъ матеріаловъ и привелъ въ подтвержденіе своего мнѣнія очень вѣскія данныя. Возгорѣвшаяся по этому поводу жаркая полемика въ концѣ концовъ оборвалась, не приведя ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Такъ какъ вопросъ о близости языка Taënsa къ языку Натчезовъ имѣетъ для этого спора рѣшающее значеніе, то Свантонъ собралъ чрезъ посредство профессора Госселина многочисленныя указанія объ языкѣ Taënsa, содержащіяся въ неопубликованныхъ докладахъ и письмахъ миссіонеровъ конца XVII и начала XVIII в. Въ этихъ письмахъ даются очень точныя и, поскольку возможна провѣрка, всегда подтверждающіяся современной наукой лингвистическія указанія, и вотъ про Taënsa эти миссіонеры категорически говорятъ, что языкъ у нихъ тотъ же самый, что у Натчезовъ. Въ заключеніе Свантонъ приходитъ къ выводу, что „древній языкъ Taënsa практически былъ тождественъ съ языкомъ Натчезовъ и что поэтому языкъ, полученный отъ или чрезъ Паризо, не есть языкъ Taënsa и вѣроятно на этомъ языкѣ никогда и никакой народъ не говорилъ".—*H. Montgomery*: „Prehistoric Man in Manitoba and Saskatchewan". Краткій отчетъ о раскопкахъ маундовъ, произведенныхъ авторомъ въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ 1907 г.—*M. Herzog*· „The Brain-weight of the Filipino". Авторъ, занимая должность патоло-

га при Burecau of Science въ Маниллѣ занимался въ 1904—1906 г. изученіемъ вѣса мозга туземцевъ Филиппинскихъ островов. Матеріаломъ служили трупы лицъ, содержавшихся въ Билибидской тюрьмѣ и умершихъ отъ разныхъ болѣзней. Авторъ говоритъ, что онъ бралъ для изслѣдованія мозгъ только тѣхъ туземцевъ, относительно которыхъ можно было думать, что въ нихъ нѣтъ примѣси европейской или китайской крови, но совершенно не указываетъ, къ какимъ именно изъ филиппинскихъ племенъ принадлежали обладатели этихъ мозговъ. Всего взвѣшены мозги 113 субъектовъ, исключительно мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 79 лѣтъ; средній вѣсъ мозга получился въ 1333,$_{54}$ гр., minimum—1,040 гр., maximum—1,605 гр.—*Fr. W. Kelsey*: „Some Archeological Forgeries from Michigan". Разсказана исторія очень грубыхъ и тѣмъ не менѣе благодаря своему сенсаціонному характеру имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ среди частныхъ коллекціонеровъ поддѣлокъ глиняныхъ и мѣдныхъ предметовъ съ клинообразными и гіероглифическими надписями съ рисунками и изображеніями ассирійскаго и египетскаго характера, найденныхъ будто бы при раскопкахъ въ Мичиганѣ, но оказавшихся произведеніемъ рукъ нѣкоего Д. О. Скотфорда, и до сихъ поръ не оставляющаго своего ремесла.—*R. F. Gilder*: „Recent Excavations at Long's Hill, Nebraska". Предварительный отчетъ объ еще незаконченныхъ раскопкахъ погребальныхъ маундовъ, обѣщающихъ дать важные результаты въ виду находки большого числа скелетовъ и череповъ, повидимому принадлежащихъ къ очень древней эпохѣ.—*A. L. Kroeber*: „Notes on the Ute Language". Краткія замѣтки по фонетикѣ и этимологіи языка одного изъ племенъ, принадлежащихъ къ шошонской группѣ.—*R. H. Mathews*: „Marriage and Descent in the Arranda Tribe, Central Australia". Главная задача автора доказать, что, вопреки мнѣнію Спенсера и Гиллена, у Arranda (Arunta) филіація ведется не по мужской, а по женской линіи; статья даетъ цѣлый рядъ интересныхъ частныхъ сопоставленій, но основной ея тезисъ аргументированъ очень неудачно.—*G. G. Maccurdy*: „Anthropology at the Chicago Meeting, with Proceedings of the American Anthropological Association for 1907".—„Proceedings of the Antropological Society of Washington"—„Book Reviews" (4 рецензіи).—„Some New Publications". —„Periodical Literature"—

„Foreign Notes“—„Anthropologic Miscellanea“.—„Officers and Members of the American Anthropological Association“.

Vol. 10, № 2 (April-June). *O. T. Mason*: „Mind and Matter in Culture“. Подчеркивая значеніе „ума“ въ сравненіи съ „природой“ въ дѣлѣ изобрѣтеній и культурныхъ пріобрѣтеній, авторъ даетъ абстрактныя и детальныя схемы для указанія направленій, въ какихъ должна идти дальнѣйшая разработка исторіи культуры.— *C. Wissler*: „Ethnographical Problems of the Missouri-Saskatchewan Area“. Краткій проспектъ тѣхъ задачъ, разрѣшенія которыхъ добивается изученіе этнографическихъ и археологическихъ особенностей данной области, населенной разнообразными племенами, которыя въ большинствѣ случаевъ являются здѣсь сравнительно недавними пришельцами.—*R. B. Dixon*: „Notes on the Achomawi and Atsugewi Jndians of Northern California“. Краткія замѣтки о матерьяльной культурѣ, соціальной организаціи и религіозномъ культѣ двухъ небольшихъ племенъ, принадлежащихъ къ Шастсткой семьѣ.

G. T. Emmons: „Petroglyphs in Southeastern Alaska“. Нѣкоторые петроглифы отличаются большой сложностью и одинъ изъ нихъ толкуется авторомъ какъ изображеніе хорошо извѣстной тлинкитской легенды о сотвореніи міра; много рисунковъ.—*H. R. Kroeber*: „Pima Tales“. Тексты (въ переводѣ только) двухъ легендъ о сотвореніи міра и о мужчинѣ, превращенномъ въ орла.— *A. W. North*: „The Native Ttibes of Lower California“. Главный интересъ въ статьѣ представляютъ описанія и снимки петроглифовъ, приписываемыхъ индѣйцами, которыхъ застали здѣсь европейцы, еще болѣе раннему населенію.—*D. I. Bushnell*: „An Early Account of Dighton Rock“. (Письмо въ Королевское Общество, 1730 г.).— *W. K. Moorenhead*: „Ruins at Aztec and on the Rio La Plata, New Mexico“.—*W. H. Holmes*: „The Tomahawk“. Авторъ указываетъ на значительную неопредѣленность этого термина, заимствованнаго колонистами у виргинскихъ индѣйцевъ и перенесеннаго съ металлической англійской сѣкиры, къ которой онъ примѣнялся самими туземцами, къ очень разнообразнымъ предметамъ туземнаго происхожденія.—*W. R. Gerard*: „The Term Tomahawk“. Лингвистическое и библіографическое дополненіе къ предыдущей статьѣ.—*R. H. Mathews*: „Sociology of the Chingalee Tribe, Northern Australia“. Въ этой статьѣ впервые съ точностью установ-

лена любопытная особенность, что классовое имя какъ мужчинъ, такъ и женщинъ мѣняется съ момента достиженія ими зрѣлости. У Чингали всего восемь классовъ; въ каждомъ классѣ различаются особыми названіями мужчины и женщины, взрослые и несовершеннолѣтніе, такъ что общее число классовыхъ названій достигаетъ 32. Помимо константированія этой любопытной черты, авторъ ведетъ полемику со Спенсеромъ и Гилленомъ относительно того, мужская или женская филіація у Чингали.—„Proceedings of the Anthropological Society of Washington".—„Book Reviews" (2 резенціи).—„Some New Publications".—„Periodical Literature".—„Foreign Notes".—„Anthropologie Miscellanea".

Anthropos 1908 Bd. III. Heft I. *P. Loupias*: „Tradition et légende des Batutsi sur la création du monde et leur établissement au Ruanda". О сотвореніи міра въ легендѣ говорится очень мало; главное ея содержаніе грѣхопаденіе (мать по нескромности разбалтываетъ тайну сотворенія ея дѣтей божествомъ Иманой), изгнаніе этихъ дѣтей изъ небеснаго рая на землю, устройство ихъ на землѣ. Текстъ легенды данъ только въ вольномъ переводѣ, если не въ пересказѣ.—*P. A. Volpert*: „Gräber und Steinskulpturen der alten Chinesen".— *F. Dahmen*: „The Paliyans, a Hill-Tribe of Palni Hills (South India)". Матеріалъ распредѣленъ по слѣдующимъ рубрикамъ: происхожденіе, языкъ, питаніе, лѣкарство, пища, способы охоты, торговля, жилище, одежда, украшеніе, танцы, церемоніи при достиженіи дѣвушками зрѣлаго возраста, бракъ, семья, рожденіе, соціальная организація, религія, суевѣрія, мораль, умственныя способности, смерть. Большинство замѣтокъ очень кратки.—*Jos. Bischofs*: „Die Niol-Niol ein Eingeborenenstamm in Nordwest-Australien". Начало повидимому довольно обширной статьи, посвященное пока общимъ разсужденіямъ о положеніи туземцевъ и ихъ будущемъ.—*P. Giraldos* „Enfermedades y medicamentos de los indígenas de Tong-King".—*P. A. M. de St Elie*: „La femme du désert autrefois et aujonrd hui". Статья имѣетъ дѣло съ положеніемъ женщины у бедуиновъ и ставитъ себѣ задачей показать, какъ плачевно для женщины было вліяніе ислама. Статья пока не закончена.—*Dr. Sten Konow*: „Notes on the Munda amily of Speech in India". Интересный очеркъ группы племенъ, представляющей самостоятельную лингвистическую семью, сближаемую авторомъ съ Mon-Khmer'скими языками, а чрезъ ихъ посредство

съ индонезійскими, меланезійскими и полинезійскими. Грамматика языковъ Munda отличается большимъ своеобразіемъ: строгое различеніе одушевленныхъ и неодушевленныхъ именъ, вліяющее на грамматическія формы, зависящихъ отъ нихъ родительныхъ падежей; включительная и исключительная формы въ двойственномъ и множественномъ числѣ личнаго мѣстоименія лица (ā-lān, мы двое, я и ты; ā-kin, мы двое, я и онъ или она; ā-bōn, я и вы; ā-lā, я и они) замѣчательное богатство указательныхъ мѣстоименій, которыя могутъ обозначать то, что совсѣмъ въ рукѣ, то, что нѣсколько дальше, но все еще близко, то, что далеко, то, что находится въ сторонѣ, что видно, что слышно и т. д.; двадцатичная система для крупныхъ чиселъ и т. п.— *Th. Koch-Grünberg*: „Die Haianákoto-Umána". Лингвистическіе матеріалы для изученія одного изъ племенъ Южной Америки, принадлежащагокъ караибской семьѣ; обширный словарь, въ которомъ сдѣлано множество сопоставленій съ другими караибскими языками по всѣмъ опубликованнымъ до сихъ поръ словарямъ.—*G. Schmidt*: „L'origine de l'idée de Dieu". Начало обширной работы, печатаніе которой вѣроятно растянется на цѣлый годъ. Первыя главы. историко-литературнаго содержанія.—„Miscellanea".—„Bibliographie" (5 резенцій). — „Zeitschriftenschau".

Heft. 2. P. A. M. de St. Elie: „La femme du désert autrefois et aujourd'hui". Окончаніе статьи, начатой въ предыдущей книжкѣ: заключеніе брака, разводъ, похищеніе, права и обязанности матери и т. п.—*J. Meier*: Mythen und Sagen der Admiralitätsinsulaner". Подлинные тексты и дословные переводы; сюжеты: почему мы умираемъ; почему Папиталаи не возвращаются на родину, если они разбиты; почему птица tjauka не встрѣчается на островѣ Лу; танцовальный праздникъ птицъ; какъ собака потеряла рѣчь; мышь и морской полипъ; рыбный орелъ и змѣя; сказка о голубѣ, превратившемся въ женщину; сказка о мужчинѣ, который былъ въ чревѣ рыбы и т. д. Начало этой статьи было помѣщено въ предыдущемъ году.—*F. da Offeio*: „Proverbi abissini in lingua Tigray". Начало этой статьи было помѣщено еще въ 1906 г.—*N. Stam*: „The Religions Conceptions of some tribes of Buganda (British Equatorial Africa)". Бѣглая статья, но даетъ нѣкоторыя любопытныя частности.—*P. Van Oost*: „Recueil de chansons mongoles". Подлинные тексты, французскіе переводы и нотныя записи 11 мон-

гольскихъ пѣсенъ.—*P. J. Reiter*: „Der Ackerbau in Neuguinea und auf den angrenzenden Inseln". Статья ставитъ себѣ цѣлью доказать, что земледѣліе у береговыхъ и прибрежныхъ племенъ Новой Гвинеи стоитъ значительно выше, чѣмъ это принято думать.—*P. T. Caius*: „Au pays de castes. Les Brahmanes". Продолженіе статьи, начатой въ 1907 г. Въ настоящемъ нумерѣ дается классификація различныхъ браманскихъ дѣленій и антропометрическія данныя.—*J. Häfliger*: „Fabeln der Matengo (Deutsch-Ostafrika). Подлинные тексты и подстрочные переводы; сюжеты: заяцъ и гіена; ихневмонъ и обезьяна; левъ и заяцъ.—*L. Cadière*: „Philosophie populaire annamite". Продолженіе статьи, начатой въ предыдущемъ году. Кромѣ изложенія представленій аннамитовъ о вселенной, о звѣздахъ, о странахъ свѣта, о происхожденіи міра, объ одушевленныхъ существахъ, дано много пословицъ въ подлинникѣ и переводѣ.—*P. F. Müller*: Die Religionen Togos in Einzeldarstellungen". Тоже продолженіе статьи, начатой въ предыдущемъ году. Нѣсколько миѳовъ о высшемъ существѣ; два въ подлинникѣ и подстрочномъ переводѣ, остальные въ вольномъ переводѣ и пересказѣ.—*G. Knosp*: „Le théâtre en Indochine". Довольно подробное описаніе театральнаго дѣла въ Аннамѣ и Камбоджѣ; аннамскій театръ связанъ съ китайскимъ, камбоджскій чрезъ посредство Сіама съ индійскимъ.—*H. Mueller*: „Some Remarks on the Article: „Un ancient document inédit sur les Todas" by P. L. Besse". *Th. Koch-Grünberg*: „Die Hianákoto-Umàna". Продолженіе; кромѣ окончанія словаря въ настоящемъ выпускѣ даны образчики фразъ.—*P. W. Schmidt*: „L'origine de l'idée de Dieu". Продолженіе историко-литературнаго обзора. „Miscellanea". „Bibliographie" (10 рецензій). „Zeitschrhiftenschau".

Heft 3. *A. Schotter*: „Notes ethnographiques sur les tribus du Kony-tcheou (Chine)". Авторъ различаетъ здѣсь три совершенно самостоятельныхъ народности: китайцевъ, *У*-jen и Miao; послѣднихъ онъ считаетъ древнѣйшими изъ трехъ, но все же не автохтонами; характеристика Miao, которой преимущественно посвящена первая часть статьи, дается въ очень общихъ чертахъ и не отличается точностью и опредѣленностью. Вопросъ о происхожденіи этой народности оставляется открытымъ; лингвистической характеристикѣ удѣлено лишь нѣсколько строкъ. Статья пока не закончена. *A. Witte*: „Der „Königseid" in Kpandu und bei einigen benachbar-

ten Ewe-Stämmen".—*G. Zumoffen*: „L'âge de la pierre en Phénicie". Статья строго фактическаго содержанія, описаніе раскопокъ и найденныхъ предметовъ; большое количество иллюстрацій. Напечатанная часть статьи имѣетъ дѣло съ палеолитическимъ вѣкомъ.—*G. Peckel*: „Die Verwandtschaftsnamen des mittleren Neumecklenburg". Очень детальное и отчетливое описаніе интересной системы родства, представляющей извѣстныя отличія отъ другихъ меланезійскихъ системъ, описанныхъ Кодрингтономъ, Грэемъ и другими авторами. Статья иллюстрирована многочисленными чертежами и содержитъ въ себѣ также нѣкоторыя указанія на бытъ новомекленбургцевъ.—*C. van Coll*: „Contes et légendes des Indiens de Surinam". Продолженіе статьи, начатой въ 1907 г.; подлинныхъ текстовъ нѣтъ, только вольный переводъ.—*M. Pionnier*: „Notes sur la Chronologie et l'Astrologie au Siam et au Laos".—„*Br. Otto O. Trapp*: „Die Isikula-Sprache in Natal, Südafrika". Очеркъ любопытнаго языка, выработавшагося въ Наталѣ для сношеній между зулусами, индусами и англичанами, особенно между двумя первыми народами. „Isikula" названіе зулусское, у бѣлыхъ же этотъ языкъ фигурируетъ подъ названіемъ „кухонно-кафрскаго", потому что къ нему приходится прибѣгать чаще всего при объясненіи съ прислугой. Хотя индусы очень широко пользуются этимъ языкомъ, они не наложили на него своего отпечатка; въ основѣ его лежитъ упрощенный до послѣдней степени зулусскій языкъ съ добавленіемъ изъ англійскаго словъ, выражающихъ предметы культурнаго обихода. По простотѣ конструкціи и легкости усвоенія „isikula" оставитъ за собой всѣ искусственные языки; вотъ нѣсколько фразъ для его иллюстраціи: mina buka wena—я вижу тебя; wena buka mina—ты видишь меня; yena buka mina—онъ видитъ меня и т. д. *P. Fr. Th. Gordaliza*: „Estudio sobre el Dialecto Thô de la region de Lang-sön".—*F. Crasselt*: „Die Stellung der Ehefrau in Japan".—*A. M. de St. Elie*:"—„Les Racusiens"—*P. W. Schmidt*: „L'origine de l'idée de Dieu"—„Miscellanea".—„Bibliographie" (10 рецензій)—„Zeitschriftenschau"

Man. Vol. VIII. 1908. № 1. Januarv. *F. R. Barton:* „Notes on Stone Pestles from British New Guinea".—*T. A. Joyce*: „Note on the Relation of the Bronze Heads to the Carved Tusks, Benin City".—*W. L. H. Duckworth:* „Report on a Human Cranium from a Stone Cist in the Isle of Man".—*Mrs. M. E. Cunnington:* „Notes on

Excavation at Oliver's Camp near Devizes, Wilts".—„Review (1 рецензія).—„Anthropological Notes".

№ 2. **February**. *W. Ridgeway:* „The Origin of the Guitar and Fiddle". Въ статьѣ подчеркивается роль щита черепахи и тыквы въ развитіи струнныхъ инструментовъ.—*J. G. Frazer*: „The Australian Marriage Laws" (библіографическая справка).—*Ed. Westermarck*: „The Killing of the Divine King" (нѣкоторыя поправки къ положеніямъ, высказаннымъ по тому же вопросу Фрэзеромъ).—*R. H. Mathews*: „Social Organisation of the Ngeumba Tribe, New South Wales". Нѣкоторыя подробности о недавно открытыхъ у австралійцевъ еще новыхъ дѣленіяхъ на „крови" и „тѣни", совершенно независимыхъ отъ дѣленій на фратріи, классы и тотемы.—„Reviews" (4 рецензіи).—„Anthropological Notes".

№ 3. **March**. *Baron A. von Hügel:* „Decorated Maces from the Solomon Islands"—*A. Breton*: „Archaeology in Mexico".—*A. van Gennep:* „Questions Australiennes II". Замѣтки о вѣрованіяхъ австралійцевъ на основаніи новыхъ матеріаловъ Штрелова.—*W. A. Dutt:* „New Palaeolitic Site in the Waveney Valley".—*A. C. Haddon:* „The Regulations for obtaining a Diploma of Anthropology in the University of Cambridge".—*W. L. H. Duckworth*: „Note on Mr. Klintberg's Studies upon the Folklore and Dialects of Gothland".—„Reviews" (3 рецензіи).—„Anthropological Notes".

№ 4. **April**. *W. G. Smith:* „Eoliths".—*J. Gray*: „A New Instrument for Determining the Colour of the Hair, Eyes, and Skin".—*R. W. Reid*: „Decorated Maces from Solomon Islands".—*C. Partridge:* „The Killing of the Divine King" (дополненіе къ замѣткѣ Вестермарка, помѣщенной въ февральскомъ выпускѣ).—„Reviews" (4 рецензіи).—„Anthropological Notes".

№ 5. **May**. *D. I. Bushnell:* „Primitive Salt-making in the Mississippi Valley".—*R. C. Thompson:* „The Ancient Goldmines at Gebêt in the Eastern Sûdan"—*J. Jetté:* „On the Language of the Ten'a II".—*R. A. Bullen:* „Polished Stone Implements from Harlyn Bay".—„Reviews" (3 рецензіи).—„Anthropological Notes".

№ 6. **June**. *C. M. Woodford:* „Notes on the Manufacture of the Malaita Shell Bead Money of the Solomon Group".—*C. Punch:* „Further Note on the Relation of the Bronze Heads to the Carved Tusks".—*A. Lang:* „Alfred William Howitt" (некрологъ).—*E. Dubois:* „On the Correlation of the Black and the Orange-Coloured Pig-

ments, and its Bearing upon the Interpretation of Redhairedness".—*R. E. Dennett:* „At the Back of the Black Man's Mind. A Reply to E. T.".—„Reviews" (2 рецензіи).—„Anthropological Notes".

Revue des études ethnographiques et sociologiques. Это новый журналъ, издаваемый извѣстнымъ ученымъ van Gennep'омъ съ текущаго 1908-го года и выходящій ежемѣсячно выпусками въ 4 печатныхъ листа. Въ программу журнала входятъ руководящія статьи, описаніе коллекцій, библіографія, свѣдѣнія объ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ и т. п. Соціологическія работы будутъ помѣщаться относящіяся къ обществамъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, въ этнографіи главное вниманіе предполагается удѣлять матерьяльной культурѣ; обѣщаны работы по археологіи, по сравнительному правовѣдѣнію, по исторіи религій и искусствъ и т. д., кромѣ того, въ частности по египтологіи, ассиріологіи и вообще по востоковѣдѣнію; соматической антропологіи и лингвистикѣ предполагается отвести второстепенное мѣсто, поскольку онѣ необходимы для уясненія отношеній между опредѣленными расами и ихъ цивилизаціями, для опредѣленія эволюціи учрежденій и идей. Вообще говоря, редакція имѣетъ въ виду помѣщать преимущественно работы, касающіяся вліянія однихъ цивилизацій на другія, очерки опредѣленныхъ культурныхъ цикловъ, опыты классификаціи соціальныхъ явленій и сравнительные или монографическіе этюды. Очень большое вниманіе редакція обѣщаетъ удѣлять второму отдѣлу, описанію коллекцій, особенно разсѣянныхъ по мелкимъ провинціальнымъ музеямъ. Статьи въ журналѣ будутъ печататься главнымъ образомъ на французскомъ языкѣ, но допускаются также на англійскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ. Подписная цѣна на годъ 20 франковъ, за границей 22 франка.

№ 1. *J. G Frazer:* „St. George and the Parilia". Отрывокъ изъ печатающагося въ настоящее время 3-го изданія книги „Golden Bough"—*M. Delafosse*: „Le peuple Siéna ou Sénoufo". Начало довольно обширной работы; въ настоящемъ нумерѣ: мѣсто жительства. исторія, дѣленія на племена и подъ-племена, антропологическіе признаки, татуировка, обрѣзаніе, болѣзни, одежда.—*Ch. Boreux* „Les poteries décorées de l'Egypte prédynastique".—„Analyses" (рецензіи)—„Notes bibliographiques".—Sommaires des revues".—„Chronique".—„Catalogues".

№ 2. *A. Lang*: „Exogamy".—Нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія къ положеніямъ, высказаннымъ авторомъ въ его прежнихъ работахъ „Social Origins" и „Secret of Totem".—*M. Delafosse*: Le peuple Siéna ou Sénoufo" (продолженіе: прическа, жилище).—*G. Ferrand*: „Note sur le calendrier Malgache et le Fandruana".— „Analyses" (5 рецензій).—„Notices bibliographiques"—„Sommaires des revues".—

Zeitschrift für Ethnologie. 1908 Heft I. *Th. Koch-Grünberg und G. Hübner*: „Die Makuschi und Wapischána". Статья состоитъ изъ небольшого введенія, выясняющаго этнологическое положеніе данныхъ народностей и лингвистическихъ матеріаловъ; эти матеріалы слѣдующіе: три списка словъ языка Makuschi и два списка словъ языка Wapischána, при чемъ для сравненія приведены параллели изъ опубликованныхъ раньше словарей этихъ языковъ и нѣкоторыхъ близко родственныхъ племенъ; въ дополненіе данъ очеркъ грамматики языка Makuschi и сказано нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ языка Wapischàna.—*W. Belck*: „Die Erfinder der Eisentechnik". Эта статья тѣсно примыкаетъ къ другой работѣ того же автора, напечатанной въ томъ же журналѣ въ предыдущемъ году [1]) Результаты своихъ изслѣдованій Белькъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: Для эпохи 1100—1000 гг. до Р. Х. только для Ханаана и Палестины въ тѣсномъ смыслѣ слова можно доказать дѣйствительное существованіе желѣзной техники, главными носителями которой надо считать филистимлянъ, а въ болѣе широкомъ смыслѣ вообще южныхъ финикіянъ. Далѣе оказывается, что всѣ дальнѣйшія попытки доказывать для того отдаленнаго времени существованіе желѣзной техники, все равно самостоятельно изобрѣтенной или заимственной, у другихъ народовъ, принадлежащихъ къ культурному кругу древности, дали отрицательный результатъ, а въ частности совершенно исключается культурный кругъ Египта. Дальнѣйшій вопросъ, изобрѣли ли филистимляне-финикіяне желѣзную технику самостоятельно или заимствовали ее откуда нибудь, суживается тѣмъ, что въ этомъ отношеніи народы Индіи и восточной Африки почти навѣрное исключаются, и приходится считаться только съ островами Средиземнаго моря и въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ съ Критомъ. Равнымъ образомъ и заимствованіе изъ Africa minor было бы

[1]) См. Этн. Обозр. 1907 г. № 3 стр. 136—137.

очень мало вѣроятно, потому что тогда желѣзо въ западныхъ странахъ встрѣтилось бы раньше, чѣмъ въ Сиріи-Палестинѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ имѣется именно обратное". Такъ какъ къ тому же изобрѣтателями стального производства были, по мнѣнію Белька, во всякомъ случаѣ филистимляне-финикіяне, то въ концѣ концовъ онъ склоняется къ выводу, что въ „филистимлянахъ мы весьма, вѣроятно, должны видѣть единственныхъ въ настоящее время самостоятельныхъ изобрѣтателей желѣзнаго производства".— *O. von Buchwald*: „Vokabular der „Coroados" von Ecaudor". Кромѣ словаря даны образчики простыхъ фразъ.—Во вторнмъ отдѣлѣ, въ „протоколахъ" помѣщены слѣдующія краткія замѣтки и отчеты: *O. Schlaginhaufen*: „Bericht über eine Orientierungsreise nach Kieta auf Bougainville"; *R. N. Wegner*: „Ein überzähliger Prämolar beim Siemang"; *G. Schweinfuvth*: „Brief aus Biskra; „*R. Neuhauss*: „Die Neuordnung der Photographiesammlung der Berliner Anthropologischen Gesellschaft"; *O. Olshausen*: „Die Leichenverbrennung in Japan„; *Mayntzhusen*: Ausgrabungen in Yaguarazapá am Alto Parana"; *Dr. Thurnwald*: „Nachrichten aus Nissan und von den Karolinen"; *E. Brückner*: „Ausgrabungen in Usadel"; *H. Virchow*: „Der Kopf eines Guajaki-Mädchens"; *W. Hermann*: „Die ethnographischen Ergebnisse der Deutschen Pilcomayo-Expedition".— Далѣе слѣдуютъ библіографія (3 рецензіи) и списокъ книгъ, вновь поступившихъ въ библіотеку общества.

Heft. II. *E. Hollack*: „Die Grabformen ostpreussischer Gräberfelder".—*Eichhorn*: „Depotfund im Münchenrodaer Grund bei Jena".— *E. Brandenburg*: „Ueber Grabsteinmuster in Anatolien". — *R. H. Mathews*: „Some Mythology of the Gundungurra Tribe, New South Wales".—„*H. Basedow*: „Vergleichende Vocabularien der Aluridja- und Arunndta-Dialekte Zentral-Australiens"—*M. Moszkowski*: „Ueber zwei nicht-malayische Stämme von Ost-Sumatra". Эти племена Aketts и Sakeis; послѣдніе близки съ одной стороны къ Sakei Малакки, съ другой стороны къ цейлонскимъ Ведда; приведены таблицы антропологическихъ измѣреній.—Въ „протоколахъ", кромѣ возраженій, которыми обмѣнялись Белькъ и Бертолетъ по вопросу объ изобрѣтателяхъ желѣзной техники, помѣщены еще слѣдующія замѣтки: *H. Virchow*: „Einsetzen der Zähne nach Form"; *O. Münsterberg*: „Einfluss Westasiens auf ostasiatische Kunst in vorchristlicher Zeit"; *Waldeyer*: „Gehirne menschlicher Zwillings-und

Drillingsfrüchte verschiedenen Geschlechtes".—Далѣе библіографія (5 рецензій) и списокъ поступленій въ библіотеку.

Heft III. *D. Kürchhoff*: „Maasse und Gewichte in Afrika". Обширная статья (свыше 50 страницъ), содержащая въ себѣ богатый и разнообразный подборъ фактовъ.—*E. Fischer*: „Über den Ursprung der rumänischen Bojarenfamilien. Авторъ особенно подчеркиваетъ громадную роль славянскаго элемента въ образованіи румынской народности. — *P. Strassmann*: „Die anthropologische Bedeutung der Mehrlinge".—*E. Brandenburg*: „Über neue Grottenfunde in Phrygien.—„Въ протоколахъ"—*A. Penck*: „Das Alter des Menschengeschlechtes". На основаніи геологическихъ сопоставленій Пенкъ пытается опредѣлить возрастъ человѣчества и измѣряетъ его крупнымъ масштабомъ, сотнями тысячелѣтій, древнѣйшія находки палеолитическихъ орудій, такъ называемую шельскую эпоху. онъ относитъ приблизительно къ срединѣ ледниковаго періода, общая продолжительность котораго была отъ 500 тысячъ до 1 милліона лѣтъ. Уже эти цифры поражаютъ своею громадностью, но Пенкъ идетъ дальше; примыкая къ работамъ Рюто, онъ склоненъ признать искусственное происхожденіе за эолитовыми предметами и относитъ кентскія находки къ концу пліоценоваго періода, орильянскія ставитъ на рубежѣ между пліоценовымъ и міоценовымъ періодомъ и бонсельскія—на рубежѣ между міоценовымъ и олигоценовымъ періодами. Такъ какъ продолжительность пліоцена по мнѣнію Пенка въ 3—4 раза больше четвертичной эпохи, а продолжительность міоцена по крайней мѣрѣ вдвое больше пліоцена, то получается, что возрастъ древнѣйшихъ эолитическихъ предметовъ приходится измѣрять многими милліонами лѣтъ. Единственное, что затрудняетъ Пенка въ допущеніи существованія человѣка уже въ самомъ началѣ міоцена, это—трудность предположить, чтобы міоценовый періодъ, чрезвычайно богатый измѣненіями всякихъ животныхъ формъ, прошелъ безслѣдно для человѣческаго рода и чтобы на протяженіи милліоновъ лѣтъ, протекшихъ отъ начала міоцена до эолитическихъ находокъ древнѣйшихъ моментовъ четвертичной эпохи, человѣческая культура, представляемая его орудіями, не потерпѣла никакихъ измѣненій и стояла все на одномъ и томъ же уровнѣ. Чтобы найти выходъ изъ этого затрудненія, Пенкъ допускаетъ предположеніе, что древнѣйшіе эолитическіе предметы были издѣліемъ не человѣка, а его антропоморфныхъ предковъ. Докладъ Пенка вызвалъ въ обществѣ

оживленныя пренія, не приведшія къ окончательному результату; наибольшія возраженія вызывали соображенія докладчика относительно эолитическихъ орудій.—*H. Klaatsch*: „Die Steinartefakte der Australier und Tasmanier, verglichen mit denen der Urzeit Europas". Въ сопоставленіи каменныхъ орудій, особенно эолитическихъ, австралійскихъ и тасманійскихъ съ европейскими авторъ видитъ доказательство существованія человѣка въ третичную эпоху.—*W. Lehmann*: „Reisebericht aus San José de Costa Rica".—*A. Fischer*: „Neuerwerbungen aus China".—*R. Koch*: „Anthropologische Beobachtungen gelegentlich einer Expedition an den Viktoria-Nyanza".—Библіографія (4 рецензіи), поступленія въ библіотеку.

Олонецкія губ. Вѣдомости 1908 г. *Георгіевскій, М. Д.* Голосъ изъ Кареліи (Авторъ-учитель, русскій, женившійся на карелкѣ, разсказываетъ, какъ онъ изучилъ карельскій языкъ и какъ мало изучаютъ его тамъ русскіе священники, учителя, фельдшера и т. д. **8, 9**. *С. А.* Изъ исторіи службы Полеостровскаго монастыря церкви и государству (истор. обзоръ, христ. миссіон. м—ря среди инородцевъ). **32, 45, 57**. Семейный и общественный бытъ населенія Олонецкаго края по даннымъ мѣстнаго фольклора. **38**. Промыселъ невѣстами. (изъ „Вост. Рѣчи"). Въ Никольскъ-Уссурійскѣ нѣкоторые „предпріимчивые" крестьяне везутъ по Россіи „дѣвушекъ-невѣстъ", гдѣ сватаютъ и выдаютъ замужъ по всѣмъ правиламъ сватовства, принявъ на себя роль отцовъ; формально торгуются за стоимость невѣсты. **41**. *П.*, Сказательница былинъ Н. С. Богданова. Гастроль ея въ Петрозаводскѣ и лекція Н. С. Шайжина. **43**. Н. С. Шайжинъ предполагаетъ лѣтомъ **1908** г. собрать древнія рукописи. **51**. *Шайжинъ Н.* Памяти изслѣдователя Олонецкаго края А—ра Ѳед. Гильфердинга.

Сибирская Заря 1908 г. № 173 и 174. *Кудинецъ.* Среди бурятъ кудинскаго вѣдомства. (Свѣдѣнія о свадебныхъ обычаяхъ, кочеваніяхъ, тайлаганахъ (общ. жертвоприношенія и др.).

Сѣверо-Кавказская газета 1908 г. №№ 198, 199, 200, 202, 203 и 204. *Ананьевъ, Герасимъ*, Караногайцы (Караног. степь, климатъ, центръ управленія, кибитки, домашн. обстановка, аулы, зимовки и перекочевки, калмыцкій чай, кушанья и способъ его приготовленія, костюмъ, женск. украшенія, появленіе на свѣтъ ребенка, возрастъ вступленія въ бракъ, многоженство, калымъ, свадебн. обряды, положеніе женщины въ семьѣ, занятіе караногайцевъ, воспитаніе дѣтей.

Новости этнографической литературы.

Анатолій, архимандритъ. Американскіе очерки. I. Православіе въ Америкѣ. II. Славянство въ Америкѣ. III. Вѣроисповѣдный вопросъ въ Америкѣ. Од. 1908. 8°.

Буслаевъ, Ѳ. И. Сочиненія. Томъ I. Сочиненія по археологіи и исторіи искусствъ. Изд. Отд. русс. яз. и слов. И. А. Н. Съ 40 рис. въ текстѣ. Спб. 1908 4°.

Былины новой и недавней записи изъ разныхп мѣстностей Россіи. Подъ редакціей *проф. В. Ѳ. Миллера*, при ближайшемъ участіи *Е. Н. Елеонской* и *А. В. Маркова*. Изданіе Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. М. 1908. 8°. V+312 стр. Ц. 2 руб.

Варнеке, Б. В. Новый сборникъ документовъ по исторіи аттическаго театра. Каз. 1908. 8°. брош.

Васнецовъ, Н. М. Матеріалы для объяснительнаго областного словаря вятскаго говора. Изданіе Губ. Стат. Ком-та. Вят. 1908. 8°. II+357. Ц. 80 коп.

Гамченко, С. Раскопки на побережьѣ Финскаго залива. СПб. 1908. 4°. бр.

Гольдинъ, Н. С. прив.-доц. Лекціи по исторіи древняго Востока. Изд. филол. отдѣла о-ва взаимопомощи студентовъ Харьков. университета. Харьковъ 1907 г. 4°. (литогр.).

Гушло, В. Десятокъ украинскихъ писень зъ Подолля. Кіевъ 1906. 4°. бр. ноты.

Доничъ, А. Мѣстные законы Бессарабіи 1908 г. 2 р. 50 к.

Забѣлинъ, Иванъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ч. I. Доисторическое время Руси. 2-е изд. испр. и дополн., съ порт. автора, съ рис. скиѳовъ и сарматовъ и картою европейской Сарматіи Птолемея. М. 1908. 4°.

Киппъ, Теодоръ, проф. Исторія источниковъ римскаго права. Переводъ А. М-ра со 2-го перер. изданія. СПб. 1908. 8°.

Коноваловъ Д. Г. доц. Религіозный экстазъ въ сектантствѣ. Диссертація на степень магистра богословія. 1908. Ч. I, вып. 1. Ц. 2 р. 25 к.

Кузнецовъ-Красноярскій, Инн. Минусинскія древности Мѣдно-бронзовый и переходный періоды. Вып. 1. Томск. 1908. f. бр.

Никольскій М. В. Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи изъ собранія Н. П. Лихачева. Со 104 таблиц. автограф. текстовъ (586 цинкографій) и съ 9 фото-типичн. табл. („Древности Восточныя", Т. III, вып. I). М. 1908. 4⁰. 106+104 табл.+5 стр. объясненій+IX таблицъ фототипій.

Никольскій, Н. Царь Давидъ и псалмы ц. 65 к.

Папюсъ. Философія оккультизма. Анализъ теоріи философіи въ приложеніи къ оккультизму. Переводъ книги (L'Occultisme et le Spiritualisme) со 2-го франц. изд-ія А. В. Трояновскаго, изд. А. А. Улыбина. Спб. 1908. 8⁰.

Поржезинскій, В. К. Индо-европейскія древности съ точки зрѣнія современной науки. (По поводу новаго изд. труда Шрадера „Sprachvergleichung und Urgeschichte). Спб. 1906, 8⁰ брош.

Приваловъ, Н. И. Танбуровидные музыкальные инструменты русскаго народа. Очеркъ ихъ происхожденія, появленія на Руси и существованія. (Домра, балалайка, лютня, кобза, бандура, бандурка, торбанъ, мандолина, гитара). Историческое изслѣдованіе. Спб. (?). 1905 (?) 8⁰. 63 стр., съ нотными образцами въ текстѣ. Оттискъ.

Пѣсни, собранныя Н. В. Гоголемъ. Изданы Г. П. Георгіевскимъ. Изданіе Отдѣленія русс. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ. (Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя", выпускъ второй). Спб. 1908, 8⁰. 433 стр.+2 таблицы факсимиле.

Россія и Италія. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, касающихся сношеній Россіи съ Италіей. Изд. И. Ак. Н. Т. I. вып. I. Т. II. вып. I. Спб. 1907—1908. 8⁰.

Рѣдинъ, Е. К. Письма В. В. Стасова къ Н. Л. Шабельской. (Изъ XVIII т. Сборника Харьк. Ист.-Фил. О-ва, изданнаго въ честь проф. Н. Ѳ. Сумцова). Х. 1908. 4⁰. бр.

Рѣдинъ, Е. К. Икона „Недреманное око". (Оттуда же). Х. 1908. 4⁰.

Самоквасовъ, Д. Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. М. 1908. 4⁰.

Сборникъ свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ. Томъ I, подъ ред. А. С. Себріевскаго. Изд. Ставроп. Губ. Стат. Комитета. 1908.

Сенатовъ, В. Философія исторіи старообрядчества. В. I. ц. 30 к.

Скиднеръ, В. А. Бронза, ея природа и исторія съ древнѣйшихъ временъ. Изд. А. И. Заруднаго Спб. 1908. 8⁰.

Словарь Украïньскоï мови. Зібрала ред. журн. „Кіевская Старина“. Упорядкував, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Т. I. А—Ж., Т. II. З—Н. Кіевъ 1907. 4⁰.

Смирновъ, А. Курсъ исторіи религій. Каз. 1908. 8⁰. 384+XIX стр. (изъ „Учен. Зап. Каз. Унив.“, т. LXXV).

Смирновъ, Я. И. Рисунки Кіева 1651 года по копіямъ ихъ конца XVIII вѣка. М. 1908. 4⁰. стр. со 197 по 512, 13 отдѣльныхъ таблицъ фототипій.

Струве, М. Б. Матеріалы по землепользованію горнозаводскаго поселенія частныхъ горныхъ заводовъ на Уралѣ. Отчетъ по командировкѣ. Спб. 1908. 8⁰ (Департ. Г. З. И.).

Тимковскій, Дм. Наша страна. Картины природы и быта народовъ Россіи. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Съ 400 рисунками. М. 1908. 8⁰. 476 стр. ц. 1 р. 50.

Шестаковъ, С. П. Изъ новѣйшей литературы по исторіи эллинизма. Каз. 1907. 8⁰ брош.

Ярошевичъ, А. Малороссы по переписи 1897 г. (Изъ „Жив. Старины“). Кіевъ 1905. 8⁰ брош.

Arnaud et Cortier, Nos confins Sahariens. P. 1908, 8.

Biedenkapp, Georg, Dr. Der Nordpol als Völkerheimat. Iena. 1906. 8⁰. VIII+195 S.

Bousse, Wilhelm, D., Prof. Das Wesen der Religion, dargestellt an ihrer Geschichte. Mit Bildern. Volksausgabe. Halle. 1906. 8⁰. II+240+IV S.

Braune und weisse Kinder. Ernstes u. heiteres aus einem indischen Missionshause. Lpz. 1908.

Bronner, F. J. Von deutscher Sitt *u.* Art. München. 1908. 8.

Dähnhardt, Oskar (herausgegeben von). Natursagen. Eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legenden. Mit Beiträgen von V. Armhaus, M. Boehm, I. Bolte, K. Dieterich, H. F. Feilberg, O. Hacman, M. Hiecke, W. Hnatiuk, B. Ilg, K. Krohn,

A. von Löwis of Menar, G. Polivka, E. Rona-Sklarek, St. Zdiarski und anderen. Band I. Sagen zum Alten Testament. Leipzig u Berlin. 1907. 8⁰. XIV+376 z.

Dietrich, Ludwig, Prof. Volkskundliche Zeitsriftenschau für 1905. Herausgegeben im Auftrage der hessischen Vereinigung für Volkskunde. Leipzig. 1907. 8⁰. II+366 s.

Eickhoff, H. Die Kultur d. Pueblos in Arizona u. New Mexico. Stuttg. 1908.

Gjorgjevic, Tihomir, Dr. Von den Zigeunern in Serbien. (Nach der Handschrift des Verfassers verdeutscht von Dr. Friedrich S. Kraus n Wien). (Reprinted from the Journal of the Gypsy Lore Society, Ianuary, 1908).

Graham, W. Kelantan (государство на о—въ Мароккo) Glasgow. 1908. 16⁰.

Halkin, J. Quelques peuplades du district de l'Uélé. Liège. 1907.

Hermann, Paul. Island in Vergangenheit und Gegenwart. Reise-Erinnerungen. I Teil—Land und Leute. Mit 60 Abbildun. in Text und 1 Titelbild. Leipzig 1907. 8⁰. XII+376 S. II. Teil—Reisebericht. Mit 56 Abb. in Text, 1 Farbigen Titelbild und 1 Uebersichtskarte der Reiseroute des Verfassers. L. 1907. 8⁰. VI+316 S.

Jegar-Cettes, J. Was die Sennen erzählen. Märchen u. Sagen aus dem Wallis 3 ed. Berne. 1908. 16⁰.

Ieremias, Alfred, Dr. Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients. Handbuch zum biblischorientalischen Alterthumskunde. Mit 216 Abbildungen und 2 Karten. Zweite neu bearbeitete Auflage. Leipzig. 1906. 8⁰. XVI+624 S.

Ichireeff. Etude ethnographique sur les Slaves de Macédoine. P. 1908.

Krauss, F. Slavische Volkforschungen. Lpz. 1908.

Kunos, I. Das türkische Volksschauspiel. Lpz. 1908 (?) 8.

Loisy, A. Les Evangiles synoptiques. 2 v. Paris. 1908. 8.

Lehmann, Alfred, Dr. (an der Universität Kopenhagen). Aberglaube und Zauberei von den ältesten Zeiten an bis in die Gegenwart. Deutsche autorisirte Uebersetzung von D-r Med. Petersen I. (Nervenarzt in Düsseldorf). 2-te umgearbeitete und erweiterte Auflage. Mit 2 Tafeln und 67 Textabbildungen. Stuttgart. 1908. 8⁰. XII+665 S.

Lorenz, Friedrich, Dr. Slovinzisches Wörterbuch. I. Teil. A—Ѳ. Изданіе Отдѣленія Русс. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ. Spb. 1908. 8⁰. IV+738 S. Цѣна 4 руб.

Much, Matthaeus. Die Heimat der Indogermanen im Lichte der urgeschichtlichen Forschung. Zweite mit Berucksichtigung der neueren Forschungen vermehrte Auflage. Iena-Berlin. 1904. 8⁰. III+421 S.

Nuoffer, O. Ahnenfiguren von der Geelvinkbai, Holländisch N. Guinea. Abh. d. Kngl. zool. *u.* anthrop. Museum's zu Dresden. B. XII. 1908.

Sarfert, Ernst. Haus und Dorf bei den Eingeborenen Nordamerikas. Mit 84 Abbildungen im Text und 3 Karten. I Teil: Haus. II Teil: Dorf.—Literatur. („Archiv für Anthropologie", 1908, B. VIII, Heft 2/3, S. 117—215. 4⁰).

Schrader, O. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums. Dritte neubearbeitete Auflage. I Teil. Zur Geschichte und Methode der Linguistische-Historischen Forschung. II Teil. I Abschnitt. Die Metalle. II Abschnitt. Die Urzeit. Iena 1907. 8⁰, 559+XII, 120, 236 S.

Selous, F. C. African nature notes a. reminiscences. L. 1908. 8.

Steinhausen, Georg, Dr. Deutsche Privatbriefe des Mittelalters. Mit Unterstützung der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften. II Band. Geistliche—Bürger I. („Denkmäler der deutschen Kulturgeschichte" I Abteilung Briefe 2. Band). Berlin. 1907. 8⁰. XXXIII+215 S.

Wilser, Ludwig. Stammbaum der indogermanischen Völker und Sprachen. Nach einem am 9 Iuli 1906 im Historisch-philosophischen Verein zu Heidelberg gehaltenen Vortrag. Iena. 1907. 8⁰. 38 S.

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при Отдѣлѣ **Музыкально-Этнографической Комиссіи.**

Предсѣдателемъ **Этнографическаго отдѣла** былъ поч. чл. *Вс. Ѳ. Миллеръ* (безсмѣнно съ 15 декабря 1881 года), товарищемъ предсѣдателя непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, секретаремъ — непр. чл. *В. В. Богдановъ*, библіотекаремъ—д. чл. *Е. Н. Елеонская*.

Въ отчетномъ году Отдѣлъ имѣлъ 9 засѣданій, изъ нихъ одно публичное, посвященное памяти грузинскаго писателя - этнографа кн. И. Г. Чавчавадзе.

На засѣданіяхъ слѣдующія 12 лицъ сдѣлали 21 сообщеніе:

1) *Вс. Ѳ. Миллеръ* (8 сообщеній): а) Памяти Ник. Карл. Зейдлица, б) Нѣсколько дополнительныхъ данныхъ по кавказовѣдѣнію, в) Къ былинѣ о Добрынѣ и Василіи Казимировичѣ, г) Памяти кн. И. Г. Чавчавадзе, д) О нѣкоторыхъ былинныхъ именахъ, е) О былинныхъ братьяхъ-суздальцахъ, ж) Къ былинѣ о Казаринѣ, з) Къ пѣснямъ и преданіямъ о Петрѣ Великомъ.

2) *Д. И. Аракчіевъ*: Князь И. Г. Чавчавадзе и его стихотворенія въ грузинской народной пѣснѣ.

3) *П. В. Гидуляновъ:* Положеніе женщины въ клирѣ древне-христіанской церкви.

4) *В. А. Гордлевскій*: Старообрядческая деревня подъ Ак-Шехиромъ въ Малой Азіи.

5) *Е. Н. Елеонская*: Нѣсколько замѣчаній о роли загадки въ сказкѣ.

6) *Г. Ѳ. Жорданія:* Бытъ грузинскаго народа по произведеніямъ кн. И. Г. Чавчавадзе.

7) *С. К. Кузнецовъ:* Опытъ изученія черемисскихъ костюмовъ со стороны художественной.

8) *А. Н. Максимовъ* (два сообщенія): а) Свекорь и теща въ народныхъ обычаяхъ, б) Групповой бракъ.

9) *А. В. Марковъ:* Отраженіе борьбы еврейства съ христіанствомъ въ сказаніяхъ о Кожемякѣ и въ былинахъ.

10) *Б. М. Соколовъ:* Изъ пѣсенныхъ записей на Бѣломъ озерѣ.

11) *А. С. Хахановъ:* Кн. И. Г. Чавчавадзе, какъ этнографъ.

12) *С. К. Шамбинаго* (два сообщенія): а) Къ изученію типа калики, б) Отраженіе XVI вѣка въ былинѣ о Василіи Буслаевѣ.

Въ отчетномъ году продолжалъ выходить журналъ „Этнографическое Обозрѣніе“, вступившій съ 1908 г. въ 20-й годъ изданія.

Состоящая при Этнографическомъ Отдѣлѣ Комиссія въ отчетномъ году имѣла 5 закрытыхъ засѣданій и 1 открытое, совмѣстно съ Этнографическимъ Отдѣломъ. Закрытыя засѣданія были посвящены обсужденію внутреннихъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью комиссіи, а именно ея изданій, устройства концертовъ, лекцій и снаряженія спеціальныхъ командировокъ, съ научно-музыкальною цѣлью.

Изданія, начатыя въ прошломъ году, частью закончены, частью приближаются къ концу. Такъ, Комиссіей изданъ 1-й вып. III-го тома ея „Трудовъ“, объемомъ въ $19^1/_2$ л. 4^0, въ количествѣ 1.200 экз. Этотъ выпускъ посвященъ весь вопросамъ музыкальной ритмики въ связи съ народной музыкой, при чемъ главное мѣсто занимаетъ работа покойнаго члена Эти. Отдѣла Ю. Н. Мельгунова, озаглавленная имъ „Элементарный учебникъ ритмики“, и давно ожидавшая своего изданія. Средства на это изданіе были ассигнованы д. чл. П. Д. Самаринымъ, взявшимъ на себя и трудъ редактированія этого тома совмѣстно съ акад. Ѳ. Е. Коршемъ и предсѣдателемъ Комиссіи Н. А. Янчукомъ. Одновременно приступлено къ печатанію II-го тома „Трудовъ“ Комиссіи, посвященнаго матеріаламъ и изслѣдованіямъ по изученію народной пѣсни и музыки, а также продолженію протоколовъ засѣданій Комиссіи. Этотъ томъ печатается подобно первому, вышедшему два года назадъ, на Высочайше дарованныя средства и вслѣдствіе своей обширности не могъ быть оконченъ въ отчетномъ году (отпечатано около 20 листовъ). Кромѣ того, Комиссія заканчиваетъ печатаніе 2-го выпуска своего „Школьнаго Сборника“ русс. народныхъ пѣсенъ, состоящаго въ вѣдѣніи особой подкомиссіи въ составѣ лицъ: А. Т. Гре-

чанинова, В. С. Калинникова, А. Е. Грузинскаго, Ю. Д. Энгеля, Е. Э. Линевой и Н. А. Янчука.

Въ октябрѣ и ноябрѣ Комиссіей при ближайшемъ участіи Е. Э. Линевой, А. Л. Маслова и Д. И. Аракчіева были организованы два этнографическихъ концерта, сопровождавшихся вступительными чтеніями: Е. Э. Линевой—о русской народной пѣснѣ, и А. Л. Маслова—о вліяніи народной пѣсни на художественное творчество композиторовъ. Въ апрѣлѣ членомъ Комиссіи и Этн. Отдѣла А. В. Марковымъ была прочтена публичная лекція отъ имени Комиссіи и Отдѣла на тему: „Художественное наслѣдіе В. Новгорода" съ народно-музыкальными иллюстраціями.

Изъ спеціальныхъ вопросовъ, которые были возбуждаемы и обсуждаемы Комиссіей въ отчетномъ году, слѣдуетъ упомянуть еще вопросы: а) объ изученіи старинныхъ церковныхъ звоновъ съ музыкальной и бытовой стороны б) о необходимости изученія церковныхъ попѣвокъ въ связи съ изученіемъ народной пѣсни, в) о пріемахъ гармонизаціи народныхъ пѣсенъ. Болѣе спеціальная разработка этихъ вопросовъ составитъ дальнѣйшую задачу Комиссіи.

Публичное засѣданіе было посвящено памяти кн. Чавчавадзе, какъ народнаго поэта, при чемъ одинъ изъ докладовъ члена Комиссіи Д. И. Аракчіева касался вопроса о музыкальныхъ переложеніяхъ, его стиховъ и о распространеніи ихъ въ народной средѣ.

Въ одномъ изъ засѣданій Комиссіи пріѣзжій черногорецъ Спасое Зоничъ демонстрировалъ черногорскія народныя историческія пѣсни въ голосовомъ исполненіи въ сопровожденіи игры на сербскихъ „гуслахъ".

Комиссія принимала участіе въ чествованіи 25-лѣтняго юбилея своего сочлена М. М. Иполитова-Иванова и 50-лѣтняго юбилея А. К. Лядова посылкою имъ привѣтственныхъ телеграммъ. Изъ членовъ Комиссіи скончался въ отчетномъ году Н. А. Римскій-Корсаковъ, памяти котораго будетъ посвящено одно изъ ближайшихъ публичныхъ засѣданій зимняго сезона.

Доклады были сдѣланы слѣдующими лицами (всего 6 докладовъ):

Д. И. Аракчіевъ: 1) кн. Чавчавадзе и его поэзія въ художественной музыкѣ и въ народной средѣ. 2) Отчетъ о лѣтней экскурсіи на Кавказъ.

А. Л. Масловъ: Отчетъ о поѣздкѣ въ Смоленскую губ.

А. В. Никольскій: О гармонизаціи рус. нар. пѣсенъ.

В. К. Шевченко—О своихъ записяхъ малор. пѣсенъ.

Составъ должностныхъ лицъ Комиссіи въ настоящее время слѣдующій:

Предсѣдатель по избранію на четвертое 2-лѣтіе, онъ же товарищъ предс. Этн. Отдѣла, непр. чл. *Н. А. Янчукъ.*

Товарищъ предсѣдателя непр. чл. *А. Т. Гречаниновъ.*

Секретари (за отказомъ Е. Э. Линевой) *А. Л. Масловъ* и *Д. И. Аракчіевъ.*

Библіотекарь д. чл. *В. В. Пасхаловъ.*

Казначей непр. чл. *А. В. Марковъ.*

Поѣздки съ учеными цѣлями, по порученію Этнографическаго Отдѣла, совершили слѣдующія лица:

1. *Д. И. Аракчіевъ* былъ командированъ въ Тифлисскую и Кутаисскую губерніи, Терскую и Кубанскую области. Работалъ онъ только въ Тифлис. и Кут. губерніяхъ. Имъ записаны впервые отъ грузинъ Мохевіи, Мтіулетіи, Карталиніи (Душетскаго уѣзда, Тифл. губ.), Имеретіи (Рачинскаго, Лечхумскаго, Кутаисскаго и Шорапанскаго уѣздовъ Кут. губ.) и Сванетіи 107 вокальныхъ пѣсенъ и шесть инструментальныхъ плясокъ на 60 фонограммахъ. Изъ ста семи вокальныхъ пѣсенъ 97 принадлежатъ къ трехголоснымъ, 7 къ двухголоснымъ и 3 къ одноголоснымъ. Нѣсколько пѣсенъ записано въ двухъ и трехъ варіантахъ. Матеріалъ собранъ весьма цѣнный. Изъ нихъ есть пѣсни застольныя (въ нѣсколькихъ видахъ), покосныя, хороводныя, плясовыя, пандурныя, вѣяльныя, свадебныя, рабочія, арбныя, гумновыя, рождественскіе и пасхальные гимны, мотыжныя, во время сбора кукурузы, артельныя, похоронныя причитанія (мужчинъ), нѣсколько сохранившихся пѣсенъ-пережитковъ языческой старины, исполняющіяся на народныхъ праздникахъ въ оградѣ или за оградой церкви, и т. п. Всего такимъ образомъ собрано имъ 113 номеровъ.

Помимо пѣсенъ, Д. И. Аракчіевъ занимался также въ Тифлисскихъ музеяхъ-Казенномъ и Общества Распространенія Грамотности, описаніемъ и фотографированіемъ грузинскихъ музыкальныхъ инструментовъ.

2. *В. А. Гордлевскій* продолжалъ занятія по фольклору и діалектологіи турокъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи.

3. *А. Н. Джаваховъ*, продолжая свои этнографическія и антропологическія наблюденія и измѣренія въ Грузіи, посѣтилъ въ іюлѣ двѣ провинціи Западной Грузіи—Имеретію и Рачу, гдѣ собралъ матеріалы, касающіеся двухсотъ грузинъ земледѣльцевъ; тамъ же произведены были фотографич. снимки съ нѣкоторыхъ изъ изслѣдованныхъ лицъ; коллекція снимковъ содержитъ въ себѣ и картины, характеризующія природу названныхъ провинцій, а также быть населяющей эти провинціи народности. Попутно при этомъ путешествіи были осмотрѣны важнѣйшіе археологическіе памятники Имеретіи и Рачи, какъ-то: въ Кутаисѣ, въ Боракони, въ Джручи, въ Гелати, въ Моцамети и въ Мгвимеви. А. Н. Джавахова сопровождали студенты Московскаго Университета—М. Давыдовъ, М. Тухарели и кн. В. Цицишвили, принимавшіе дѣятельное участіе при выполненіи упомянутыхъ работъ; студентамъ было оказано матеріальное содѣйствіе при этомъ путешествіи Обществомъ Грузинъ въ Москвѣ.

4. *С. К. Кузнецовъ* совершилъ поѣздку къ черемисамъ и вотякамъ губерній Вятской и Казанской. Главная цѣль поѣздки заключалась въ собираніи свѣдѣній и преданій о мѣстахъ первоначальныхъ поселеній черемисъ и вотяковъ въ этомъ краѣ; вопросъ этотъ можно было рѣшить путемъ анализа географической номенклатуры, для чего часто требовалось участіе грамотныхъ и толковыхъ инородцевъ. Хотя въ этой области удалось многое сдѣлать, но нельзя сказать, чтобы все доведено было до желаннаго конца. Попутно и между дѣломъ С. К. Кузнецовъ продолжалъ собираніе инородческихъ костюмовъ, древней жертвенной посуды и стариннаго оружія, а также музыкальныхъ инструментовъ. Въ семьѣ *Токпая*, умершаго верховнаго жреца черемисъ, которая поголовно крестилась, удалось пріобрѣсти древнія гусли, игрой на которыхъ много лѣтъ сопровождался торжественный обходъ священной рощи на большомъ моленіи, совершавшемся каждые три года. Кромѣ того, въ этой же семьѣ пріобрѣтена жертвенная посуда, изготовленная предками Токпая: 1) *а̀лдыр*—большая чаша съ ручкой для жертвенной трапезы; 2) *шу̀шлык*—три ковша съ фигурными рѣзными ручками для разливанія медовой сыты и пива; 3) *собла̀*—большой уполовникъ для разливанія щей изъ котла. Изъ древняго оружія въ этой семьѣ сохранилось только прекрасной работы копье (*у̀мдо*) на длинномъ ($3^1/_2$ арш.) вязовомъ ратовищѣ; съ этимъ копьемъ Ток-

пай въ молодости ходилъ на медвѣдя, такъ что оно исполняло роль рогатины (*маска̀ у́мдо̆*). Въ другихъ мѣстностяхъ пріобрѣтены среди черемисъ: 1) плохой сохранности лукъ (*йончӗж*) и при немъ три стрѣлы (*пикш*) въ берестяномъ, обложенномъ кожей колчанѣ (*пикш лода̀к*); двѣ стрѣлы имѣютъ желѣзные наконечники, а третья снабжена костянымъ тупымъ наконечникомъ, украшеннымъ рѣзьбою изъ концентрическихъ кружковъ (стрѣла для охоты на бѣлку) 2) *ленѐж* въ трехъ экземплярахъ, родъ бурака большихъ размѣровъ, съ ильмовой отдѣлкой по краю. Экскурсантъ посѣтилъ и подробно осмотрѣлъ три черемисскихъ мастерскихъ: двѣ для изготовленія музыкальныхъ инструментовъ—гуслей (*кюслѐ*) и волынки (*шу́быр*), при чемъ записалъ всѣ детали производства, и одну мастерскую черемисскихъ подѣлочныхъ украшеній. Эта послѣдняя работаетъ очень успѣшно, при чемъ трудъ распредѣляется между всѣми членами семьи. Необходимый для производства матеріалъ добывается въ г. Уржумѣ (бусы, бисеръ, польское серебро и листовая мѣдь, олово, шелкъ, бумага), а мелочныя вещи отливаются на мѣстѣ, а литейныя формы изготовляются изъ мягкаго камня мѣстной породы или изъ глины. Въ глиняныхъ формахъ отливаются обыкновенно оловянныя копіи ходячей и старой серебряной монеты. Изъ области черемисскихъ вѣрованій собраны свѣдѣнія о почитаніи *кю̆до̆р кугузѣ* совершенно донынѣ неизвѣстнаго божества изъ разряда семейныхъ пенатовъ, который чествуется подъ новой годъ. Наконецъ записано нѣсколько сказокъ, которыя имѣютъ появиться съ переводомъ на страницахъ „Этногр. Обозрѣнія“.

Среди вотяковъ экскурсантъ занимался исключительно лингвистикой, если не считать, что удалось посѣтить жервоприношеніе Салтанъ дису, на которомъ совершено такъ называемое „моленіе лебедей“. Къ сожалѣнію, повсемѣстно старые пріятели жрецы вымерли, и этнографическая пожива была малоуспѣшна; точно также изъ значительнаго количества ворожецовъ (*туно̀*), которыхъ въ свое время С. К. Кузнецовъ могъ указать венгерскому ученому *Б. Мункачи*, въ настоящее время уцѣлѣлъ всего одинъ, да и тотъ одряхлѣлъ до крайности.

Въ началѣ текущаго года состоялось перемѣщеніе извѣстнаго миссіонера о. Сергія Громова въ с. *Ернуръ* (Яранскаго у., Вятской губ.)—центръ языческой секты *куг̆у сорта̀*, въ послѣдніе годы сильно распространяющейся среди черемисъ, не столько язычеству-

ющихъ, сколько крещеныхъ. Это побудило экскурсанта заняться новой сектой на почвѣ язычества и обслѣдовать ее болѣе или менѣе детально. С. К. Кузнецовъ посѣтилъ между прочимъ главу секты, проживающаго въ Уржумскомъ у., тогда какъ основатель секты, которому въѣздъ на родину воспрещенъ, живетъ въ г. Царевококшайскѣ и занимается мелочною торговлей, невозбранно исповѣдая свою новую вѣру. Исторія секты и ея ритуалъ изложены будутъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Отдѣла.

Изъ болѣе крупныхъ явленій инородческой жизни можно отмѣтить смерть верховнаго жреца черемисъ, умершаго отъ антонова огня послѣ отмороженія рукъ и ногъ. Преемникомъ ему избранъ, по обычаю, богатый и вліятельный черемисинъ. Общій фонъ инородческой жизни носитъ обычную неприглядную окраску, несмотря на назначеніе епархіальнымъ миссіонеромъ о. *Глезденева*, природнаго черемиса, языческая фамилія котораго до крещенія—*Мендіаровъ*. Миссія не занимается изученіемъ быта черемисъ, а лишь переводами, и то не всегда удачными, поучительныхъ статей на языкѣ черемисъ, или апокрифовъ, въ родѣ „Хожденія по мытарствамъ прав. Ѳеодоры“ Собесѣдованій съ представителями секты *кугу сорта* не производится, да и трудно приступить къ этому, такъ какъ сущность вѣрованій сектантовъ все еще плохо изучена.

Въ заключеніе С. К. Кузнецовъ собралъ матеріалъ для характеристики общинныхъ порядковъ у черемисъ, въ связи съ передѣлами земельныхъ угодій.

5. *А. Л. Масловъ* лѣтомъ настоящаго года совершилъ съ цѣлью записи народныхъ пѣсенъ обычную поѣздку въ бѣлорусскія губерніи на средства, данныя на этотъ предметъ состоящей при Этнографическомъ Отдѣлѣ Музыкально-Этнографической Комиссіей. Намѣченный первоначально широкій планъ поѣздки во многія губерніи и уѣзды осуществить не удалось въ короткій промежутокъ времени, которымъ экскурсантъ располагалъ, и именно съ 20-го мая по 15 іюня. Пришлось ограничиться поѣздкой, главнымъ образомъ въ юго-западную часть Смоленской губерніи (Ельнинскій, Смоленскій и Краснинскій уѣзды) и въ пограничные съ нею уѣзды Могилевской губерніи (Оршанскій и Горецкій уѣзды). Въ Смоленской губ. А. Л. Масловъ записалъ, между прочимъ, шестьдесятъ напѣвовъ къ записаннымъ ранѣе текстамъ и напечатаннымъ

въ „Смоленскомъ сборникѣ“ В. Н. Добровольскаго. Кромѣ того А. Л. Масловымъ записано 106 пѣсенъ съ текстами и напѣвами а также 9 инструментальныхъ мелодій (для скрипки); общее число записей—179 напѣвовъ (133 записаны посредствомъ фонографа и 46—на слухъ). Изъ этого числа записано духовныхъ стиховъ 23, крещенскихъ 1, волочебныхъ 6, весеннихъ, постовыхъ и петровскихъ 26, осеннихъ 2, бытовыхъ 51, колядныхъ и плясовыхъ 14, свадебныхъ 28, крестинныхъ 4, колыбельныхъ 1, скоморошьихъ, былинъ и историческихъ пѣсенъ 14. Особенный интересъ среди этого собраннаго матеріала представила одна былина „объ Ильѣ Муромцѣ, Калѣчищѣ и Данидонищѣ“, представляющая собою во первыхъ интересный варіантъ, а также интересный фактъ записи былины въ Бѣлоруссіи.

Для своей поѣздки А. Л. Масловъ по примѣру прежнихъ экспедицій пользовался фонографомъ для записи напѣвовъ, на этотъ разъ использовавъ 36 валиковъ. Во время поѣздки своей по Смоленской губ. А. Л. Маслову пришлось побывать въ мѣстности, гдѣ провелъ свое дѣтство и юные годы нашъ геніальный композиторъ М. И. Глинка. Здѣсь именно въ Ельнинскомъ у. около с. Новоспасскаго записано имъ для характеристики музыкально-народнаго творчества, на которомъ быть можетъ, воспитался Глинка, нѣсколько пѣсенъ отъ старухъ, которыя пѣвали эти пѣсни передъ барскимъ домомъ въ присутствіи самого покойнаго композитора Глинки.

6. *В. П. Налимовъ* ѣздилъ въ Печорскій край къ зырянамъ для этнографическихъ и антропологическихъ цѣлей. Имъ продолжены были прошлогоднія занятія въ тѣхъ же мѣстахъ.

7. *Б. М. Соколовъ* Этимъ лѣтомъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, совершилъ поѣздку съ этнографической цѣлью въ Бѣлозерскій уѣздъ Новгородской губерніи. Постояннымъ мѣстомъ ихъ пребыванія была деревня Терехова Малахова Мишутинской волости. Изъ нея они совершали путешествія въ окрестныя селенія, хотя районъ этихъ путешествій ограничивался разстояніемъ не болѣе 15 верстъ въ округѣ.

Такое сравнительно небольшое пространство для своихъ наблюденій они выбрали потому, что за трехнедѣльное пребываніе на *одномъ* мѣстѣ они хотѣли болѣе подробно и основательно изучить бытъ и творчество этой мѣстности. Пѣсни сообщались лишь при

довѣріи къ собирателямъ, когда исчезалъ страхъ передъ ними. Поэтому наиболѣе плодотворнымъ оказывалось собираніе матеріала у крестьянъ, болѣе или менѣе знавшихъ собирателя, изъ деревень близъ лежащихъ къ Тереховѣ; менѣе обильны были записи въ деревняхъ болѣе отдаленныхъ.

Имъ удалось непосредственно наблюдать жизнь мѣстныхъ крестьянъ и сдѣлать описаніе языка, одежды, семейнаго быта, нравовъ, образованія, взаимныхъ отношеній, а также вѣрованій, заговоровъ, лѣченій, колдуновъ, пляски, бесѣды и вообще веселья. Въ связи съ вѣрованіями записаны легенды, такъ назыв. былички, характеризующія отношенія мѣстныхъ жителей къ водяному, лѣсовому и такъ называемымъ полувѣрицамъ и т. п. Съ другой стороны отмѣчено кое что изъ обрядовой жизни народа, какъ прощаніе съ весной, въ которомъ и сами собиратели принимали участіе. Описаны также разнообразныя гаданія; нѣкоторыя съ сопровождающими ихъ пѣснями.

Въ связи съ описаніемъ быта и прошлаго мѣстныхъ жителей,—они постарались выяснить причины какъ положительныя, такъ и отрицательныя относительно распространенія въ данной мѣстности словеснаго творчества и въ частности эпической поэзіи.

Также было обращено большое вниманіе на отысканіе остатковъ стараго и болѣе новаго эпоса. Разспрашивали про лицъ уже умершихъ, но знавшихъ эпическія пѣсни, записали нѣсколько еще и теперь поющихся пѣсенъ.

Въ общемъ выводъ такой: эпическая поэзія раньше, видимо, здѣсь существовала и была довольно распространена, но теперешнее старшее поколѣніе запомнило не очень много изъ стараго богатства въ силу различныхъ жизненныхъ условій, молодое же поколѣніе его совсѣмъ не знаетъ.

Однимъ изъ хранителей стараго эпич. творчества является крестьянинъ Вас. Ст. Шарашевъ, отъ котораго они записали 1. Пересказъ былины объ Алёшѣ Поповичѣ, 2. Историч. пѣсню про Микиту Романовича, 3. Историч. пѣсни про Кострюка и Потаню, 4. Историч. пѣсню про Стеньку Разина.

Записаны также отъ разныхъ лицъ просто эпич. пѣсни какъ про сестру и братьевъ разбойниковъ (2 вар.), одна видимо скоморошья пѣсня, а также рядъ историческихъ пѣсенъ болѣе новаго времени: про Паскевича, смерть Александра I, Соловецкій мона-

стырь. Къ этимъ пѣснямъ примыкаютъ съ одной стороны лиро-эпическія или такъ называемыя низшія пѣсни, а съ другой солдатскія—военныя; онѣ тоже частью относятся къ числу историческихъ.

Очень большое количество записано пѣсенъ *лирическихъ*. Такъ какъ собиратели обращали вниманіе гл. о. на старыхъ пѣсенниковъ, то большая часть пѣсенъ принадлежитъ къ числу досельныхъ, давно поющихся.

Младшее поколѣніе поетъ многія изъ этихъ пѣсенъ, но у него уже замѣтно большая склонность къ пѣснѣ частой, веселой. Появляются частушки, вертушки и кое-какія пѣсни изъ болѣе новыхъ. Ими записаны и эти пѣсни, равно около 50 частушекъ. Старшее поколѣніе поетъ пѣсни значительно иначе, чѣмъ младшее Послѣднее, привыкнувъ къ частой вертушкѣ, старается пѣть и старую пѣсню на новый ладъ, оно уже не можетъ пѣть пѣсни „съ долгой душой“.

Помимо лирическихъ пѣсенъ, записаны пѣсни юмористическія, плясовыя и т. п. Записаны также причеты у наиболѣе славящихся мѣстныхъ плакушъ. Есть причеты и похоронные и свадебные.

Записанъ цѣлый рядъ розсказней и присказокъ, произносящихся наскоро и немного на распѣвъ. Большое обиліе составляютъ записи сказокъ. Сказка здѣсь очень распространена. Условія для этого находятся въ занятіяхъ и образѣ жизни мѣстныхъ крестьянъ. Много сказокъ бытового характера... Наконецъ собраны загадки и пословицы... Кромѣ записей самихъ пѣсенъ, записаны посредствомъ фонографа, любезно предоставленнаго имъ А. В. Марковымъ, напѣвы нѣкоторыхъ изъ нихъ, всего до 50. Такъ какъ для нихъ запись фонографомъ было дѣло новое, то не всѣ записи удачны, но все же переложить на ноты большинство изъ нихъ, кажется, можно.

Изложенное въ прошломъ году на засѣданіи Этн. Отдѣла описаніе Тереховской свадьбы дополнено и со стороны обряда и со стороны пѣсенъ, причетовъ, приговоровъ дружки и загадокъ черезъ разспросы у наиболѣе свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, какъ дружекъ, такъ и плакушъ.

Весь записанный словесный матеріалъ распадается слѣдовательно на слѣдующее: 1—перезсказъ былины, 8—историч. пѣсенъ, 18—эпическихъ и лироэпич.—низшихъ пѣсенъ, 11—военныхъ, 6—при-

сказокъ, 143—лирическихъ, 29—юмористич. и хороводныхъ, 3—дѣтскихъ, 67—частушекъ, 63—сказки, 7—похор. причетовъ, 19—заговоровъ, привораживаній и нар. медиц. средствъ, 21—гаданіе, 14—пословицъ, 13—загадокъ, 30—различныхъ дополненій къ свадьбѣ (пѣсни, прич.), всего 453 образца.

А если прибавить прошлогодній матеріалъ, то 560.

Все это наглядно показываетъ, какимъ большимъ ключемъ бьетъ еще народное творчество въ изслѣдованіи мѣстности.

8. *А. С. Хахановъ* занимался въ рукописномъ отдѣленіи Королевской библіотеки въ Берлинѣ и въ числѣ грузинскихъ манускриптовъ имъ найденъ свитокъ XVII в. съ чрезвычайно богатымъ собраніемъ заговоровъ, часть которыхъ имъ списана и приготовлена для печати въ русскомъ переводѣ. Онъ также принималъ участіе въ секціяхъ „Греція и Востокъ" и Дальній Востокъ" на XV международномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Копенгагенѣ.

Въ отчетномъ году Александру Леонтьевичу *Маслову* за рукописный, нынѣ печатающійся трудъ, подъ заглавіемъ: „Иллюстрированное описаніе музыкальныхъ инструментовъ, хранящихся въ Дашковомъ Этнографическомъ Музеѣ" присуждена премія по этнографіи имени Е. И. В. В. Кн. Сергѣя Александровича, учрежденная въ память международныхъ Конгрессовъ по антропологіи и доисторической археологіи и зоологическаго, собиравшихся въ Москвѣ въ 1892 году.

Отзывъ о трудѣ А. Л. Маслова: „Иллюстрированное описаніе музыкальныхъ инструментовъ, хранящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ".

Этнографическая наука, несмотря на то, что она сравнительно поздно вступила въ рядъ общепризнанныхъ научныхъ дисциплинъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій завоевала себѣ право гражданства и стала быстро распространять свои изысканія на самыя разнообразныя области человѣческой жизни, начиная отъ внѣшнихъ условій быта и кончая духовной и физической его стороной, гдѣ этнографія близко соприкасается съ другими науками, социологіей и антропологіей, оспаривая у нихъ право на эти изученія. Несмотря однако на широкое развитіе этнографическихъ изученій у

всѣхъ народовъ культурнаго міра и несмотря на расширеніе самыхъ рамокъ этихъ изученій, нельзя сказать, чтобы всѣ стороны жизни народовъ изучались съ одинаковымъ вниманіемъ и съ должною полнотою. Это и весьма понятно. Во-первыхъ, жизнь каждой народности и даже каждой небольшой области настолько сложна, что изслѣдователь рѣдко имѣетъ возможность охватить ее болѣе или менѣе полно, и потому въ этнографической литературѣ частичныя изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ, очерки и наблюденія преобладаютъ надъ капитальными общими монографіями племени или области. Вовторыхъ, что особенно важно отмѣтить, когда дѣло идетъ о серьезныхъ научныхъ изысканіяхъ, есть области и въ этнографической наукѣ, которыя требуютъ спеціальной подготовки и не всякому наблюдателю доступны, какъ бы онъ ими ни интересовался. Оттого нѣкоторыя стороны народной жизни, особенно духовной, очень часто обходятся молчаніемъ во многихъ этнографическихъ описаніяхъ. Таковы, напр. вопросы соціальной организаціи, очень сложные по своей сущности, таковы вопросы лингвистическіе, часто доступные лишь узкимъ спеціалистамъ, таковы, наконецъ, вопросы о народномъ искусствѣ во всѣхъ его проявленіяхъ. Эти послѣдніе, можно сказать, еще только начинаютъ входить въ кругъ ученыхъ изысканій, т. к. опять-таки они требуютъ спеціальной подготовки.

Изъ всѣхъ видовъ народнаго искусства въ послѣднее время больше вниманія обращено на народную музыку, особенно съ примѣненіемъ аппаратовъ для механической записи ея образцовъ. Изобрѣтеніе фонографа сыграло въ этомъ отношеніи такую же важную услугу, какъ и усовершенствованіе и упрощеніе фотографіи. Какъ не умѣющій рисовать путешественникъ получилъ возможность при помощи фотографіи запечатлѣть себѣ интересующую его мѣстность, типы, костюмы и т. п., такъ не знающій музыки этнографъ можетъ теперь посредствомъ фонографа записать ея образцы и воспроизвести ихъ въ любой моментъ. Но этимъ будетъ сдѣлана только половина дѣла; это будетъ работа любительская; для научнаго же использованія такихъ записей нужно нѣчто значительно большее, нужна серьезная научная подготовка, нужны спеціальныя музыкальныя познанія. Къ сожалѣнію, музыканты, обладающіе этими познаніями, рѣдко интересуются музыкальной этнографіей съ научной стороны. Если композиторы изрѣдка поль-

зуются народными мотивами для художественной ихъ разработки, то для научной работы надъ собираніемъ и разработкой народно-музыкальнаго творчества едва ли найдется десятокъ лицъ не только у насъ, но и за границей, гдѣ этнографія несравненно раньше, чѣмъ у насъ, получила свое начало и развитіе. Разработка народной музыки до сихъ поръ дѣло случайное. У насъ въ Россіи есть, правда, два спеціальныхъ учрежденія, вѣдающія эту область,—эта петербургская пѣсенная комиссія при И. Р. Г. о—вѣ и московская музыкально-этнографическая комиссія при этнографическомъ отдѣлѣ И. О. Л. Е., А и Э. Нечего и говорить, что этого слишкомъ недостаточно для такой безпредѣльной области, какъ Россія, сохранившая еще въ тысячи разъ больше неизслѣдованнаго и крайне интереснаго матеріала, чѣмъ всякая другая страна. Но если мы прибавимъ къ этому, что самое существованіе двухъ упомянутыхъ учрежденій крайне шатко и неопредѣленно, а съ другой стороны число лицъ работающихъ подъ ихъ эгидою крайне ограничено, то мы поймемъ, насколько мало дѣлается у насъ въ этой области. Сравнительно не много лучше стоитъ дѣло и въ иностранной наукѣ.

Не будемъ повторять здѣсь давно избитыхъ разсужденій о важности изученія народной музыки для музыкантовъ художниковъ, для развитія и освѣженія національнаго искусства. Эти истины понемногу входятъ въ сознаніе присяжныхъ музыкантовъ. Нашей цѣлью было указать на печальное положеніе этого вопроса въ наукѣ, чтобы съ большимъ вниманіемъ мы могли отнестись ко всякому болѣе или менѣе интересному труду въ этой области. Но помимо этого, необходимо отмѣтить еще одинъ недостатокъ музыкально-этнографическихъ изученій—это ихъ односторонность. Не надо забывать, что какъ въ музыкѣ искусственной, такъ и въ народной различаются двѣ стороны, а именно: музыка вокальная и музыка инструментальная. Хотя, правда, та и другая часто идутъ рука объ руку, поддерживая одна другую, но въ то же время каждая изъ нихъ имѣетъ и свое самостоятельное значеніе, а иногда и свою спеціальную область примѣненія. Поэтому и изученію той и другой должно быть удѣляемо одинаково серьезное значеніе. Между тѣмъ обыкновенно обращаютъ вниманіе почти исключительно на музыку вокальную, а инструментальную игнорируютъ. Записываніе пѣсенъ стало излюбленнымъ занятіемъ этно-

графовъ-собирателей; при этомъ лишь въ видѣ рѣдкаго случая можно встрѣтить въ записяхъ инструментальное сопровожденіе, въ которомъ обыкновенно пѣвецъ-музыкантъ обнаруживаетъ несравненно больше оригинальности, виртуозности и искусства, чѣмъ въ заученномъ голосовомъ напѣвѣ. Что же касается чисто инструментальнаго исполненія различныхъ наигрышей, плясокъ и т. п., то по этой части музыкально-этнографическая литература крайне бѣдна. Кромѣ Кольберга, собравшаго довольно значительное количество этого матеріала въ Польшѣ, я не могу указать ни одного болѣе или менѣе выдающагося труда этого рода. Отчасти причина этого лежитъ въ самыхъ народныхъ инструментахъ. Кольбергъ собралъ богатый матеріалъ инструментальной музыки въ исполненіи на культурныхъ инструментахъ, особенно скрипкѣ, которою онъ и самъ владѣлъ. Это одно изъ важныхъ условій для записи толковой и осмысленной, именно близкое знакомство съ инструментомъ, музыку котораго изучаешь. Но вѣдь большинство народныхъ инструментовъ некультурно, и даже спеціалисты музыканты сплошь и рядомъ незнакомы не только съ употребленіемъ и строемъ, но даже и съ внѣшнимъ видомъ многихъ народныхъ инструментовъ. Ясно, что записывать образцы такой инструментальной музыки, которая притомъ въ зависимости отъ устройства инструмента не всегда укладывается въ обычныя музыкальныя нормы, крайне мудрено. Отсюда-то въ значительной степени и бѣдность такихъ записей. Но изученіе народныхъ музыкальныхъ инструментовъ имѣетъ и еще очень важное значеніе: это неоцѣненный матеріалъ для исторіи общей музыки, какъ въ смыслѣ исторіи различныхъ видовъ самихъ музыкальныхъ инструментовъ ихъ развитія, усовершенствованій, видоизмѣненій, кочеванія отъ народа къ народу и наконецъ исчезновенія, такъ не менѣе того—въ смыслѣ вліянія инструментовъ на складъ и характеръ музыки даннаго народа вообще, въ томъ числѣ и вокальной,—вліянія даже на ея строй, мелодическую и ритмическую сторону, особенно если принять во вниманіе, что у мало культурныхъ народовъ музыка вокальная еще болѣе тѣсно связана съ инструментальной, чѣмъ у современныхъ. Вникнувъ во все это, мы поймемъ всю важность изученія народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. И здѣсь мы должны прежде всего отмѣтить, что это дѣло пока только въ зачаткѣ.

Научному изученію, конечно, должно, какъ всегда, предшествовать собираніе коллекцій, и ученый, который бы заинтересовался этимъ предметомъ, обратится прежде всего къ музеямъ, чтобы, не ѣздя далеко, въ натурѣ ознакомиться съ характерными экземплярами народно-музыкальныхъ инструментовъ. Но если мы вспомнимъ все вышесказанное о положеніи музыкально-этнографическихъ изученій, то не удивимся, если этотъ ученый найдетъ и въ музеяхъ немного нужнаго матеріала. Бѣдность музыкально-этнографическихъ коллекцій поражаетъ повсюду въ музеяхъ, притомъ бѣдность какъ количественная, такъ и качественная, въ смыслѣ сохранности этихъ инструментовъ. Переходя ко второй стадіи изученія—къ описанію этихъ собраній, мы убѣждаемся въ еще большей бѣдности. Собранный матеріалъ служитъ большею частью неиспользованнымъ научнымъ капиталомъ, мало кому извѣстнымъ хотя бы съ внѣшней стороны; музейскіе каталоги и путеводители рѣдко даютъ намъ хотя бы изображенія музыкальныхъ инструментовъ. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ даже особенно жаловаться на наши музеи, потому что и заграничные не далеко ушли въ этомъ дѣлѣ. Въ этнографическихъ музеяхъ и консерваторіяхъ имѣются собранія народно-музыкальныхъ инструментовъ (въ Парижѣ, Брюсселѣ и др. городахъ), но по части описаній этихъ собраній, очень бѣдно, точно также и по части иллюстрацій. Въ Россіи почти каждый музей имѣетъ два-три, а то и десятокъ муз. инструментовъ; имѣются они и въ нѣкоторыхъ консерваторіяхъ; но самое большое собраніе ихъ хранится въ Москвѣ, въ Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ. Сохранность инструментовъ во всѣхъ этихъ собраніяхъ незавидная. Что касается описанія этихъ инструментовъ, ихъ описанія и изображенія, то можно сказать, что въ русской литературѣ имѣются труды, которыми мы, пожалуй, могли бы похвастать передъ западной наукой въ этомъ вопросѣ, каковы, напр., труды А. С. Фаминцына („Домра" и „Гусли"); интересны также появившіяся за послѣднее время работы Н. И. Привалова В. А. Мошкова (о трубѣ). Все это монографическія работы, очень цѣнныя въ историко-этнографическомъ отношеніи, но не дающія болѣе или менѣе полной картины всего богатства и разнообразія этого матеріала, до сихъ поръ обращающагося въ народномъ употребленіи.

Появившаяся въ настоящее время (заканчивается печатаніемъ)

хотя и не особенно обширная работа А. Л. Маслова: „Иллюстрированное описаніе народныхъ музыкальныхъ инструментовъ, хранящихся въ Дашковскомъ этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ",— представляется единственною по полнотѣ и обширности, если не считать брошюрки Пѣтухова, содержащей описаніе нѣсколькихъ инструментовъ петербургской консерваторіи, и статей Д. И. Аракчіева о кавказскихъ народныхъ пѣвцахъ и инструментахъ. Работа г. Маслова содержитъ болѣе 80 стр. въ 4° и иллюстрирована 120 фотографическими изображеніями инструментовъ, снятыми съ музейскихъ экземпляровъ, но число описанныхъ инструментовъ значительно больше. Въ описаніе включены почти всѣ имѣющіеся въ Дашковскомъ музеѣ инструменты, кромѣ тѣхъ, которые поступили туда позднѣе. Въ музеѣ инструменты распредѣлены большею частью по народностямъ, но авторъ, въ видахъ сравнительнаго метода изученія, предпочелъ положить въ основу своего дѣленія инструментовъ на группы не этнографическій, а такъ-сказать технически-музыкальный принципъ. Онъ раздѣлилъ все собраніе на родовыя группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ нѣсколько видовыхъ подраздѣленій. Это, между прочимъ, въ иныхъ случаяхъ даетъ наглядную исторію, того или иного вида инструментовъ отъ простѣйшей формы до болѣе сложной и усовершенствованной. Все описаніе дѣлится на три отдѣла: I—струнные инструменты, II—духовые, III—ударные. Въ первомъ отдѣлѣ разсматриваются а) щипковые арфообразные инструменты, б) щипковые лютневидные, в) смычковые; въ отдѣлѣ духовыхъ—а) лабіальные, б) лингвальные, в) амбушюрные, г) многодудчатые; третій отдѣлъ ударныхъ, какъ небольшой, не имѣетъ болѣе дробнаго дѣленія. При описаніи каждаго инструмента дается, по возможности, указаніе народности, мѣстное названіе, затѣмъ описывается внѣшній видъ, устройство и составныя части, ихъ матеріалъ, способъ употребленія, наконецъ точные размѣры въ цѣломъ и въ частяхъ и, гдѣ возможно, указывается строй или по крайней мѣрѣ отдѣльные звуки, какіе можно извлечь изъ инструмента. Попутно иногда даются сравнительныя указанія на данныя, имѣющіяся въ литературѣ, какъ русской, такъ и иностранной. Надо замѣтить, что въ рукахъ автора имѣлся по этому вопросу обширный матеріалъ въ видѣ напечатаннаго имъ раньше библіографическаго указателя сочиненій по народной музыкѣ. При настоящемъ своемъ описаніи авторъ, имѣя въ виду

этотъ указатель, уже не даетъ подстрочныхъ ссылокъ на источники, хотя видно, что онъ пользовался какъ русской, такъ и иностранной литературой вопроса. Сравнительное изученіе инструментовъ дало ему между прочимъ возможность сдѣлать нѣкоторыя поправки въ музейской номенклатурѣ инструментовъ. Все это рекомендуетъ трудъ г. Маслова съ серьезной научной стороны. Конечно, онъ не исчерпываетъ вопроса, какъ имѣющій въ виду лишь одно, хотя зато самое обширное въ Россіи собраніе. Затѣмъ работа не вполнѣ удовлетворяетъ съ чисто музыкальной стороны, такъ какъ далеко не всегда указывается строй инструмента; но это уже не вина автора, потому что, какъ выше было указано, состояніе музейскихъ экземпляровъ иногда плачевно, нерѣдко не достаетъ цѣлыхъ частей инструмента. Что касается иллюстрацій, то надо замѣтить, что снимки дѣлались много раньше составленія описанія и притомъ въ отсутствіи автора и въ нѣсколько пріемовъ; поэтому иногда положеніе инструмента неудачно, а относительная ихъ величина не одинакова, между тѣмъ отношеніе къ натуральной величинѣ не обозначено.

Несмотря однако на указанные недочеты, зависящіе большею частью не отъ автора, его описаніе имѣетъ большое значеніе, какъ единственное по обширности охваченнаго матеріала и могущее служить источникомъ и справочникомъ для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Помимо этого, нельзя не привѣтствовать трудъ г. Маслова, какъ первый опытъ систематическаго научнаго описанія цѣлаго спеціальнаго довольно большого отдѣла музея, который по другимъ отдѣламъ коллекцій еще ждетъ своихъ изслѣдователей. Сочиненіе г. Маслова, какъ пополняющее значительный пробѣлъ въ области музыкальной этнографіи, не только русской, но и всеобщей, заслуживаетъ достойнаго поощренія со стороны этнографическаго отдѣла, тѣмъ болѣе, что почти всѣ описанные имъ музыкальные инструменты поступили въ Музей или черезъ Общество или непосредственно черезъ отдѣлъ, а нѣкоторые экземпляры пожертвованы Музею и самимъ г. Масловымъ.

Н. Янчукъ. Вс. Миллеръ. А. Марковъ. Вл. Богдановъ *).

---

*) Текстъ настоящей рецензіи составленъ Н. А. Янчукомъ.

† **Александръ Васильевичъ Григорьевъ**, бывшій сначала секретаремъ отдѣленія этнографіи Имп. Русс. Геогр. Общества (съ 1880 года), а потомъ (съ 1883 г.) секретаремъ всего общества, скончался въ ночь съ 24-го на 25-е октября 1908 года.

Покойный былъ естественникомъ по образованію, много путешествовалъ (на Бѣлое море и на Мурмонъ—1876 г., въ Ледовитый океанъ вокругъ сѣв. береговъ Азіи съ Норденшельдомъ 1879—1880, оттуда въ Японію—1880, на Соловецкіе острова—1886, на Новую Землю—1887), много напечаталъ географическихъ замѣтокъ, преимущественно по сѣвернымъ окраинамъ Европы, былъ главнымъ комиссаромъ географической выставки на международномъ географическомъ конгрессѣ въ Венеціи.

Для этнографіи А. В. особенно цѣненъ вывезенными имъ съ о. Іезо этнографическими коллекціями гиляковъ, принесенными имъ въ даръ Географическому Обществу.

50-лѣтіе научно-литературной дѣятельности князя Акакія Ростомовича Церетели исполнилось 9-го ноября 1908 г. Кн. А. Р. Церетели работалъ между прочимъ и въ области этнографіи. Онъ собралъ и записалъ богатый запасъ народныхъ сказаній, повѣрій и пѣсенъ, а также основалъ спеціальный журналъ „Кребули“, въ которомъ помѣщались произведенія народнаго творчества и программа для собиранія свѣдѣній о бытѣ и духовной культурѣ грузинскаго народа.

Программа 4-го Областного Археологическаго съѣзда изслѣдователей исторіи и древностей Новгородской и Ростово-Суздальской областей, имѣющаго быть въ г. Костромѣ съ 21 по 30 іюня 1909 года, содержитъ:

I. *Доисторическія древности.* а) Каменный и бронзовый вѣка въ Новогородской и Ростово-Суздальской областяхъ. Наиболѣе характерные признаки той и другой эпохи по тѣмъ даннымъ, какія въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ древности сохранились отъ этого времени и находятся въ мѣстныхъ музеяхъ названныхъ областей и въ коллекціяхъ любителей старины.

б) Данныя относительно аборигеновъ области въ указанное время и образъ ихъ жизни.

в) Желѣзный вѣкъ въ Новгородской и Ростово-Суздальской об-

ластяхъ. Курганы и особенности ихъ устройства, въ связи съ вопросомъ о племенномъ составѣ населенія областей того времени и послѣдовательной смѣнѣ однѣхъ народностей другими и представляемыхъ ими культуръ на основаніи имѣющихся для этого данныхъ изъ области вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ, языка, пѣсенъ и т. д.

II. Областная исторія. а) Областная этнографія. Первоначальный составъ населенія областей въ историческую эпоху и вліянія другихъ пришедшихъ сюда народностей.

б) Исторія Новгородской и Ростово-Суздальской областей. Древности географическія.

в) Памятники (вещественные) церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго зодчества, съ указаніемъ особенностей по губерніямъ областей или по районамъ. Исторія мѣстнаго церковнаго зодчества. Иконопись, особенности ея по мѣстнымъ условіямъ и исторія.

г) Памятники гражданскаго зодчества въ области, особенности его и исторія.

д) Памятники быта: домашняя утварь, одежда и ихъ особенности; производства: кафельное, чеканное, шитье, рѣзьба по дереву и металламъ и др.

III. Живая старина. Особенности языка по губерніямъ, входящимъ въ составъ областей и отдѣльнымъ мѣстностямъ. Обряды, обычаи, повѣрья, пѣсни, преданія и т. д.

IV. Архивовѣдѣніе. Положеніе архивнаго дѣла въ губерніяхъ областей. Архивы общественные и частные. Устройство мѣстныхъ архивовъ. Порядокъ поступленія архивныхъ дѣлъ изъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ губернскіе архивы. Выработка руководственныхъ правилъ, какъ вести дѣло разбора и описанія архивныхъ матеріаловъ, чтобы оно могло отвѣчать научнымъ цѣлямъ и вообще, что нужно сдѣлать для правильной постановки губернскихъ архивовъ.

V. Архивныя комиссіи. Архивныя комиссіи и ихъ современное положеніе. Вопросы матеріальные и научные, связанные съ дѣятельностью архивныхъ комиссій по устройству музеевъ, изданію историческихъ документовъ, археологическимъ изслѣдованіямъ края и по охраненію мѣстныхъ древностей.

Къ Костромскому Археологическому Съѣзду очень желательно было бы собрать возможно полныя этнографическія коллекціи, которыя навсегда останутся лучшимъ памятникомъ съѣзда. Слѣдовало бы для этого составить подробную и наглядную програму, воспользоваться для этого хотя бы имѣющимися программами другихъ учрежденій и съѣздовъ, и разослать ее всѣмъ учителямъ, священникамъ, врачамъ и другимъ интеллигентнымъ жителямъ провинціи, имѣющей отношеніе къ древней Новгородской и Ростово-Суздальской землѣ. Такія коллекціи могли бы составить цѣнное украшеніе областного музея.

Изъ хроники финляндскихъ ученыхъ обществъ. М-ръ К. Сойкели прочелъ въ Финскомъ археологическомъ обществѣ докладъ о почитаніи св. Олофа, синкретизировавшагося въ народномъ представленіи съ культомъ Уоти, т. е. Одена, бога грома. Культъ св. Олофа выразился въ обиліи церквей, посвященныхъ его имени въ Финляндіи.

М-ръ I. Айліо, основываясь на каменныхъ находкахъ въ окрестностяхъ Луйо (въ Тавастландѣ), высказалъ предположеніе, что эта мѣстность могла быть заселена уже за 3½ тысячи лѣтъ до Р. X.

Д-ръ Г. Фридманъ, давно уже посвятившій себя изученію Калевалы, въ виду общности ея мотивовъ съ миѳами индо-европейскихъ и семитскихъ народовъ, доказывалъ на одномъ изъ засѣданій Финко-угорскаго общества, что сходство это опредѣляется единствомъ источника, изъ котораго тѣ и другіе черпали. Сходство между ними выражается не только въ общности культуры, стоявшей у финновъ въ доисторическія времена на высокой степени развитія, но и въ общности лексическаго матеріала. Богатство финской культуры подтверждается блестяще успѣхами ихъ старшихъ сородичей финновъ, сумерійцевъ, создавшихъ вавилонскую культуру. Д-ръ Фридманъ предполагаетъ вскорѣ выпустить по этому вопросу трудъ. Такимъ образомъ, онъ снова выдвигаетъ проблемы: 1) объ общемъ происхожденіи финско-угорскихъ и индо-европейскихъ народовъ (о чемъ по-русски писалъ Ѳ. Кеппенъ, „Ж. М. Н. П.", 1884 годъ) и 2) о „туранизмѣ" сумерійцевъ.

Проф. Г. Паасоненъ отыскалъ въ мордовскомъ языкѣ два заимствованныхъ у индо-европейцевъ слова: „tarvas" (серпъ) и „riz" (рисъ). Присутствіе слова „tarvas" у мордвы указываетъ на знакомство индо-европейцевъ съ земледѣліемъ.

М-ръ А. Хяммяляйненъ пожертвовалъ 500 марокъ въ качествѣ

стипендіи для этнографическаго изученія мордвы, черемисовъ и вотяковъ.

Вл. Грдл.

Этнографическія коллекціи Германскаго музея въ Нюрнбергѣ. (Изъ частнаго письма). Огромный интересъ представляетъ для этнографа посѣщеніе Германскаго Музея (Germanisches Museum) въ Нюрнбергѣ. Я не говорю о замѣчательной коллекціи Dr. Kling'a изъ Франкфурта на Майнѣ, которая составляетъ еще собственность собирателя и лишь помѣщена имъ въ Нюрнбергскомъ Музеѣ. Огромный залъ наполненъ манекенами, позволяющими наглядно познакомиться съ различными типами населенія Германіи и такими характерными и живописными, къ сожалѣнію, частью уже исчезнувшими совершенно, костюмами разныхъ мѣстностей. Богатство этого собранія изумительно. Кромѣ костюмовъ, надѣтыхъ на манекены, имѣется еще множество другихъ; особенный интересъ представляютъ витрины съ украшеніями: пояса, серьги, кольца и т. п. Красота отдѣлки, прекрасная старинная работа. Если вспомнить, какъ простъ и бѣденъ красками и формами сталъ въ настоящее время костюмъ въ нѣмецкой деревнѣ, невольно почувствуешь большое уваженіе къ человѣку, который сумѣлъ сохранить для этнографовъ и любителей старины всѣ эти предметы, отъ которыхъ крестьянское население легкомысленно отдѣлывалось въ погонѣ за городской модой. Въ залѣ № 62 устроены образцы крестьянскихъ жилищъ отдѣльныхъ мѣстностей Германіи,—особенно характерны: сѣни (Flett) нижнесаксонскаго дома, вымощенныя булыжникомъ въ клѣтку, съ очагомъ посреди, приспособленіемъ для подвѣшиванья посуды надъ огнемъ,—тутъ же и горница (Dönse) съ полнымъ убранствомъ; горница крестьянскаго дома изъ Эгерланда съ ярко-раскрашенными шкапомъ и ларемъ, съ кроватью, къ занавѣскамъ которой привѣшаны амулеты для родильницы, свѣтцомъ и глинянымъ проводникомъ для дыма отъ лучины (Leinhout); горница въ Верхней Баваріи—съ кроватью подъ балдахиномъ, на внутренней сторонѣ крышки котораго написана мѣстнымъ живописцемъ въ яркихъ краскахъ картина, изображающая Мадонну въ славѣ и аллегорическія фигуры четырехъ частей свѣта (1803 г.); горница изъ западнаго Фрислэнда со стѣной, украшенной пестрыми изразцами, съ шкапчикомъ на высокихъ рѣзныхъ ножкахъ, чтобы предохранить хранящееся въ нихъ отъ часто случающихся наводне-

ній—и др. Въ этой же залѣ собрана старинная крестьянская фаянсовая и фарфоровая посуда во множествѣ образцовъ—начиная съ произведеній восточной керамики и дельфтскаго фаянса въ жилищѣ крестьянина западнаго Фрислэнда, характерной саксонской посуды XVIII-го в. съ зелеными обведенными коричневой линіей, рисунками по бѣлому фону, чашекъ и блюдъ съ ярко-оранжевымъ и голубымъ орнаментомъ восточнаго Фрислэнда, глиняной коричневой съ рисункомъ (напоминающей нашу полтавскую посуду) XIX в. изъ Бадена и т. д. Перечислить все богатство собранной утвари, хозяйственныхъ орудій, прялокъ, свѣтцовъ и другихъ способовъ освѣщенія, коробокъ для ложекъ, огниво и пр. (также въ залѣ № 60), собранныхъ съ такою любовью, трудно. Въ фармацевтическихъ коллекціяхъ Музея (зала № 72—76) нѣсколько витринъ отведены (въ залѣ № 75) волшебнымъ средствамъ, амулетамъ и т. п., которые служили между прочимъ и для леченія болѣзней. Это чрезвычайно удачная мысль и очень интересное собраніе. Здѣсь мы видимъ, напр., черепную коробку; рекомендовано брать таковую съ головы молодого сильнаго человѣка, умершаго насильственной смертью, еще не погребеннаго. Ее растирали въ порошокъ и давали внутрь родильницамъ, больнымъ подагрой, пораженнымъ ударомъ. Собраны лишайникъ Parmelia saxativa; это растеніе съ черепа казненнаго давали какъ средство отъ эпилепсіи, при кровотеченіи и пр. Среди амулетовъ обращаютъ вниманіе рѣдкіе экземпляры т. наз. Alraunen и Galgenmännchen. Хорошія изображенія alraun'a—корни растенія Mandragora officinalis L имѣются въ трудѣ: Hovorka и Kronfeld, Vergleichende Volksmedicin Stuttgardt, 1908, s. 14—18. Два чудодѣйственныхъ корня мандрагоры мнѣ пришлось видѣть въ музеѣ г. Aix les Bains въ den. Savoie въ юговост. Франціи. Корень, извѣстный еще въ классическомъ мірѣ—Плиній и Іосифъ Флавій указывали на тѣ предосторожности, съ которыми его слѣдуетъ добывать—имѣетъ нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры, и, по вѣрованію нѣмецкихъ крестьянъ, могъ служить оракуломъ, приносилъ въ домъ счастье и благосостояніе, исцѣлялъ отъ болѣзней, помогалъ родильницамъ, не давалъ скисаться вину, предохранялъ скотъ отъ порчи и т. д. Корень цѣнился весьма высоко и про происхожденіе его разсказываютъ чудесное. Его человѣкообразный видъ приводилъ къ суевѣрному представленію о тѣсной связи его съ человѣкомъ; говорили, напр., что онъ созданъ

изъ той же земли, какъ и Адамъ. Такъ какъ достать его было очень трудно, старались замѣнять его другимъ корнемъ—Allium victoriolis, напр. (см. вышеупомянутое сочиненіе, В. I. s. 17, также s. 10). Въ Нюрнбергскомъ музеѣ хранятся также подобные суррагаты настоящаго Alrauna—это т. наз. Allermanshornischwurzel, имѣющій также слабое подобіе человѣческой фигуры. Какъ амулеты употреблялись также маленькія луковицы т. наз. Siegwurz или runder Allermannshornisch radix victorialis rotunda, которыя тоже имѣются въ Нюрнбергскомъ Музеѣ.—Наконецъ, не безъ интереса для этнографа зала № 81, гдѣ собраны образцы старинныхъ игрушекъ—какъ напр., большія кукольные дома XVII столѣтія, кот. даютъ полную картину домашней обстановки того времени. Старинныя куклы—прекрасный матеріалъ для изученія костюма, дѣтская игрушечная утварь, глиняная посуда сдѣлана по образцамъ настоящихъ, „взаправдашнихъ", говоря дѣтскимъ языкомъ. Въ той же залѣ есть превосходный экземпляръ яслей XVII в.

Французскіе писатели, изучающіе Среднюю Азію, посѣтили нынѣшнимъ лѣтомъ Асхабадъ и отправились дальше въ Среднюю Азію это: г. Р. Муленъ—издатель французскаго журнала „Revue Hebdomadaire" и г. де-Фужи. Они ѣдутъ со спеціальной миссіей изучать Закаспійскій край и по возвращеніи оттуда представить докладъ въ командировавшее ихъ „Французское географическое общество", а также издать результаты путешествія и изученія особой книгой. („Нов. Вр.").

Движеніе джемшидовъ. (Изъ частнаго письма). Съ 31-го мая по 1-е іюня 1908 года нашу границу съ Афганистаномъ, у Кушки, перешли 10.000 человѣкъ джемшидовъ (племя иранскаго происхожденія, обитающее въ Афганистанѣ), съ женами, дѣтьми и всѣмъ скотомъ, прошли мимо Кушки и заняли всю долину рѣки. Несмотря ни на что, не хотѣли и слышать о возвращеніи въ Афганистанъ; наоборотъ, убѣдительно просились въ русское подданство, прося дать имъ землю и воду [1]). По собраннымъ свѣдѣніямъ пред-

---

[1]) Подобный переходъ къ намъ джемшидовъ и хезарейцевъ въ 1892 году закончился страшнымъ избіеніемъ ихъ афганцами. Объ этомъ см. статью А. А. Семенова „Страницы изъ исторіи Азіи" въ іюньской книжкѣ „Вѣстникъ Европы" за 1908 годъ.

полагался грандіозный планъ такого рода: джемшиды, ханы которыхъ бѣжали въ наши предѣлы изъ кабульской тюрьмы, послали этотъ, т. сказать, передовой отрядъ въ наши предѣлы съ тѣмъ, чтобы оставшаяся въ Афганистанѣ часть джемшидовъ, по соглашенію съ хезарейцами, фирузкухами, теймении и другими племенами сѣвернаго Афганистана, подняли возстаніе противъ афганцевъ. Въ этомъ кровавомъ кошмарѣ должны были участвовать потомъ и джемшиды, переселившіеся къ намъ, при чемъ Россія, какъ принявшая ихъ въ подданство, неминуемо должна была ввязаться въ эту распрю. Послѣдствіемъ же всего этого, по плану иниціаторовъ возстанія, должно было быть присоединеніе всего сѣвернаго Афганистана къ Россіи.

Съ этнографической точки зрѣнія этотъ фактъ интересенъ, какъ образецъ той международной политики, которая зрѣетъ не въ кабинетахъ европейскихъ дипломатовъ, а въ умахъ народныхъ массъ. Эта послѣдняя уже не разъ играла роль въ культурныхъ завоеваніяхъ Россіи на азіатскомъ востокѣ, только не всегда она должнымъ образомъ оцѣнивалась въ русскихъ культурныхъ центрахъ.

Между прочимъ, нашъ корреспондентъ сообщаетъ, что, посѣтивъ джемшидовъ въ концѣ сентября въ Сары-Язахъ, вынесъ о нихъ впечатлѣніе хорошее: интересное племя, съ несомнѣнно интересными бытовыми особенностями; по первому впечатлѣнію—очень общительны.

Этнографическая экскурсія пр. Ф. Колессы, по словамъ „Утра„ закончена. Львовскій профессоръ предпринялъ ее для записи мелодій историческихъ думъ отъ кобзарей Полтавской губ. Поѣздка оказалась очень удачною. Проф. Колесса собралъ на 57 фонографическихъ валикахъ значительное количество кобзарскихъ мелодій въ нѣсколькихъ варіантахъ. Больше всего записано думъ отъ извѣстнаго кобзаря Михаила Кравченки изъ Сорочинецъ, представителя старой кобзарской школы. По переводѣ фонографическихъ записей на нотное письмо мелодіи эти займутъ не менѣе пяти печатныхъ листовъ. Это первый случай записи мелодій украинскихъ историческихъ думъ фонографомъ; до сихъ поръ существовали записи лишь трехъ думъ, записанныхъ на ноты по слуху лѣтъ тридцать тому назадъ. Предположенное изданіе записанныхъ мотивовъ, по-

мимо большого научнаго значенія, представить интересъ и для болѣе широкихъ круговъ любителей украинской народной пѣсни.

Программа для собиранія свѣдѣній по русскому сектантству и старообрядчеству, изданная В. Д. Бончъ-Бруевичемъ и разсылаемая всѣмъ желающимъ (адресъ издателя: Спб., Пески, Херсонская, 5-7, кв. 27), предпринята послѣднимъ въ цѣляхъ собиранія изданія „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола“. Программа въ своихъ 35-ти пунктахъ удѣляетъ главное вниманіе сектантской общинѣ, автобіографіи сектанта, гоненіямъ его и содержанію его вѣроученія. Послѣдній пунктъ слѣдовало бы въ самой программѣ разработать детальнѣе и нагляднѣе. Глухо сказано въ программѣ о всемъ „бытѣ“ вообще. За идеологическимъ содержаніемъ сектантства упускается изъ виду (или, м. б., не выдвигается ясно) содержаніе чисто этнографическое. Дѣло въ томъ, что многія черты быта переживаются и сектантомъ и старообрядцемъ безсознательно, внѣ его идеологическихъ стремленій. Таковыми могутъ быть: костюмъ, музыкальное и словесное творчество не религіознаго характера, предметы домашняго обихода, народныя примѣты, праздники, предразсудки и т. п. Наконецъ, немаловажную роль играетъ принадлежность къ той или другой этнической группѣ, а также языкъ и даже прежняя религія, отъ которой сектантъ теперь отсталъ. Въ слѣдующемъ номерѣ „Этнографическаго Обозрѣнія“ печатается статья С. К. Кузнецова: Черемисская секта кугу-сортà; по этой статьѣ ясно можно представить себѣ какъ всю важность этнографическаго изслѣдованія сектантства, такъ, между прочимъ, и цѣнность безпристрастныхъ этнографическихъ свѣдѣній даже для уясненія сектантскихъ отвлеченныхъ, иногда, казалось бы, чисто субъективныхъ идеологій.

Г. Бончъ-Бруевичъ уже издалъ первый выпускъ своихъ „матеріаловъ“. Этотъ выпускъ, какъ нельзя больше, оправдываетъ высказанное выше о его программѣ. Поэтому приходится, къ сожалѣнію, признать и „Программу“ и „матеріалы“ не вполнѣ удовлетворяющими объективнымъ запросамъ этнографической науки.

Въ обращеніи къ собирателямъ матеріаловъ слѣдовало бы иначе формулировать слѣдующій пунктъ: „Если рукописи эти намъ будутъ переданы совершенно, то мы обязуемся сохранить ихъ въ цѣлости и сохранности для нуждъ будущихъ поколѣній, для чего

мы будемъ ихъ передавать *на храненіе* въ рукописное Отдѣленіе Библіотеки Академіи Наукъ". Передавать рукописи цѣнныя, а тѣмъ болѣе съ интимнымъ содержаніемъ частному лицу въ настоящее время болѣе чѣмъ нежелательно. Ихъ прямо слѣдовало бы направлять или въ Публичную Библіотеку, или въ Библіотеку Академіи Наукъ и *не на храненіе* отъ г-на издателя ихъ, а въ полную собственность отъ ихъ обладателя. Это было бы лучшимъ обезпеченіемъ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ отъ всякихъ случайностей.

Отдѣлъ, посвященный сектантству и старообрядчеству, недавно основанъ въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Академіи Наукъ въ Спб. Въ отдѣлѣ уже немало цѣнныхъ рукописей.

„Извѣстія Императ. Рус. Геогр. О-ва" за 1907 годъ, какъ объявлено въ выпускѣ I—II за 1908 г., печатаются и выйдутъ сразу цѣлымъ томомъ. За 1908 г. вышло уже 4 выпуска. Это еще лишній примѣръ, подтверждающій справедливость мнѣнія, что въ Россіи даже солидно поставленнымъ ученымъ обществамъ трудно выпускать своевременно періодическія изданія. Не входя въ обсужденіе деталей этого прискорбнаго явленія, нужно пожелать, чтобы ученыя учрежденія были болѣе обезпечены всѣмъ, отъ чего можетъ зависѣть успѣхъ ихъ изданій.

Сказки въ Вятской и Пермской губерніяхъ нынѣшнею осенью собиралъ Д. К. Зеленинъ, командированный туда II-ымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Съ тою же цѣлью въ началѣ зимы онъ ѣдетъ отъ Академіи въ Оренбургскую губернію.

Библіографія о горцахъ-таджикахъ, почти законченная въ настоящее время А. А. Семеновымъ, имѣетъ быть напечатана въ „Этнографическомъ Обозрѣніи".

Нѣкоторыя древности Средней Азіи, собранныя и обработанныя А. А. Семеновымъ, предположены къ изданію А. А. Бобринскимъ въ видѣ альбома.

Поправка къ статьѣ о фетишизмѣ В. Н. Харузиной („Э. О." 1908, № 1—2, стр. 80). Авторъ былъ введенъ итальянской замѣткой о книгѣ Belluci, заглавіе которой на самомъ дѣлѣ не „Il feticismo primitivo in Italia", а слѣдующее: „Gli amuleti italiani antichi e contemporanei".
